
ISSN 2227-1171 (Print)

Том 14, № 1. 2023

Сквозной номер – 51

ISSN 2542-1247 (Online)

Vol. 14, No. 1. 2023

Continuous issue – 51

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель:

Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
420108, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Редакционно-издательское отделение:

420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

Выходит с 2010 года ежеквартально

Индекс в объединенном каталоге
«Пресса России» – 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций 29 июня 2012 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в первую категорию (К1)
Перечня ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук
(5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки);
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые)
науки (юридические науки);
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки))

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (e-LIBRARY)
Журнал включен в Ulrich's Periodicals Directory
Журнал включен в электронный периодический
справочник «Система ГАРАНТ»

Журнал распространяется только по подписке

Scientific and Theoretical Journal

Founder and publisher:

the Kazan Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
35, Magistralnaya, Kazan
420108, The Republic of Tatarstan, Russia

Editorial-and-publishing office:

128, Orenburgskii trakt
420059, Kazan

The Journal is being published since 2010 each quarter

Index in the combined catalog
"Pressa Rossii" – 84683

The Journal is registered
in Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Communications
June, 29, 2012.
Identification Number PI No. FS 77-50418

The Journal is included in the first category
of the Catalogue of the leading peer-reviewed journals, in
which should be published basic scientific results
of degree dissertations

(5.1.1. Theoretical-historical legal sciences (legal sciences);
5.1.2. Public and law (state-legal) sciences (legal sciences);
5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences))

The Journal is included in the Russian
Science Citation System (e-LIBRARY)

The Journal is included
in the Ulrich's Periodicals Directory

The Journal is included
in the electronic periodical "Sistema GARANT"

The Journal is available only on a subscription basis

e-mail: vestnikkui@mail.ru

<http://www.vestnikkui.ru>

Редакционный совет

Андреев Максим Валентинович – доктор юридических наук, доцент (Казань, Казанский юридический институт МВД России). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Бакулина Лилия Талгатовна – доктор юридических наук, доцент (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет). ORCID: 0000-0002-8891-6974

Балахонский Виталий Витальевич – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Безверхов Артур Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)

Варыгин Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор (Саратов, Саратовская государственная юридическая академия)

Воронин Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, профессор (Москва, Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета)

Гаврилов Борис Яковлевич – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0002-2529-491X

Гишинский Яков Ильич – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации)

Готчина Лариса Владимировна – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Демидов Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Главный федеральный инспектор по Республике Татарстан

Дубровин Сергей Викторович – доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)

Егорышев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор (Уфа, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Мезяев Александр Борисович – доктор юридических наук, профессор (Казань, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Нигматуллин Ришат Вахидович – доктор юридических наук, профессор (Уфа, Башкирский государственный университет). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Степаненко Равия Фаритовна – доктор юридических наук, профессор (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Редакционная коллегия

Председатель – **Зиннуров Фоат Канафиевич**, доктор педагогических наук, профессор, начальник Казанского юридического института МВД России. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Заместитель председателя – **Миронов Сергей Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по научной работе).

ORCID: 0000-0003-1532-9258

Члены редакционной коллегии:

Алиуллов Рашид Рахимуллович – доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД Казанского юридического института МВД России

Бабичев Арсений Георгиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России

Гарафутдинов Марат Рафикович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по учебной работе)

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

Зотина Елена Владимировна – начальник редакционно-издательского отделения Казанского юридического института МВД России

Казанцев Сергей Яковлевич – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

Шайдулина Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

Шалагин Антон Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России



Editorial Board

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor (Kazan, the Kazan Law Institute of MIA of Russia). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Liliya Talgatovna Bakulina, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University). ORCID: 0000-0002-8891-6974

Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor of Philosophy (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Artur Gennad'evich Bezverhov, Doctor of Law (Doctor habilitatus) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Koroljov)

Aleksandr Nikolaevich Varygin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)

Mikhail Yurievich Voronin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor of Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Boris Yakovlevich Gavrilov, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2529-491X

Yakov Il'ich Gilinskiy, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Saint Petersburg, Saint Petersburg Law Institute (branch) University of the Public Prosecutor's Office of the Russian Federation)

Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Victor Nikolaevich Demidov, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Chief Federal Inspector of the Republic of Tatarstan

Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Moscow University of MIA of Russia)

Sergey Vasil'evich Egoryshev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Aleksandr Borisovich Mezyaev, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Bashkir State University). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Raviya Faritovna Stepanenko, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Editorial Council

Chairperson:

Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus), Professor, Chief of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Vice Chairman:

Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of History (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Kazan Law Institute of MIA of Russia for academic work. ORCID: 0000-0003-1532-9258

Editorial Board:

Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Arseny Georgievich Babichev, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work

Demidova-Petrova Elizaveta Viktorovna, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminology and Criminal Executive Law, the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Elena Vladimirovna Zotina, Chief of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus), Candidate of Law (Research doctorate), Professor, Professor of Criminalistics of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Yurii Yur'evich Komlev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor, Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Elvira Damirovna Shaidullina, Candidate of Law (Research doctorate), Deputy Chief of Department of Criminal Process of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Anton Evgen'evich Shalagin, Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<i>CONTENTS</i>	6
<u>ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ</u>	
Арямов А.А. Византизм в генезисе отечественного уголовного права.....	8
Афзалетдинова Г.Х. Отражение справедливости в механизме нормирования как условие эффективности действия права.....	15
Куликов М.А. Результаты манипулирования юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе: общетеоретический анализ.....	23
Набиев Р.Ф., Кабиров Д.Э. Сталинградская битва и ее значение для создания послевоенной системы мира.....	32
<u>ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ</u>	
Амануллина А.Ф. Гарантии прав человека как элемент российской конституционной идентичности	38
Багаутдинов Ф.Н. Вопросы ограничения избирательных прав ранее судимых лиц.....	45
<u>УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ</u>	
Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних: особенности, причинный комплекс.....	51
Игнатов А.Н., Соловьев В.С. Информационно-когнитивные технологии в механизме цифровой виктимизации.....	59
Илиджев А.А. Особенная часть уголовного права как отражение уголовной политики российского государства.....	67
Каримов А.М. Преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: сравнительно-правовой аспект.....	75
Кобец П.Н. Совершенствование законодательных мер по противодействию противоправным деяниям в сфере трансплантологии	83
Коноваленко С.А., Трофимов М.Н. Региональные аспекты оценки состояния экономической преступности.....	90
Латыпов В.С. Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера: вопросы теории и нормативного регулирования.....	102
Мунгалов Е.А. Использование технических средств в ходе осмотра места происшествия по фактам незаконной рубки лесных насаждений.....	112
Мурсалимов А.Т. Метавселенная – новое пространство совершения мошенничества в сфере кредитования.....	118
Рахматуллин Р.Р. О необходимости фундаментального исследования проблем раскрытия преступлений.....	124

Рогова Е.В., Качурова Е.С.	
Криминологические особенности насильственных пенитенциарных преступлений несовершеннолетних.....	132
Савченко А.Н.	
Об электронном документе в досудебном уголовном производстве.....	138
Фарахiev Д.М.	
Актуальные вопросы разграничения провокации взятки и смежных составов преступлений	146
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	155

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Aryamov A.A. Byzantism in The Genesis of the Russian Criminal Law.....	8
Afzaletdinova G.H. The Reflection of Justice in the Regulation Mechanism as a Condition of Efficiency Action of the Law.....	15
Kulikov M.A. Results of Legal Goals and Means Manipulation in the Law Interpretation Process: General Theoretical Analysis.....	23
Nabiev R.F., Kabirov D.E. The Battle of Stalingrad and its Meaning for the Creation of a Postwar World System.....	32

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Amanullina A.F. Guarantees of Human Rights as an Element of the Russian Constitutional Identity	38
Bagautdinov F.N. Issues of Restricting the Voting Rights of Previously Convicted Persons.....	45

CRIMINAL LAW SCIENCES

Demidova-Petrova E.V. Juvenile Delinquency: Features, Causal Complex.....	51
Ignatov A.N., Solovyov V.S. Information and Cognitive Technologies in the Mechanism of Digital Victimization.....	59
Илjev A.A. The Special Section of the Criminal Law as a Reflection of the Criminal Policy of the Russian State.....	67
Karimov A.M. Computer Crimes and Crimes Committed Through the Use of Modern Technology: a Comparative Legal Aspect.....	75
Kobets P.N. Improving Legislative Measures to Counter Illegal Acts in Transplantation.....	83
Konovalenko S.A., Trofimov M.N. Regional Aspects of Assessing the State of Economic Crime.....	90
Latypov V.S. A Person in Respect of Whom Proceedings Are Being Conducted on the Application of Compulsory Medical Measures: Issues of Theory and Regulatory Measures.....	102
Mungalov E.A. Use of Technical Means During Inspection of the Site of Incident on the Facts of Illegal Felling of Forest Plants.....	112
Mursalimov A.T. Metaverse – a New Space for Committing Fraud in the Field of Lending.....	118
Rahmatullin R.R. On the Need for Fundamental Research of the Challenges in Crime Detection.....	124
Rogova E. V., Kachurova E. S. Criminological Features of the Study of Violent Penitentiary Crimes of Minors.....	132
Savchenko A.N. Electronic Documents in Pre-Trial Criminal Proceedings.....	138

Farahiev D.M.	
Topical Issues of Distinguishing the Provocation of a Bribe from Related Offenses.....	146
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	155

Научная статья
УДК 343.2/.7, 340.151
DOI: 10.37973/KUI.2023.44.64.001



ВИЗАНТИЗМ В ГЕНЕЗИСЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Андрей Анатольевич Арямов,
Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия,
proector_nauka@rsuj.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена исследованию вопроса о глубине и основных тенденциях влияния права Восточной Римской империи (византийского права) на становление и развитие русского уголовного права. Целью статьи является обоснование опровержения точки зрения ряда теоретиков о юридической «отсталости» и запрограммированной имплементационной обреченности отечественного публичного и уголовного права.

Материалы и методы: в качестве материалов для научного исследования автором избраны юридические памятники Восточной Римской империи: Дигесты Юстиниана, Эклога, Номоканоны, Прохирон и др.; а также юридические памятники Древней Руси: договоры с Византией князей Олега и Игоря, Уставы князей Владимира Святославовича и Ярослава Владимировича, Русская Правда, Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота, различные редакции Кормчих книг и Мерила Праведного и др. Используются метод исторического анализа, сформулированный еще в античности Фукидидом, и метод исторической реконструкции сравнительного правоведения.

Результаты исследования: отечественное уголовное право с момента своего формирования основывалось на традициях классического римского права в его наиболее развитой византийской форме. Рецепция римского права в русское уголовное право осуществлялась по двум направлениям: каноническое право и светское право. И если вектор византийского влияния на развитие светского уголовного права со временем угас, то каноническое право продолжает его испытывать и в настоящее время.

Обсуждение и заключение: понимание истинных исторических корней становления отечественного права формирует фундамент его развития в настоящий момент и освобождает реформу российского уголовного права от искусственно навязанной зависимости от тенденций развития европейского публичного права.

Ключевые слова: уголовное право; ответственность; исторический анализ; Русская Правда; Устав Владимира Святого; Номоканон; Эклога; Прохирон; генезис; рецепция; влияние

© Арямов А.А., 2023

Для цитирования: Арямов А.А. Византизм в генезисе отечественного уголовного права // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 8 – 14. DOI: 10.37973/KUI.2023.44.64.001

Scientific article

UDC 343.2/.7, 340.151

DOI: 10.37973/KUI.2023.44.64.001

BYZANTISM IN THE GENESIS OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

Andrey Anatolievich Aryamov,
Russian State University of Justice, Moscow, Russia,
prorector_nauka@rsuj.ru

Abstract:

Introduction: the author studies profundity and the major trends of impact of the right of the Eastern Roman Empire (Byzantine law) on the development of the Russian criminal law. The goal of the study is substantiation of the rebuttals to a point of view of some scholars on legal “underdevelopment” and of the programmed implementation doom of domestic public and criminal law.

Materials and Methods: legal monuments of the Eastern Roman Empire – Digests of Justinian, Ekloga, Nomocanons, Prochiron etc. – were the basis for the study, as well as legal monuments of Ancient Russia: Treaties with Byzantium of Princes Oleg and Igor, Charters of Princes Vladimir Svyatoslavovich and Yaroslav Vladimirovich, Russkaya Pravda (Russian Truth), Pskov Judicial Charter, Novgorod Judicial Charter, various editions of Kormlichy Books (Pidalion) and Merila the Righteous, etc. The author used the method of historical analysis made by Fucidid in antiquity and the method of historical reconstruction of the comparative jurisprudence.

Results: the domestic criminal legislation from its establishment based on the traditions of the classical Roman law in its most developed Byzantium form. And while the vector of Byzantine influence on the development of secular criminal law has faded over time, canon law continues to experience it today.

Discussion and Conclusions: understanding of the true historical roots of the establishment of the domestic law forms the foundation for its development nowadays and frees the reform of Russian criminal law from artificially imposed dependence on trends in the development of European public law.

Keywords: criminal law; responsibility; historical analysis; Russkaya Pravda; St. Vladimir's Charter; Nomocanon; Eclogue; Prochiron; genesis; reception; influence

© Aryamov A.A., 2023

For citation: Aryamov A.A. Byzantism in the Genesis of the Russian Criminal Law. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 8 – 14. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.44.64.001

Введение

Как справедливо отметил выдающийся отечественный историк В.О. Ключевский, «прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому что, уходя, не умело убрать своих последствий» [1, с. 7]. В настоящее время обострилось внимание к нашим историческим корням, в том числе и к генезису российского права. Парадоксально, но на фоне общего признания факта восприятия Русью православия от Византии вопрос о поиске корней русского права в праве римском и сегодня является дискуссионным. Существенная часть либерально ориентированных представителей историко-правовой доктрины и в настоящее время отстаивает тезис о приоритете европейского права над отечественным в силу происхождения первого от римского права. Тем не менее, как отмечал О.В. Георгиевский: «Вопрос о степени влияния римского права на право русское сегодня

продолжает оставаться в числе самых малоисследованных вопросов не только в истории, но и в истории права... речь идет о греко-римском (византийском праве).» [2, с. 34].

Материалы и методы

В качестве материалов автором избраны:

1. Юридические памятники Восточной Римской империи: Дигесты Юстиниана, Эклога, Номоканоны, Прохирон и др.

2. Юридические памятники Древней Руси: договоры с Византией князей Олега и Игоря, Уставы князей Владимира Святославовича и Ярослава Владимировича, Русская Правда, Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота, различные редакции Кормчих книг и Мерила Праведного и др.

Методология исследования представлена методами исторического анализа и исторической реконструкции сравнительного правоведения.

Результаты исследования

Весьма распространенным суждением в юридической науке распространена точка зрения, согласно которой право Западной и Центральной Европы исторически основывается на традициях римского права, чем и обуславливается его «развитость» и «эталонность»; генезис же отечественного права лишен непосредственных генетических связей с римским правом (в лучшем случае такие связи реализуются транзитом посредством польско-литовской интерпретации), что и предопределило «отсталость» отечественной правовой мысли и законодательства. Примечательно, что такой подход не теряет популярности, несмотря на то что целая плеяда авторитетных представителей юридической доктрины (И.Д. Беляев, М.Ф. Владимиров-Буданов, П.С. Качалов, В.О. Никольский, В.И. Сергиевич [3, 4, 5, 6, 7]) еще в XIX в. его убедительно опровергла.

Имела место диаметрально противоположная ситуация: это европейские государства восприняли римско-правовые традиции транзитом через их интерпретацию в Варварских правдах. В отражении в европейских правовых актах правосознания римских юристов наблюдаются серьезные временной (в несколько веков), географической и цивилизационный разрывы. Франкские и германские юристы творили спустя полтысячелетия после падения Рима, они как бы реанимировали правовой архаический материал. Становление же отечественного права демонстрирует принципиально иную картину: вместе с заимствованием православного христианства¹ рецепции подверглись и алфавит (письменность), и государственное устройство, и правовая система. Причем имело место непосредственное (без каких-либо транзитов и интерпретаций) взаимодействие двух «живых» систем. Отсутствовала реанимация архаичного материала, «трансплантировались» положения двух «живых» сосуществующих юридических «организмов». На территории Руси, а позднее и России, непосредственно действовали правовые акты Византии. Они продолжали свое действие и после падения Византии (феномен проявления принципа «переживания» действия закона во времени), а некоторые из них продолжают действовать и поныне в сфере канонического права (нормативные акты Русской православной церкви). Правовые обычаи раннефеодального общества вошли в контакт с импортируемыми универсальными кодифицированными правовыми актами. И это сочетание в первом приближении несовместимых явлений породило доста-

точно крепкий юридический «сплав» (условно можно провести аналогию с дамасской сталью), о чем мы более подробно уже ранее писали в своих предыдущих работах [8, 9, 10, 11, 12, 13, 14].

Впервые в историко-юридической доктрине проблематику влияния права Византии на право Древней Руси обозначил авторитетный ученый Н.В. Калачов: «...на каких данных утвердилась ее юридическая сила в нашем отечестве и как могла эта сила не только окрепнуть, но и развиться на нашей почве, или: каким образом чуждая нашим предкам догма Византийского права могла сделаться и у них не только каноном, но и живым, практическим источником церковного и светского судопроизводства?» [15, с. 2].

Восточная Римская империя в тот период представляла собой своеобразный цивилизационный эталон. Подражать ей в культурном или юридическом плане было не зазорно; более того, даже почетно. Древняя Русь не была особым исключением. Такое заимствование наблюдалось даже во время ведения боевых действий с Цареградом, что наглядно демонстрирует история взаимоотношений Византии с Болгарским царством.

Полагаем, необходимо сделать следующую оговорку: диффузию правовых систем Византии и Древней Руси ни в коем случае нельзя рассматривать исключительно в призме принятия Русью православия. Взаимодействие и взаимопроникновение двух правовых систем началось еще до крещения языческой Руси (например, договоры с греками князей Олега и Игоря). Также термины «взаимодействие» и «взаимопроникновение» нами применяются весьма условно; говорить о равноправном (равновекторном) взаимодействии развитой системы права Византии и находящегося в эмбриональном состоянии (на тот момент) права Руси не приходится. Плотный культурно-политический контакт раннефеодальной Руси с цивилизационным центром мира того времени (Восточной Римской империей) породил острую необходимость в разработке и принятии «общих правил игры» [16, с. 3]; естественно, правовой арсенал руссов мало что мог предложить в качестве вклада в этот «совместный капитал»; это неизбежно обусловило доминирование в рассматриваемом процессе Византийского права. Назвать такой процесс компромиссом (как это делают некоторые ученые [16, с. 4]) было бы несправедливо.

Взаимодействие различных правовых систем, где одна из которых находится в эмбриональном

¹ «...восприял еси св. крещение от грецкого царя и от Фотия, патриарха цареградского» // «Повесть временных лет».

юридическом состоянии, а другая достигла апогея правового расцвета, осуществляется в формах рецепции и симбиоза. Первым опытом правового симбиоза византийского права и обычного права восточных славян/русов являются договоры князей Олега и Игоря с греками 911, 945 и 971 годов, о содержании которых известно из «Повести временных лет». Симбиоз русского и византийского в этих договорах наглядно демонстрирует следующее положение: «вор должен быть наказан «по закону греческому и по уставу и закону русскому»¹.

Базовой рецептивной формой взаимодействия византийского права и письменного права Древней Руси являются Устав Святого князя Владимира Святославовича о десятинах и церковных людях и Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах, дошедшие до нас в тексте Кормчей книги XIII в. Сама концепция интеграции норм светского и канонического права была разработана и оптимизирована именно в Восточной Римской империи и отсюда была удачно заимствована в русское правовое пространство. В доктрине проанализированы пять редакций этих документов. Заимствование актов канонического византийского права Русью (и в дальнейшем Россией) носило естественный характер; так как с крещения Руси и до 1597 г. (момент учреждения русской патриархии) русская церковь, а следовательно, и церковные суды подчинялись (организационно, методологически, нормативно...) константинопольскому патриарху [17, с. 90]. За многовековое бытие такого подчиненного бытия прочно сформировались каноническое правовое пространство и система церковных правовых обычаев таким образом, что и после учреждения российского патриархата, и даже после его ликвидации Петром I и дальнейшего возрождения в XX в. эта связь с византийским каноническим правом не была утрачена. «Наиболее важные из реципированных кодексов суть: 1) Эклога Льва Исаврянина и Константина Копронима (739 – 741 гг.), усвоенная в самостоятельной переделке; 2) Прохирон Василия Македонянина (870 – 878 гг.), называемый в наших кормчих «законами градскими» – памятник, богатый содержанием и близкий по духу к римскому праву; но в Книгах Законных из него реципировались только некоторые, наиболее необходимые и пригодные части» [4, с. 117]. К этому ряду правовых актов можно отнести и Номоканон Иоанна Схоластика (составной частью которого были правила четырех вселенских – Халкидонского, Эфесского,

Константинопольского и Никейского – и шести поместных соборов) в пятидесяти титулах, и Номоканон в четырнадцати титулах с хронологической синтагмой канонов в редакции патриарха Фотия (в котором особый интерес представляет Титул IX о преступлениях епископов и клира), Эпанагога 1876 г., Василики 890 г. и, разумеется, Дигесты Юстиниана.

В «Повести временных лет» нашел отражение (правда, не закрепленный в дошедших до нас правовых актах) первый случай в отечественном праве – введение моратория на смертную казнь: после принятия православия великий князь Владимир Святославович запретил казнить разбойников: «ибо, говорил он, боюсь греха» – в результате клирикам пришлось объяснять неофиту, что наказание преступников – не грех, а долг правителя [15, с. 4]. Насколько достоверно это повествование в настоящее время, определить трудно, но данный сюжет отражает сложный процесс «творческих метаний» в преддверии создания Устава.

Достаточно распространенной является точка зрения, согласно которой жестокие виды наказания, популярные в Восточной Римской империи, не были восприняты правосознанием юристов Древней Руси, в силу чего не нашли своего отражения ни в Русской Правде, ни в судебных грамотах, ни в судебниках [18, с. 188-220]. Так, в соответствии с Титулом XVII Дигеста «Наказания за преступления», наказывались за:

- лжеприсягу, данную на Евангелии, – отрезанием языка;
- посягательство на клирика в церкви – сечением плетью и изгнанием;
- алтарное хищение – ослеплением;
- разврат – сечением плетью (12 ударов женотому и 6 холостому);
- скотоложство – также ослеплением;
- соблазнение монахини, крестницы, изнасилование – отрезанием носа;
- инцест и мужеложство – смертной казнью.

Действительно, ни один из этих составов преступлений и видов наказаний ни в Русской Правде, ни в иных правовых актах исследуемого периода не отражен. Но в летописях нередко фиксировались случаи рассмотрения уголовных дел с вменением именно таких преступлений и назначение именно таких наказаний. Например, дело Луки Жидяты. Необходимо учитывать, что рецептированный нормативный материал и сам по себе был отражением достаточно острого противоречия: между возвышенно-жертвенным хри-

¹ «Повесть временных лет». Ст. 8.

стианским духовным содержанием и прагматической юридической формой. Наглядный пример: Номоканон XIV титулов как форма проявления римского правосознания не отрицал «авторитета евангелической жертвенности, но в условиях земных реалий руководствовался своими, во многом отличными от церковного взгляда принципами в области охраны жизни, собственности и чести иноков от посягательств воров, оскорбителей, насильников» [19, с. 31]. Например, п. 4 титула XVII Эклоги гласил: ударивший священника подлежит сечению кнутом и изгнанию, а похитивший или обесчестивший монахиню – отсечению носа. Подобное несколько диссонирует с христианским милосердием: «ударили по левой щеке, подставь правую».

Естественно, подобное диалектическое противоречие в процессе рецепции унаследовало от Византии и русское право. Примером тому может служить дело Луки Жидяты, которого оговорили холопы, что повлекло его заточение в Киеве; виновному в оговоре Дудице были отрезаны нос и обе руки [19, с. 35]. Поскольку в правовых актах того периода отсутствовало упоминание о подобных телесных наказаниях, приходим к выводам: а) либо к данному случаю было применено непосредственно византийское право; б) либо в этом деле нашел проявление иной отечественный правовой регулятор того периода, помимо писаного права, например правовой обычай. То, что это событие не было единичным фактом, подтверждает и расправа над ростовским епископом Федорцом, спустя век после рассмотренного выше дела подвергнутым телесному наказанию; в 1230 г. умер в заточении после отстранения от должности юрьевский игумен Савва; известен суд Андрея Боголюбского (приговоривший виновных к казни) за смерть ростовского епископа Федора, притчей во языцех является «неправый суд» над Требовальским князем Васильком [19, с. 36]. Ни телесные наказания, ни отстранения от должности, ни пожизненное лишение свободы правовыми актами того исторического периода не предусматривались. Рассмотренные казусы ярко опровергают суждение некоторых историков правоведов о гуманности древнерусского права, не

знавшего суровых наказаний и казней (поскольку они не отражены в письменных документах) [4, с. 417-418; 20].

Примечательна попытка закрепления в Эклоге такого варианта правомерного причинения вреда, как убийство оскорбленным супругом любовника, непосредственно застигнутого у собственной жены. Причинитель смерти в таком случае не признавался убийцей и не подлежал ответственности. Но такая привилегия не распространялась на жен. Не признавалось оправданием и причинение смерти любовнику, не застигнутому на месте прелюбодеяния. Также обращает на себя внимание, что допускалось убийство любовника, но не жены – проявление имущественной природы брачно-семейных отношений. Данное положение не нашло непосредственного закрепления в текстах отечественных юридических исторических памятников; но полагаем, общее принятие русским правосознанием такого положения вещей имело место, так как оно соответствует множеству норм русского права и обычая вплоть до Стоглава и Домостроя.

Обсуждение и заключение

Процесс становления и развития уголовного права России являлся достаточно сложным и длительным; он испытывал на себе влияние различных географических, политических и мировоззренческих направлений в разные эпохи. Но в момент его возникновения и долгий период после этого наблюдается мощное и непосредственное (минуя варварско-европейский транзит) византийское влияние. Имеет место глубинная рецепция римского права в самой мощной форме его юридической обработки и закрепления – систематизированного и догматически обеспеченного права Восточной Римской империи. Данный феномен вполне можно определить как «византизм». И импульс такого влияния не угас и по сей день. Генезис отечественного публичного, и прежде всего уголовного, права наглядно демонстрирует органическую связь с римским правом в его наиболее развитой византийской форме, что формирует определенные базисные моменты в современной правопонимании и правоприменении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. Москва: Мысль, 1993. 591 с.
2. Георгиевский Э.В. Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси. Москва: Юрлитинформ, 2013. 232 с.
3. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. 2-е. изд. Москва: Издательство Типо-Лит. С.А. Перовского и Н.П. Панина, 1879. 730 с.

4. Владимиров-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев: Изд-во ун-та, 1907. 714 с.
5. Калачов Н.В. Исследования о Русской Правде. Ч. 1. Москва: типография Августа Семена, 1846. 158 с.
6. Никольский В.О. О началах исследования по древнерусскому праву. Москва: Унив. тип., 1859. 378 с.
7. Сергиевич В.И. Русские юридические древности. В 4-х т., Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Н.А. Лебедева, 1900. 220 с.
8. Арямов А.А., Кулаков В.В. Юридические акты Галицко-Волынского княжества 11 – 13 вв. как исторический памятник отечественного средневекового права // Вопросы истории. 2022. № 3 (2). С. 77 – 84.
9. Арямов А.А., Чигак А.А. Мерило праведное как памятник средневекового отечественного права // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2018. № 4. С. 20 – 29.
10. Арямов А.А., Чигак А.А. Кормчая книга как исторический памятник отечественного уголовного права // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2018. № 3. С.13-26.
11. Арямов А.А., Историко-правовое наследие Галицко-Волынского княжества // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2018. № 2. С. 46 – 49.
12. Культурно-исторические корни отечественного уголовного права / А.А. Арямов, В.П. Бодаевский, А.В. Саливанов, А.В. Кисин // Москва: Юрлитинформ, 2018. 464 с.
13. Арямов А.А. Русские, но не российские юридические памятники 15 в. (уголовно-правовой аспект) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2015. № 5. С. 4 – 8.
14. Арямов А.А. Становление отечественного уголовного права России: ретроспективный анализ. Москва: Юстиция, 2016. 246 с.
15. Калачев Н.В. О значении Кормчей в системе древнего русского права. Москва: Унив. тип. 1850. 128 с.
16. Бондаренко Ю.В. К проблеме рецепции византийского права в древнерусском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 274 – 276.
17. Цыпин В.А. Церковное право. Москва: Изд-во МФТИ. 1996. 442 с.
18. Павлов А.С. Курс церковного права / под ред. В.П. Сальникова и Ю.А. Сандулова. Санкт-Петербург: Лань, 2002. 384 с.
19. Гайденко П.И. Сколько стоила «жизнь инока в домонгольской Руси?: (небольшие наблюдения о социальном статусе древнерусских иноков) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Выпуск 4. 2015. С. 31 – 53.
20. Белякова Е.В. Издание печатной Кормчей (1653 г.) и «византизм» в русской государственности // Вестник Московского университета. 2012. № 5. Сер. 8. История. С. 34 – 50.

REFERENCES

1. Klyuchevskij V.O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij v trekh knigah. Kn. 1. Moskva: Mysl', 1993. 591 s.
2. Georgievskij E.V. Sistema i vidy prestuplenij v ugovnom prave Drevnej Rusi. Moskva: YUrlitininform, 2013. 232 s.
3. Belyaev I.D. Lekcii po istorii russkogo zakonodatel'stva. 2-e. izd. Moskva: Izdatel'stvo Tipo-Lit. S.A. Perovskogo i N.P. Panina, 1879. 730 s.
4. Vladimirov-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. Kiev: Izd-vo un-ta, 1907. 714 s.
5. Kalachov N.V. Issledovaniya o Russkoj Pravde. CH. 1. Moskva, Tipografiya Avgusta Semena. 1846. 158 s.
6. Nikol'skij V.O. O nachalah issledovaniya po drevnerusskomu pravu. Moskva: Univ. tip., 1859. 378 s.
7. Sergievich V.I. Russkie yuridicheskie drevnosti. V 4-h t., T. 1. Sankt-Peterburg: Tipografiya N.A. Lebedeva, 1900. 220 s.
8. Aryamov A.A., Kulakov V.V. YUridicheskie акты Galicko-Volynskogo knyazhestva 11-13 vv. kak istoricheskij pamyatnik otechestvennogo srednevekovogo prava // Voprosy istorii. 2022. № 3 (2). S. 77 – 84.
9. Aryamov A.A., CHigak A.A. Merilo pravednoe kak pamyatnik srednevekovogo otechestvennogo prava // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region. 2018. № 4. S. 20 – 29.
10. Aryamov A.A., CHigak A.A. Kormchaya kniga kak istoricheskij pamyatnik otechestvennogo ugovnogo prava // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region. 2018. № 3. S. 13 – 26.
11. Aryamov A.A., Istoriko-pravovoe nasledie Galicko-Volynskogo knyazhestva // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region. 2018. № 2. S. 46 – 49.

12. Kul'turno-istoricheskie korni otechestvennogo ugolovnogo prava / A.A. Aryamov, V.P. Bodaevskij, A.V. Salivanov, A.V. Kisin // Moskva: YUrlitinform, 2018. 464 s.
13. Aryamov A.A. Russkie, no ne rossijskie yuridicheskie pamyatniki 15 v. (ugolovno-pravovoj aspekt) // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region. 2015. № 5. S. 4 – 8.
14. Aryamov A.A. Stanovlenie otechestvennogo ugolovnogo prava Rossii: retrospektivnyj analiz. Moskva: YUsticiya, 2016. 246 s.
15. Kalachev N.V. O znachenii Kormchej v sisteme drevnego russkogo prava. Moskva: Univ. tip. 1850. 128 s.
16. Bondarenko YU.V. K probleme recepcii vizantijskogo prava v drevnerusskom zakonodatel'stve // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2010. № 4. S. 274 – 276.
17. Сypин V.A. Cerkovnoe pravo. Moskva: Izd-vo MFTI. 1996. 442 s.
18. Pavlov A.S. Kurs cerkovnogo prava / pod red. V.P. Sal'nikova i YU.A. Sandulova. Sankt-Peterburg: Lan', 2002. 384 s.
19. Gajdenko P.I. Skol'ko stoila «zhizn' inoka v domongol'skoj Rusi?: (nebol'shoe nablyudenie o social'nom statuse drevnerusskih inokov) // Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah. Vypusk 4. 2015. S. 31 – 53.
20. Belyakova E.V. Izdanie pechatnoj Kormchej (1653 g.) i «vizantizm» v russkoj gosudarstvennosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2012. № 5. Ser. 8. Istorija. S. 34 – 50.



Информация об авторе:

Арямов Андрей Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия, ORCID: 0000-0001-6626-7734, prorector_nauka@rsuj.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Aryamov Andrey A., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Vice-Rector for Research of Russian State University of Justice, ORCID: 0000-0001-6626-7734, prorector_nauka@rsuj.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 01.02.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

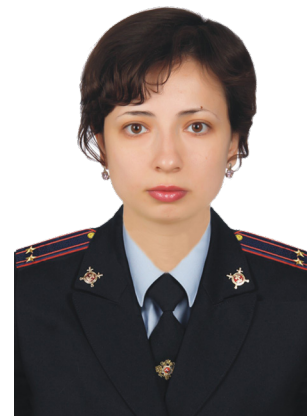
Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 340.13
DOI: 10.37973/KUI.2023.16.44.002

ОТРАЖЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В МЕХАНИЗМЕ НОРМИРОВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЙСТВИЯ ПРАВА

Гульнара Хасановна Афзалетдинова,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
a.gulnara1303@gmail.com



Аннотация

Введение: в статье рассматривается юридическая справедливость, основу которой составляет справедливость как морально-нравственное явление. От отражения анализируемого понятия в механизме нормирования будет зависеть ее дальнейшая действенность в механизмах регулирования, принуждения и суда. Категория справедливости с позиций аксиологического и деонтологического подходов находит отражение в механизме нормирования. В период кризиса, который детерминируют внешние и внутренние факторы, возникает опасная тенденция «размывания принципов», что может сказаться и на принципе справедливости.

Материалы и методы: автор опирался на труды отечественных исследователей. В качестве методологических подходов использованы системно-структурный метод, метод социальной феноменологии, общенаучные методы анализа, сравнения, дедукции.

Результаты исследования: посредством механизма нормирования справедливость из нравственной категории переходит в нравственно-правовую, отражаясь в нормах права. Отмечена опасная тенденция сведения принципа справедливости к формально-юридическим конструкциям в процессе механизма нормирования, что может вызвать девальвацию рассматриваемой категории. Для того чтобы уровень юридической справедливости не стал оцениваться со знаком минус, не трансформировался в свой антипод, необходимо в процессе механизма нормирования стремиться не отражать в нормах права приоритет публичных интересов над частными, а создавать нормативные условия для обеспечения баланса публичных и частных интересов в обществе.

Обсуждение и заключение: отмечается, что проведение экспертиз проектов нормативных актов с привлечением ученых в данной области по установлению факторов, способствующих грамотному отражению принципов и ценностей, в том числе справедливости в механизме нормирования, принесет положительный результат. Изложены предложения по выявлению факторов, детерминирующих принятие нормативного акта, не в полной мере способствующего воплощению принципа справедливости. Представления о справедливости, находящие отражение в механизме нормирования, могут претерпевать изменения со временем в зависимости от ряда обстоятельств, интересов отдельных групп и др.

© Афзалетдинова Г.Х., 2023

Ключевые слова: принцип справедливости; ценность; нравственная категория; морально-нравственная основа; механизмы действия права; механизм нормирования; правоприменение; эффективность

Для цитирования: Афзалетдинова Г.Х. Отражение справедливости в механизме нормирования как условие эффективности действия права // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 15 – 22. DOI: 10.37973/KUI.2023.16.44.002

Scientific article
UDC 340.13
DOI: 10.37973/KUI.2023.16.44.002

THE REFLECTION OF JUSTICE IN THE REGULATION MECHANISM AS A CONDITION OF EFFICIENCY ACTION OF THE LAW

Gulnara Hasanovna Afzaletdinova,
V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
a.gulnara1303@gmail.com

Abstract

Introduction: the article deals with legal justice, which is based on a similar category as a moral phenomenon. Its further efficacy in the mechanisms of regulation, coercion, and trial, in which its "invisible shadow" must be present, will depend on the reflection of the concept under study in the rationing mechanism. The category of justice from the point of axiological and deontological approaches reflects in the rationing mechanism. During the crisis determining external and internal factors dangerous trend of "erosion of principles" appears which may affect the equity-based approach.

Materials and Methods: the author relied on the works of domestic researchers. System and structural, social phenomenology, general scientific method of analysis, comparison, deduction were used as methodological approaches.

Results: through the mechanism of regulation, justice from a moral category passes into a moral and legal one reflecting in the rules of law. A dangerous tendency is noted to reduce the principle of justice to legal constructions in the process of the rationing mechanism, which can cause devaluation of the category in question. In order for the level of legal justice not to be assessed with a minus sign, not to be transformed into its antipode, it is necessary in the process of regulation mechanism to strive to reflect in the rules of law not the priority of public interests over private ones, but to create regulatory conditions to ensure a balance of public and private interests in society.

Discussion and Conclusions: it is noted that the examination of draft regulations with the involvement of scientists in this field to establish factors that contribute to the competent reflection of principles and values, including justice in the rationing mechanism, will bring a positive result. Suggestions are made to identify the factors that determine the adoption of a normative act that does not fully contribute to the implementation of the principle of justice. Ideas about justice, which are reflected in the rationing mechanism, may change over time, depending on a number of circumstances, the interests of individual groups, etc.

© Afzaletdinova G.H., 2023

Keywords: the principle of justice; value; moral category; moral basis; mechanisms of action of law; rationing mechanism; law enforcement; efficiency

For citation: Afzaletdinova G.H. The Reflection of Justice in the Regulation Mechanism as a Condition of Efficiency Action of the Law. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 15 – 22. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.16.44.002

Введение

Понимание справедливости необходимо как гражданам, так и правоприменителям при регулировании различного спектра общественных отношений, принадлежащих к любой из имеющихся отраслей права. От того, в какой степени анализируемая категория получит отражение в механизме нормирования, будет зависеть ее дальнейшая действенность в механизмах регулирования, принуждения и суда, эффективность конкретного нормативного акта, которая проходит невидимую верификацию на соответствие справедливости.

Рассмотрение нормирования сквозь призму «механизм» направлено на то, чтобы подчеркнуть его действенность посредством связей между его структурными элементами. В данном случае механизм нормирования представляется в качестве абстрактной модели в целях изучения структурных элементов действия права. Справедливо отмечено, что «с этой точки зрения, право в целом следует признать механизмом (одним из главных социальных механизмов) ...» [1, с. 116]. Оптимальной представляется точка зрения профессора В.П. Малахова о выделении механизмов права, связанных с основными направлениями его дей-

ствия, – механизмов нормирования, регуляции, принуждения и суда [1, с. 122].

Восстановление справедливости в обществе являлось одной из причин войн и революций, и сегодня, на пороге четвертой промышленной революции, рассматриваемый принцип не теряет своей важности в праве в целом и в отдельных механизмах действия права в частности. Безусловно, принцип справедливости тесно связан с равенством, свободой и другими принципами, детерминируя условия для правового демократического государства.

При рассмотрении справедливости с позиции аксиологического подхода происходит невольное сопоставление ее с другими ценностями, такими как свобода, равенство, общее благо, национальный интерес, сохранение разумного порядка, благополучие, безопасность и др., при этом справедливости должно отводиться приоритетное значение. И при рассмотрении ценностей в историческом контексте она является одной из «первичных», присущих природе человека независимо от уровня его правосознания. Верно отмечено, что «справедливость проявляется в других ценностях, она устанавливает их иерархию и соответствие между ними. Конкретное преломление тех или иных ценностей подлежит проверке на предмет справедливости» [2, с. 11]. Справедливость, помимо принципа права, является и правовой ценностью, а последние, как указано профессором О.И. Цыбулевской, «по сути моральные феномены, способствующие пониманию нравственной природы права» [3, с. 7].

На первый взгляд может показаться, что принцип справедливости является само собой разумеющимся в механизме действия права, но при детальном анализе законодательства и практики его применения можно установить нормы, не только способствующие достижению справедливости прямо или опосредованно, но и создающие условия для ее антипода. От наличия и обеспеченности принципа справедливости в механизме нормирования зависит и ее «присутствие» в иных механизмах действия права, а в конечном итоге – оценка законодательных и правоприменительных актов как справедливых либо несправедливых.

Осуществляющиеся в настоящее время в правовой сфере процессы правоведы определяют как кризис, причину которого усматривают как во внешнем факторе, связанном с процессами глобализации, так и внутреннем. Одним из признаков, свидетельствующем о наличии вышеуказанной негативной тенденции, является «заурегулированность». Вместе с тем для депутатов одним из

показателей их работы является количество подготовленных проектов нормативных правовых актов, прохождение ими необходимых этапов законотворческого процесса и последующие принятие и опубликование законов, вносимые в них изменения. Если взглянуть на тенденцию «заурегулированности» глубже, то она может привести к «размыванию принципов права или даже к их забвению» [4, с. 41]. Опасность отмеченной тенденции возрастает по отношению к общеправовым принципам, к которым относится, помимо остальных, и справедливость. Последняя распространяет свое регулирующее воздействие на широкий спектр общественных отношений. В результате содержание и смысл принципа справедливости могут обрести совсем иную «юридическую окраску».

Заслуживает внимания точка зрения профессора Софийского университета Я. Стоилова о том, что «принципы служат носителем ценностей, они являются «мостом», по которому ценности попадают в право ...» [5, с. 233]. Так, содержание принципа справедливости составляют такие ценности, как справедливость, сохранение разумного порядка, безопасность, равенство, свобода, общее благо, национальный интерес. Безусловно, степень отражения указанных ценностей в принципе справедливости различна. Посредством отражения и закрепления моральных ценностей в источниках права они становятся правовыми и приобретают возможность потенциальной реализации в правовой жизни и юридическую легитимность. Содержание правовой справедливости преимущественно составляет такая аналогичная категория, как ценность. Отличие между ними, по нашему мнению, заключается в том, что справедливость как ценность находится в аксиологической плоскости, как принцип права – в деонтологической, т.е. осуществляется посредством соответствия должному. Однако, выступая принципом и целью юридической деятельности и правовой жизни в целом, справедливость вне механизма действия права не может быть реализована посредством правовых норм. Это объясняется тем, что механизм действия права включает, помимо иных механизмов как структурных элементов, механизм принуждения.

В связи с тем, что принцип справедливости является общеправовым, он получает конкретизацию в отраслевых принципах. Так, общеправовой принцип справедливости конкретизируется в уголовно-процессуальном законодательстве, оказывая влияние на эффективность соответствующей отрасли права. Так, в ч. 2 ст. 6 Уголовно-процес-

суального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ закреплено, что «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства ...»¹.

Обзор литературы

При написании статьи осуществлялось обращение к работам, в той или иной мере связанным с изучаемой проблемой. В работах Я. Стоилова, О.И. Цыбулевской и О.В. Мартышина справедливость исследовалась с позиции морально-нравственных основ права в целом, в сопоставлении с ценностями. Так, О.И. Цыбулевская справедливость рассматривала как нравственную ценность, выступающую необходимым нравственным основанием права [3]. О.В. Мартышин акцентировал внимание на анализируемой категории как моральной ценности, наряду со свободой, равенством и имеющих отношение к государству и праву [2]. И.В. Чечельницкий при осуществлении комплексного исследования монографического характера проблемы механизмов воплощения изучаемой категории в правотворческой деятельности федеральных государственных органов исследовал лишь один из аспектов механизма действия права [6], который необходимо рассматривать с позиций системного подхода, как предлагает В.П. Малахов.

М.И. Клеандров и А.А. Дорская в своих работах анализировали влияние кризисных явлений на право. М.И. Клеандров обратился к исследованию актуальной проблемы – правотворчеству в экстремальных условиях. А.А. Дорская рассмотрела негативное влияние кризисных явлений на структурные элементы правовой системы, в частности на правовые принципы. Таким образом, в представленных работах не проводился анализ влияния принципа справедливости на механизм действия права в целом, его подсистемы, в том числе последствия нарушения рассматриваемого принципа, допущенные в механизме нормирования на последующие механизмы действия права, поскольку анализируемый принцип и ценность имеют «сквозное» значение в праве.

Материалы и методы

В связи с тем, что механизм нормирования выступает подсистемой механизма действия права, использовался системно-структурный подход. При проведении исследования использовались также общенаучные методы, такие как анализ, сравнение, дедукция. Поскольку человеческое правосознание, на каком бы уровне оно ни нахо-

дилось, анализирует правовые явления как справедливые либо несправедливые, на что в той или иной мере оказывает влияние отражение справедливости в механизме нормирования, то использовался и метод социальной феноменологии. Эмпирическую основу исследования составили труды отечественных ученых.

Результаты исследования

Справедливость – безусловная нравственная основа механизма нормирования, в котором находят отражение такие ее виды, как распределяющая, уравнивающая, меновая, воздающая, в последующем опосредуемые в механизме действия права. В результате механизма нормирования справедливость из нравственной категории переходит в нравственно-правовую, отражаясь в нормах права. В последующем в ходе правового регулирования одной из целей будет являться достижение социальной справедливости посредством оценочных средств. Рассматриваемый принцип позволяет праву согласовывать публичные и частные интересы, обеспечивать их баланс. Вместе с тем нельзя переходить в другую крайность – абсолютизируя анализируемое явление в механизме нормирования, игнорируя его нравственную природу и тесную взаимосвязь с иными правовыми принципами и ценностями. Так, в странах Западной Европы и в США утратил позицию общечеловеческой ценности институт семьи в ее традиционном понимании как союз между мужчиной и женщиной с целью рождения детей. Получили абсолютное нравственное и правовое признание свобода, проявляющаяся в институте семьи в разрешении регистрации однополых браков, что нашло отражение и в механизме нормирования. Следствием является одобрение подобных отношений большинством общества, хотя они в корне противоречат духовно-нравственным основам.

Существует опасность сведения принципа справедливости к формально-юридическим конструкциям в процессе механизма нормирования, что может вызвать девальвацию рассматриваемой категории, утрату морально-нравственных основ, обесценивание нравственных ценностей и подмену их ценностями иной природы, что можно наблюдать во многих современных демократических правовых государствах.

Механизм нормирования представляет собой один из способов перехода справедливости из нравственной категории в юридическую и приобретения новых качественных характери-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

стик (справедливость как правовая ценность). От того, насколько отражена справедливость в механизме нормирования и какие для этого задействованы правотворческие процедуры, зависит оценка каждым членом общества уровня справедливости, отражения ценностей. Для того чтобы уровень юридической справедливости не стал оцениваться со знаком минус, не трансформировался в свой антипод, необходимо в процессе механизма нормирования стремиться не отражать в нормах права приоритет публичных интересов над частными, а создавать нормативные условия для обеспечения баланса публичных и частных интересов в обществе. Справедливость, так же как и мораль, относится к сфере должного, выступает в виде идеала, хотя в реальной правовой и социальной действительности в результате производства оценочных суждений отдельной личностью и обществом в целом мы зачастую приходим к выводу, что сущее не всегда соответствует этому абсолюту. Справедливость, получая отражение в механизме нормирования, создает условия для последующего соответствия между действиями (трудом работника) и результатом (его заработной платой, уважению к его труду), явлениями, поведенческими действиями различной природы (противоправные действия, невыполнение условий договора ввиду форс-мажорных обстоятельств и др.). Поэтому главным критерием справедливости как принципа в механизме действия права и в механизме нормирования, в частности, является соответствие действий (бездействий) субъекта права и юридически значимых последствий, которые в зависимости от специфики регламентируемых общественных отношений приобретают специфическое содержание, не меняя качественной составляющей. Механизм нормирования должен включать формальный критерий справедливости, а результатом механизма действия права должно являться создание условий для установления фактической справедливости в обществе посредством использования различных правовых средств и процедур. Справедливость, становясь правовым принципом, в отличие от морально-нравственного принципа, приобретает иную окраску, иные оценочные суждения.

Приоритетами и детерминантами справедливости в механизме нормирования является обеспечение правовых ценностей, составляющих содержание принципа справедливости, а также иных правовых принципов, в первую очередь общеправовых, оказывающих непосредственное влияние на отраслевые принципы.

Вполне понятная и социально оправданная интенция на обеспечение справедливости в механизме нормирования в действительности имеет тонкую грань, переступив которую, можно создать условия для дисбаланса интересов, потере состояния равновесия, к которому необходимо стремиться. Так, вполне обоснованная абсолютизация идеи о здоровье граждан во время пандемии и в последующие годы при проведении вакцинации и ревакцинации косвенно влияла на совершение гражданами правонарушений (приобретение поддельного сертификата о вакцинации; изготовление поддельного сертификата и др.). Принятые на государственном уровне меры направлены на защиту общесоциального интереса, основу которого составлял интерес каждого по борьбе и защите от распространения новой коронавирусной инфекции.

Следует затронуть вопрос справедливости нормативных актов, принятых в экстремальных условиях пандемии коронавируса. Нормативные акты, принимаемые в период экстремального правотворчества, не должны допускать необоснованного и неоправданного ограничения прав и свобод, принцип справедливости не должен использоваться в качестве ширмы, которым оправдывается принятие не в полной мере проработанных актов. Их принятие направлено на обеспечение таких ценностей, как общее благо, обеспечение общественной безопасности и национальных интересов и др. Для экстремального правотворчества в условиях пандемии характерно:

- непоследовательность, наличие грамматических, логических и семантических неточностей в формулировках (например, является некорректным термин «социальная дистанция», который, по нашему мнению, следовало бы заменить термином «противоэпидемиологическая дистанция», то же самое относится к термину «самоизоляция», который следует заменить на «принудительная изоляция» в целях соблюдения противоэпидемиологических правил и норм). Указанное свидетельствует о некорректных наименованиях, ограниченном времени, выделенном на составление проекта акта и его доработку;

- нормы не должны нарушать или ущемлять права и свободы человека и гражданина (например, право на свободу передвижения и выбор места пребывания и жительства на территории РФ);

- нормотворчество отражает «отпечаток» вынужденных мер;

- недостаточная степень «встроенности» и логической согласованности нормативных актов,

принятых в период экстремального правотворчества;

- такие акты «далеко не всегда с должной тщательностью прорабатываются, не всегда проходят необходимую научно-правовую экспертизу...» [7, с. 255].

Справедливость, отражаясь в механизме нормирования, в последующем выступает критерием оценки как нормативного акта, в котором она закрепляется, так и действий физических и юридических лиц, регулируемых нормами права.

Обсуждение и заключение

Обязательное следование принципу справедливости в процессе механизма нормирования повысит качественную составляющую принимаемых нормативных актов, восстановит баланс публичных и частных интересов, снизит социальную напряженность, возникающую вследствие принятия несправедливых нормативных актов. Последние имели место в правовой действительности, затрагивая вопросы монетизации льгот и сферу образования. Проведение экспертиз проектов нормативных актов является одной из используемых возможностей по установлению факторов, способствующих грамотному отражению принципов и ценностей, в том числе и справедливости, в механизме нормирования, которые непосредственно или опосредованно приведут к принятию в последующем эффективных правоприменительных актов. Поэтому, наряду с иными экспертизами, которым подвергаются проекты нормативных актов, поддерживаем точку зрения о необходимости проведения «экспертизы законопроектов на предмет справедливости, которая может стать дополнительным фильтром для отсева некачественных законодательных инициатив, которые не отражают интересы общества» [6, с. 101].

Участие представителей научного сообщества, проводящих исследования в определенной области, по которой подготовлен проект нормативного акта, также будет направлено на выявление факторов, детерминирующих принятие нормативного акта, не в полной мере способствующего воплощению принципа справедливости. Заключение, подготовленное по результатам изучения законопроекта, содержащего недостатки, подлежит безусловному учету. Перечень высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, сотрудники которых (ученые) подлежат привлечению к участию при подготовке проекта нормативного акта, следует закрепить на законодательном уровне. Также полагаем, что общественное обсуждение проекта закона, размещенного в сети

Интернет, и соответствующее информирование об этом населения посредством средств массовой информации, способно оказать положительный эффект в рамках исследуемой нами проблемы. Безусловно, указанные меры будут способствовать принятию эффективных правоприменительных актов в последующем.

Не вызывает сомнений, что справедливость выступает одной из целей правового строительства и выступала таковой ранее, хотя со временем, в зависимости от ряда обстоятельств, интересов отдельных групп, представления о ней могут претерпевать изменения, иногда весьма существенные. Если несколько десятилетий назад в Советском Союзе назначалось наказание лицу в виде лишения свободы за хищение государственного и колхозного имущества, за перепродажу чего-либо (спекуляцию) и не возникало сомнений в справедливости таких норм Уголовного кодекса и принятых на их основе правоприменительных актов, то с переходом на рыночные отношения законодательство в целом претерпело существенные изменения, и оценка подобных норм с позиции принципа справедливости подверглась корректировке.

Принцип справедливости, как и принципы права в целом, направляет и определяет его развитие в современных условиях, выступая надежной основой. По сравнению с правовыми нормами, принцип справедливости, как и принципы права и правовые ценности, в меньшей мере подвержены тенденциям трансформации. Ценности составляют содержание принципа справедливости, выступая правообразующим фактором и детерминируя системообразующие связи в праве. Без учета справедливости в праве невозможна эффективная деятельность в интересах общества по правообразованию и правоприменению.

Таким образом, проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

- справедливость выступает одной из целей правового строительства;
- принцип справедливости (как и принципы права в целом) направляет и определяет развитие права на современном этапе, выступая его надежной основой;
- справедливость в праве рассматривается не только в качестве принципа, но и в качестве ценности, цели и идеала (сфера должного);
- справедливость в праве с позиции аксиологического подхода детерминирует выстраивание иерархии ценностей в праве;
- механизм нормирования опосредует переход справедливости из нравственной категории в

нравственно-правовую посредством отражения в нормах права;

- содержание принципа справедливости составляют ценности (справедливость, сохранение разумного порядка, безопасность, равенство, свобода, общее благо, национальный интерес), степень отражения которых в принципе справедливости различна;

- критерием справедливости как принципа в механизме нормирования является соответствие, соразмерность действий (бездействий) субъекта права и юридически значимых последствий, которые в зависимости от специфики регламентируемых общественных отношений приобретают специфическое содержание;

- приоритетом справедливости в механизме нормирования является обеспечение правовых ценностей, составляющих содержание рассматриваемого принципа, а также иных правовых принципов;

- необходимо проведение экспертиз проектов нормативных актов с привлечением ученых в данной области по установлению факторов, способствующих грамотному отражению принципов и ценностей, в том числе справедливости в механизме нормирования;

- по сравнению с правовыми нормами, принцип справедливости, как и принципы права, а также правовые ценности в меньшей мере подвержены тенденциям трансформации;

- эффективность механизма нормирования зависит от соответствия принимаемых нормативных правовых актов морально-нравственным

принципам, общеправовым принципам (справедливость, законность, свобода).

Проведенный анализ позволил сделать вывод, согласно которому рассматриваемый принцип имеет как объективную природу (морально-нравственную основу, выражая в некотором «концентрированном» виде проверенные временем и правовой жизнью идеи и выражая их в некоторой абстракции как сферу должного), так и субъективную, выражая интересы личности и общества в целом. Не только механизм действия права должен реализовывать принцип и ценность справедливости, но и само право в целом должно преследовать такую цель, это и позволяет обеспечивать его социальную ценность. В противном случае право не достигает своего социального назначения. Важность принципа справедливости обусловлена тем, что сквозь призму справедливости оценивается механизм действия права и составляющие его подсистемы. При недостижении принципа справедливости, какими бы юридически выверенными не были конструкции подсистем действия права, они будут функционировать с «перекосами», оценка обществом права в целом и юридически принятых решений может стать неэффективной. В современном трансформирующемся обществе одна из задач теории права состоит в том, чтобы принцип справедливости, наряду с общеправовыми принципами и ценностями, выступал надежной основой для грамотных и продуманных изменений в правовой жизни в целом в зависимости от потребностей времени, ряда обстоятельств и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малахов В.П. Общая теория права и государства: курс лекций. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. 271 с.
2. Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 5 - 14.
3. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права/ под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2004. 220 с.
4. Дорская А.А. Кризисные явления в праве и пути их преодоления: теоретический и историко-правовой анализ: монография. Санкт-Петербург: Астерион, 2021. 160 с.
5. Право. Порядок. Ценности: монография / под общ ред. Е.А. Фроловой. Москва: Блок-Принт, 2022. 688 с.
6. Чечельницкий И.В. Справедливость и правотворчество: монография. Москва: Проспект, 2021. 176 с.
7. Клеандров М.И. Правосудие и справедливость: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. 364 с.

REFERENCES

1. Malahov V.P. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: kurs lekcij. Moskva: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2018. 271 s.
2. Martyshin O.V. Problema cennostej v teorii gosudarstva i prava // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 10. S. 5 - 14.

3. Cybulevskaya O.I. Nравstvennye osnovaniya sovremennogo rossijskogo prava/ pod red. N.I. Matuzova. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava, 2004. 220 s.
4. Dorskaya A.A. Krizisnye yavleniya v prave i puti ih preodoleniya: teoreticheskij i istoriko-pravovoj analiz: monografiya. Sankt-Peterburg: Asterion, 2021. 160 s.
5. Pravo. Poryadok. Cennosti: monografiya / pod obshch red. E.A. Frolovoj. Moskva: Blok-Print, 2022. 688 s.
6. Shehel'nickij I.V. Spravedlivost' i pravotvorchestvo: monografiya. Moskva: Prospekt, 2021. 176 s.
7. Kleandrov M.I. Pravosudie i spravedlivost': monografiya. Moskva: Norma: INFRA-M, 2022. 364 s.



Информация об авторе:

Афзалетдинова Гульнара Хасановна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности полиции Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, ORCID: 0000-0001-8668-44-63, a.gulnara1303@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Afzaletdinova Gulnara H., Candidate in Law (Research doctorate), Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Police Activity of the Moscow Regional Branch of the V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, ORCID: 0000-0001-8668-44-63, a.gulnara1303@gmail.com

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 30.11.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 34.01
DOI: 10.37973/KUI.2023.71.16.003

РЕЗУЛЬТАТЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЦЕЛЯМИ И СРЕДСТВАМИ В ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Михаил Алексеевич Куликов,
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Россия,
mikhail.a.kulikov@mail.ru



Аннотация

Введение: статья посвящена анализу результатов и последствий почти не исследованной формы правомерного поведения – манипулированию юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе. Основное внимание акцентируется на том, что манипулятивное воздействие на социальные процессы может осуществляться не только при помощи информационных, психологических, политических и иных технологий, но также и в процессе правового регулирования общественных отношений, в частности, посредством соответствующего использования юридических целей и средств в процессе толкования права.

Материалы и методы: в работе использовалось официальное и доктринальное толкование различных нормативно-правовых и правоприменительных актов, анализировались программные документы и решения международных организаций, отдельные заявления высших должностных лиц Российской Федерации. Широко применялись общенаучные и частнонаучные методы научного поиска: диалектический, системный, структурно-функциональный, формально-юридический, сравнительно-правовой и другие методы.

Результаты исследования: отстаивается позиция, согласно которой правоинтерпретационный процесс может являться формой манипулятивного воздействия на общественные отношения посредством соответствующего использования юридических целей и средств в ходе его осуществления. Предлагается авторское видение сущности манипулирования юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе, на конкретных примерах демонстрируются ключевые результаты, к которым может привести данная правовая активность.

Обсуждение и заключение: манипулирование юридическими целями и средствами является такой формой правомерного поведения, которая имманентна правоинтерпретационному процессу. Наряду с порождением серьезных негативных последствий, исследуемое поведение является социально-обусловленной и востребованной активностью, обладая также и мнимыми плюсами (относительно-позитивными результатами), что также должно приниматься во внимание.

Ключевые слова: манипулирование; юридическая цель; юридическое средство; правовое регулирование; толкование права; правоинтерпретационный процесс; правотворчество; реализация права; правовая культура

© Куликов М.А., 2023

Для цитирования: Куликов М.А. Результаты манипулирования юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе: общетеоретический анализ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 23 – 31. DOI: 10.37973/KUI.2023.71.16.003

Scientific article
UDC 34.01
DOI: 10.37973/KUI.2023.71.16.003

RESULTS OF LEGAL GOALS AND MEANS MANIPULATION IN THE LAW INTERPRETATION PROCESS: GENERAL THEORETICAL ANALYSIS

Mihail Alekseevich Kulikov,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia, mikhail.a.kulikov@mail.ru

Abstract

Introduction: the article covers the analysis of the results and consequences of largely unexplored form of the legal manipulation of legal purposes and means in the law-interpretation process. The author pays special attention to the fact that manipulative effect on social processes is available not only through informational, psychological, political and other technologies but also in the process of legal regulation of social relations, in particular, through the appropriate use of legal purposes and means in the process of interpreting the law.

Materials and Methods: the author used official and doctrinal interpretation of various regulatory acts and, analyzed program documents and decisions of international organizations, individual statements of senior officials of the Russian Federation. Dialectical, system, structural and functional, legal, comparative-legal and other methods were widely applied in the study.

Results: the author upholds the position that law-interpretation process may be regarded as a form of manipulation process on social relations through the appropriate use of legal means and goals in its implementation. The author gives their own vision of the essence of the manipulation of legal purposes and means in the process of law interpretation is offered, with specific examples demonstrating the key results to which this legal activity can lead.

Discussion and Conclusions: the author concludes that manipulation of legal purposes and means is a form of lawful behavior which is inherent, attributive to the legal interpretation process. Along with highly negative consequences the studied behavior is socially conditioned and demanded activity, having also imaginary pluses (relatively positive results), which should also be taken into account.

Keywords: manipulation; legal goal; legal means; legal regulation; interpretation of law; lawmaking; implementation of law; legal culture

© Kulikov M.A., 2023

For citation: Kulikov M.A. Results of Legal Goals and Means Manipulation in the Law Interpretation Process: General Theoretical Analysis. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 23 – 31. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.71.16.003

Введение

В настоящее время манипулятивные технологии воздействия на общественные отношения получили чрезвычайно широкое распространение. Манипулирование посредством информационных, политических, психологических, маркетинговых, финансово-экономических и иных технологий стало практически неотъемлемым атрибутом управленческих процессов и на протяжении достаточно длительного периода находится в фокусе научных исследований и внимания средств массовой информации.

Вместе с тем манипулирование юридическими целями и средствами в процессе правового регулирования, являющегося важнейшей

и наиболее эффективной формой воздействия на общественные отношения, остается практически не исследованным явлением, что никак не коррелирует с его весьма масштабным распространением и активным использованием субъектами правотворческого, правореализационного и правоинтерпретационного процессов.

Под манипулированием как особой разновидностью управленческой деятельности считаем обоснованным понимать осуществляемое при помощи скрытой тактики или стратегии воздействие на поведение объекта управления, при котором он, исходя из имеющейся информации, добровольно принимает решение, запланированное субъектом управления вопреки своим истинным потребностям и интересам.

Исходя из этого, под манипулированием юридическими целями и средствами будем понимать осуществляемую при помощи скрытой тактики или стратегии форму правомерного поведения, заключающуюся в постановке или использовании юридических целей, а также в создании или применении юридических средств в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых) [1, с. 7].

Несмотря на то, что, в отличие от противоправных разновидностей манипулирования (например, манипулирование рынком – ст. 185³ Уголовного кодекса Российской Федерации), манипулятивное использование юридических целей и средств является правомерным поведением, оно негативно сказывается на потенциале механизма правового регулирования и не позволяет участникам правоотношения полноценно реализовать свои субъективные права, свободы и законные интересы [2, с. 84-85].

В настоящее время особое распространение получает манипулирование юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе, которое представляет собой серьезную опасность в силу того, что способно как нивелировать результаты правотворчества, так и внести дисбаланс во все формы реализации права. Указанное обстоятельство и объясняет актуальность проведенного исследования, а также необходимость объективной оценки всех тех результатов, к которым может привести манипулятивное (как официальное, так и не официальное) толкование права.

Обзор литературы

Следует отметить, что, несмотря на распространенность манипулирования целями и средствами в процессе правового регулирования, должной разработки данная проблематика до настоящего времени не получила.

Значительная часть научных работ посвящена либо манипулированию как комплексному социальному феномену и специфической форме управленческого воздействия на поведение индивидов, либо фокусирует внимание на манипулировании, осуществляемом посредством политических, психологических и иных технологий, что имеет лишь косвенное отношение к правовому воздействию на общественные отношения [3-7].

Исследования же представителей общей теории права и отраслевых юридических наук также во многом обходят обозначенную проблему стороной и позиционируют в качестве предмета анализа либо формы и разновидности злоупотре-

бления правом [8-13], либо манипулирование с использованием неправомерной информации, финансовых инструментов и других средств как противозаконной активности (которая попадает под санкции норм уголовного или административного законодательства), что также нельзя отнести к манипулированию юридическими целями и средствами в процессе правового регулирования [14 – 17].

К числу немногих специалистов, которые непосредственно подняли вопрос именно о правовом манипулировании как о научной категории и самостоятельном правовом явлении, нуждающемся в глубоком изучении, следует отнести А.В. Малько и В.В. Субочева, которые, по сути, впервые проанализировали политико-правовое манипулирование как основу управления обществом [18-19]. Отдельные аспекты манипулирования именно юридическими целями и средствами были исследованы автором настоящей статьи [1; 20].

Вместе с тем результаты манипулирования юридическими целями и средствами в процессе толкования права остаются практически не исследованными.

Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составили нормативно-правовые и правоприменительные акты, официальное и неофициальное толкование которых анализировалось автором для формулирования выводов о результатах манипулирования в правоинтерпретационном процессе. Специфика исследуемой проблематики обусловила анализ правоприменительной практики международных организаций (Организации Объединенных Наций и ее институтов), Европейского суда по правам человека, отдельных политических программных документов, заявлений и высказываний высших должностных лиц Российской Федерации, а также целого ряда публицистических статей, имеющих прямое отношение к вопросам манипулирования юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе и его последствиям.

Методологической основой исследования явились общенаучные и частнонаучные методы познания правовой действительности: диалектический метод, приемы формальной логики, системный, структурно-функциональный, исторический и другие подходы к анализу.

Очевидная специфика манипулирования юридическими целями и средствами в процессе толкования права предопределила широкое использование социологических, психологических,

политологических, лингвистических и других частнонаучных методик в рамках изучения предмета представленной работы. Особое внимание уделялось использованию как формально-юридического, так и сравнительно-правового методов анализа.

Результаты исследования

Анализ юридической практики с убедительностью свидетельствует, что официальное и неофициальное толкование права используется для того, чтобы одни участники правоотношений (субъект управления) могли оправдать свое правомерное воздействие на других участников правоотношения (объект управления) действующими правовыми нормами и скоординировать поведение последних таким образом, чтобы максимально полно реализовать свои интересы.

Полагаем, что манипулирование юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе заключается в том, что в ходе его реализации может происходить как постановка новых, так и не в полной мере соответствующее воле законодателя обоснование уже существующих юридических целей, равно как и аргументирование существования или правомерности использования не предусмотренного правовым предписанием юридического инструментария.

Отметим, что манипулирование юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе может быть как спровоцировано самим субъектом правотворческого процесса (неконкретность, неясность, излишняя абстрактность правовых норм), так и являться объективным следствием того факта, что многие юридические предписания могут быть двояко истолкованы по самым разным, не зависящим от субъекта правотворческого процесса причинам (изменяющийся уровень правосознания и правовой культуры в обществе, динамика правовой жизни, невозможность охватить правовой регламентацией все многообразие общественных отношений).

Однако какими бы причинами данная разновидность манипулирования не была бы продиктована, она приводит к самым серьезным результатам, среди которых можно выделить следующие:

1. Снижается эффективность правотворческого процесса, искажается сама сущность правообразования, т.к. юридические нормы перестают воплощать в себе замысел его субъектов и служат лишь достижению целей субъектов манипулятивного воздействия.

Отдельные нормы права и сами по себе могут являться следствием манипулирования юридическими целями и средствами определенными лоббистскими группами или иными субъектами, способными оказать подобное воздействие на правотворчество [21, с. 38], что уже нарушает баланс интересов личности, общества и государства, обеспечение которого и является важнейшей целью создания правовых норм, а манипулирование юридическим инструментарием в процессе толкования права ситуацию лишь усугубляет.

2. Размывается потенциал всех форм правореализационного процесса. В частности, формальное соблюдение правовых запретов не приносит желаемого эффекта в реализации тех интересов, ради обеспечения которых они и создавались. Искажаясь в угоду субъектам манипулирования, запреты либо успешно «обходятся», либо поведение, явно их нарушающее, трактуется как правомерное в силу соответствующей интерпретации сложившихся определенным образом факторов и обстоятельств.

Так, отказ от покупки заявленных объемов российского газа отдельными европейскими государствами компенсируется его реверсными поставками из других стран по более высоким для конечных потребителей ценам; санкции в отношении России, введенные коллективным Западом, в отдельных случаях им же успешно «обходятся» без отмены соответствующих правовых актов, если это выгодно или критически необходимо отдельным «цивилизованным демократиям».

Ярким примером изложенному может послужить известная ситуация, связанная с плановым техобслуживанием турбины Siemens, необходимой для работы газопровода «Северный поток», возвращение которой после сервисных работ в Канаде осуществлялось в Германию с «переменным успехом»: оно было то невозможным в силу действующих санкций, то возможным¹ – в зависимости от толкования конкретных запретов различными официальными органами и их представителями.

Примерно аналогичная ситуация складывается и с исполнением права, которое также во многом зависит от правильного понимания как сущности и способов исполнения юридических обязанностей, так и оснований для отказа от их исполнения. Внезапные отказы «западных партнеров» от исполнения двух и многосторонних соглашений, предусматривающих взаимные обязательства сторон, односторонние выходы из действующих

¹ Лавров С.В.: Страны Запада не могут прояснить России статус турбины Siemens // Российская газета. 2022. 26 июля. URL: <https://rg.ru/2022/07/26/lavrov-zapad-prizyvaet-rossiiu-narushat-reglamenty-po-bezopasnosti.html> (дата обращения: 28.07.2022).

стратегических договоров (к примеру, выход США из Договора о ракетах средней и меньшей дальности¹, идущий вразрез с существующими моделями прекращения или приостановления государствами действующих международных договоров и соглашений [22, с. 118]) во многом и являются следствием весьма субъективной интерпретации действующих правовых норм компетентными субъектами.

Использование права также во многом зависит от знания участниками правоотношений своих прав и от избранных способов их реализации, что напрямую связано с толкованием права. Как будет реализовываться право на свободу слова и не перерастет ли оно в человеконенавистническую риторику, обозначаемую расхожим словосочетанием *hate speech*, в дискриминацию по признакам расы, происхождения, национальности (и, конкретно, в откровенную русофобию, ставшую реальностью в «цивилизованных демократиях») – напрямую связано именно с толкованием права, тем или иным способом разъяснения смысла как действующих правовых дозволений, так и запретов. Манипулирование целями и средствами в правоинтерпретационном процессе деформирует использование права, превращает его как минимум в различные формы злоупотребления правом.

В произвол превращается и правоприменительный процесс, легализируя властную деятельность, направленную, по сути, не на реализацию права, а на использование участников правоотношений как средства в достижении формально правомерных интересов компетентных субъектов.

Обобщить описываемый результат можно и в более категоричной форме: субъекты правотворческого и правоприменительного процессов из участников правоотношений превращаются лишь в средство реализации интересов субъекта манипулирования толкованием права, если сами таковыми субъектами и не являются.

3. Манипулирование целями и юридическим инструментарием в процессе толкования права снижает качество и эффективности правового регулирования в целом, провоцируя «искаженное» действие как правовых норм, так и правоприменительных актов, дисбалансирующее сосуществование интересов личности, общества и государства.

4. Размываются ключевые основы правовой государственности, заключающиеся в связанности правом всех участников общественных отно-

шений. Складывается парадоксальная ситуация, когда посредством правомерных действий искажается сама сущность права как нормативного регулятора, воплощающего в себе общесоциальные начала; проявляется вседозволенность, которая опирается на толкование права, которое ей в силу самой своей природы призвано препятствовать.

5. Политическая целесообразность, сиюминутные интересы, эмоциональное состояние общества, «информационное сопровождение» (как официальное, так и неофициальное) действия правовых норм подменяют сущность правовых предписаний, трансформируют волю субъектов правотворческого и правоприменительного процессов в угоду интересам субъектов манипулирования. В итоге искажается сама правовая реальность, создается «псевдоправо», «псевдоправовое регулирование», что во многом и соответствует тем чертам эпохи постправды, о которых справедливо пишет В.В. Субочев, подчеркивая, что правовые инструменты становятся все более политизированными, зависящими от политической воли и усмотрения отдельных личностей [18, с. 33].

6. Снижается качество правовой жизни общества, которая, хотя и включает в себя (как и любая «жизнь») негативные проявления, связанные с действием права (правонарушения, правовой нигилизм, правовой идеализм и т.д.), но, тем не менее, имеет своим ядром право, а не «псевдоправо», правотворчество, а не его искаженные результаты, правореализационный процесс, а не его фикцию.

7. Падает общий уровень правовой культуры в обществе, т.к. участники общественных отношений видят в праве лишь такое средство реализации интересов, которое действует только при определенных обстоятельствах, очень избирательно и «не в отношении всех». В правосознании утверждаются такие принципы, как «прав тот, у кого больше прав», «что позволено Юпитеру, не позволено быку» (*Quod licet Jovi, non licet bovi*), «права не дают, права берут» и т.д.

8. Создается благоприятная почва для правового нигилизма и правового идеализма. Объекты манипулятивного воздействия не видят в правовом инструментарии средства реализации и защиты своих интересов, в то время как субъекты манипулирования утверждают во мнении, что при помощи права (или же манипулятивного его толкования) можно удовлетворить практически любой интерес – важно лишь грамотно «подойти к ситуации».

¹ Пудовкин Е. США вышли из договора по ракетам. Чем важен РСМД и какие риски создаст его развал // РБК. 2019. 2 августа. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/08/2019/5d42b0929a794772e68c66ec> (дата обращения: 28.07.2022).

К достаточно значимым результатам манипулирования юридическими целями и средствами в процессе официального толкования права необходимо отнести использование нормативно-правовых и правоприменительных актов как средства претворения в жизнь конкретных политических решений, установок, что приводит к доминированию авторитарных и тоталитарных методов управления, росту цензуры, недопущению реализации субъективных прав, свобод и законных интересов участников правоотношений, если это противоречит «государственной воле» или политической целесообразности.

Складывается ситуация, при которой действуют справедливые законы, исключаящие их справедливое толкование и, как следствие, эффективную реализацию.

Одним из примеров такого подхода к толкованию права является нарушение сакрального, гарантированного в многочисленных нормативно-правовых актах, ведущих свою историю еще со времен Древнего Рима, включая Конституции (или нормативно-правовые акты, выполняющие их роль) всех государств т.н. коллективного Запада, субъективного права человека на частную собственность.

«Священная корова» правовых систем коллективного Запада в лице субъективного права человека на частную собственность была заклана в угоду политической целесообразности, что проявилось во внезапном аресте или конфискации имущества многих россиян, которые, имея гражданство соответствующего «цивилизованного», «правового» государства (Франции, Великобритании, Италии, Испании, США и ряда других стран) на законных основаниях, в соответствии с действующими нормами права этих государств данное имущество приобрели в собственность и на протяжении многих лет им пользовались, владели и распоряжались. Однако проведение специальной военной операции на Украине, начавшейся 24 февраля 2022 г., спровоцировало в «цивилизованных государствах» откровенную русофобию, что вылилось не только в негативное отношение ко всему русскому и ко всем русским, но и в такое толкование законных оснований приобретения имущества отдельными гражданами этих стран, имеющих русские корни или «связи с Россией», которое позволяет данные основания «пересмотреть».

Сказанное иллюстрирует манипулирование именно юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе субъектами

официального толкования, обусловленное политической целесообразностью.

Вместе с тем манипулирование юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе является разновидностью правомерного поведения и содействует реализации правомерных интересов участников правоотношений, в связи с чем результаты данных действий могут иметь и определенные (относительные) плюсы, иначе бы само общество не провоцировало запрос на использование манипулятивных технологий.

К подобным относительно-позитивным результатам следует отнести:

1. Органы публичной власти, равно как и иные участники правоотношений, сохраняют свою легитимность, избегая принятия откровенно непопулярных, но целесообразных в сложившейся ситуации решений. Минимизируются объективные, естественные издержки любого управленческого процесса, связанные с доминированием воли субъекта управления над волей объекта управления.

2. Популярны законы, действующие гарантии реализации прав, свобод и законных интересов не отменяются, но «корректируются» соответствующим толкованием права, что позволяет (хотя и в краткосрочной перспективе) обеспечить баланс в обществе, избежать ненужных волнений и сохранить требуемый уровень управляемости социальными процессами.

3. Манипулируя юридическими целями и средствами в процессе толкования права, участники правоотношений, тем не менее, находятся в правовом поле, стремясь найти правомерное решение своим проблемам, соответствующий закону способ реализации своих интересов.

Обсуждение и заключение

Изложенное позволяет прийти к выводу, что манипулирование юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе взаимосвязано как с правотворчеством, так и со всеми формами реализации права и, являясь разновидностью правомерного поведения, имеет самые серьезные последствия для механизма правового регулирования и иных форм воздействия на социальные процессы.

К данной разновидности манипулирования, осуществляемого в процессе правового регулирования, необходимо относиться как к данности, сложившемуся и эволюционирующему вместе с обществом правовому явлению, в силу своей природы атрибутивному управлению как таковому.

Исключение манипулирования как разновидности управленческого воздействия из фокуса научного анализа с неизбежностью приведет к нивелированию глубинных основ, признаков и закономерностей эффективного управления и правового регулирования социальных процессов и многих иных форм их координации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Куликов М.А. Манипулирование юридическими целями и средствами в правотворческом процессе и его результаты // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2022. № 3 (61). С. 6 – 14.
2. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы теории и практики // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2014. № 2 (313). С. 84 – 98.
3. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. Москва: Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. Москва: Академический проект, 2020. 358 с.
5. Шейнов В.П. Манипулирование и защита от манипуляций. Санкт-Петербург: Питер, 2022. 384 с.
6. Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия / А.М. Столяренко, Н.В. Сердюк, В.В. Вахнина, О.М. Боева, Л.Л. Грищенко // *Психология и право*. 2019. Т. 9. № 4. С. 75 – 89. DOI: 10.17759/psylaw.2019090406
7. Альбицкая И., Косяков А. Манипуляции и эмоциональный шантаж: вскрыть, пресечь, заблокировать // *Кадровая служба и управление персоналом предприятия*. 2022. № 3. С. 75 – 83.
8. Малиновский А.А. Злоупотребление правом как юридический феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2009. 52 с.
9. Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Киров, 2014. 28 с.
10. Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника: сборник статей / под ред. В.А. Толстика, В.М. Баранова, П.В. Васильева. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. 553 с.
11. Яковлев Н. Как выиграть спор с работником, доказав, что он злоупотребляет правом // *Кадровая служба и управление персоналом предприятия*. 2020. № 11. С. 29 – 38.
12. Богатырев Д.В. Причины злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // *Российский следователь*. 2022. № 3. С. 29 – 32. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-3-29-32
13. Шереметьева Н.В. Злоупотребление правом на распоряжение имуществом несовершеннолетнего // *Семейное и жилищное право*. 2022. № 1. С. 17 – 20. DOI: 10.18572/1999-477X-2022-1-17-20
14. Нечкин А.В., Истомина М.А. Теоретико-правовые основы борьбы с манипулированием массовым сознанием в сети Интернет на примере Российской Федерации // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. № 1. С. 90 – 104. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.134.1.090-104
15. Васильев И.А., Шевелева Н.А., Ветрова Е.Г. Отстранение клуба от участия в соревновании за манипулирование результатом как административная мера УЕФА: юридическая природа и особенности применения // *Закон*. 2020. № 8. С. 31 – 43.
16. Иванова А. КС РФ запретил манипуляции со срочными трудовыми договорами // *Практическая бухгалтерия*. 2020. № 6. С. 14 – 16.
17. Адиньяев С.И. К вопросу об объекте неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком // *Российская юстиция*. 2019. № 4. С. 23 – 25.
18. Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2019. № 34. С. 29 – 43. DOI: 10.17223/22253513/34/3
19. Малько А.В., Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // *Психология и право*. 2021. Т. 11. № 1. С. 163 – 180. DOI: 10.17759/psylaw.2021110113
20. Куликов М.А. Технологии манипулирования целями в правовом регулировании: актуальные вопросы теории и практики // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 9. С. 94 – 107. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.094-107
21. Субочев В.В. Формы и методы лоббистской деятельности в правовой действительности российского государства // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2002. № 4. С. 35 – 47. DOI: 10.12737/jflcl.2019.4.9

22. Осминин Б.И. Правовые модели прекращения и приостановления государствами действия международных договоров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 116 – 133.

REFERENCES

1. Kulikov M.A. Manipulirovanie yuridicheskimi celyami i sredstvami v pravotvorcheskom processe i ego rezultaty // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2022. № 3 (61). S. 6 – 14.
2. Mal'ko A.V., Subochev V.V. Zakonnye interesy v pravovoj zhizni obshchestva: aktual'nye voprosy teorii i praktiki // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2014. № 2 (313). S. 84 – 98.
3. Docenko E.L. Psihologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. Moskva: Izd-vo MGU, 1997. 344 s.
4. Kara-Murza S.G. Vlast' manipulyatsii. Moskva: Akademicheskij proekt, 2020. 358 s.
5. SHEjnov V.P. Manipulirovanie i zashchita ot manipulyatsij. Sankt-Peterburg: Piter, 2022. 384 s.
6. Psihologicheskie aspekty destruktivnogo informacionno-psihologicheskogo vozdejstviya / A.M. Stolyarenko, N.V. Serdyuk, V.V. Vahnina, O.M. Boeva, L.L. Grishchenko // Psihologiya i pravo. 2019. T. 9. № 4. S. 75 – 89. DOI: 10.17759/psylaw.2019090406
7. Al'bickaya I., Kosyakov A. Manipulyatsii i emocional'nyj shantazh: vskryt', presech', blokirovat' // Kadrovaya sluzhba i upravlenie personalom predpriyatiya. 2022. № 3. S. 75 – 83.
8. Malinovskij A.A. Zloupotreblenie pravom kak yuridicheskij fenomen: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. Moskva, 2009. 52 s.
9. Barmina O.N. Zloupotreblenie pravom kak obshchepravovaya kategoriya: teoretiko-pravovoj analiz: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. Kirov, 2014. 28 s.
10. Protivodejstvie zloupotrebleniyu pravom: teoriya, praktika, tekhnika: sbornik statej / pod red. V.A. Tolstika, V.M. Baranova, P.V. Vasil'eva. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2019. 553 s.
11. YAKovlev N. Kak vyigrat' spor s rabotnikom, dokazav, chto on zloupotrebyaet pravom // Kadrovaya sluzhba i upravlenie personalom predpriyatiya. 2020. № 11. S. 29 – 38.
12. Bogatyrev D.V. Prichiny zloupotrebleniya pravom v ugovnom sudoproizvodstve // Rossijskij sledovatel'. 2022. № 3. S. 29 – 32. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-3-29-32
13. SHERemet'eva N.V. Zloupotreblenie pravom na rasporyazhenie imushchestvom nesovershennoletnego // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. 2022. № 1. S. 17 – 20. DOI: 10.18572/1999-477X-2022-1-17-20
14. Nechkin A.V., Istomin M.A. Teoretiko-pravovye osnovy bor'by s manipulirovaniem massovym soznaniem v seti Internet na primere Rossijskoj Federacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2022. № 1. S. 90 – 104. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.134.1.090-104
15. Vasil'ev I.A., SHeveleva N.A., Vetrova E.G. Otstranenie kluba ot uchastiya v sorevnovanii za manipulirovanie rezultatom kak administrativnaya mera UEFA: yuridicheskaya priroda i osobennosti primeneniya // Zakon. 2020. № 8. S. 31 – 43.
16. Ivanova A. KS RF zapretil manipulyatsii so srochnymi trudovymi dogovorami // Prakticheskaya buhgalteriya. 2020. № 6. S. 14 – 16.
17. Adin'yaev S.I. K voprosu ob ob"ekte nepravomernogo ispol'zovaniya insajderskoj informacii i manipulirovaniya rynkom // Rossijskaya yusticiya. 2019. № 4. S. 23 – 25.
18. Subochev V.V. Politiko-pravovoe manipulirovanie kak osnova upravleniya obshchestvom v epohu postpravdy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2019. № 34. С. 29 – 43. DOI: 10.17223/22253513/34/3
19. Mal'ko A.V., Subochev V.V. Politiko-pravovoe manipulirovanie kak psihologicheskij fenomen i nauchnaya kategoriya // Psihologiya i pravo. 2021. T. 11. № 1. S. 163 – 180. DOI: 10.17759/psylaw.2021110113
20. Kulikov M.A. Tekhnologii manipulirovaniya celyami v pravovom regulirovanii: aktual'nye voprosy teorii i praktiki // Lex russica. 2022. T. 75. № 9. S. 94 – 107. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.094-107
21. Subochev V.V. Formy i metody lobbistskoj deyatel'nosti v pravovoj dejstvitel'nosti rossijskogo gosudarstva // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2002. № 4. S. 35 – 47. DOI: 10.12737/jflcl.2019.4.9
22. Osminin B.I. Pravovye modeli prekrashcheniya i priostanovleniya gosudarstvami dejstviya mezhdunarodnyh dogovorov // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2019. № 4. S. 116 – 133.

Информация об авторе:

Куликов Михаил Алексеевич, кандидат юридических наук, заместитель руководителя международного бюро по кибербезопасности «КИБЕРПОЛ», докторант Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России, ORCID: 0000-0002-0978-0141, mikhail.a.kulikov@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Kulikov Mihail A., Candidate of Law (Research doctorate), Deputy Head of the International Bureau for cybersecurity “CYBERPOL”, doctoral student of MGIMO University, ORCID: 0000-0002-0978-0141, mikhail.a.kulikov@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 14.11.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 340
DOI: 10.37973/KUI.2023.31.82.004



80-летию Победы в Сталинградской битве посвящается

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ПОСЛЕВОЕННОЙ СИСТЕМЫ МИРА

Рустам Фанисович Набиев¹, Дмитрий Эрнстович Кабиров²,
^{1,2} Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
¹ nabiev_bulg@mail.ru, ² kabirov64@inbox.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматривается теоретико-правовое и историческое значение победы Советской армии в Сталинградской битве. Объектом исследования является ее прямое и косвенное влияние на концептуальные положения государственности и права, как внутри страны, так и на международной арене. Сталинградская битва не только ознаменовала собой начало коренного перелома в ходе Второй мировой войны, но и явилась одной из важнейших предпосылок послевоенного переустройства мира, которое начало активно обсуждаться, начиная с весны 1943 года. Существенной коррекции подверглись марксистская концепция государственного устройства, политика в сфере межгосударственных отношений и надгосударственных образований, отношений с религиями, изменилась даже политическая система, центром которой формально ранее был Коминтерн. Все эти изменения являются предметом исследования.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составили исторический и социокультурный подходы к рассмотрению событий Великой Отечественной войны. Авторы проанализировали изменения в международных отношениях и внутренней политике после 1943 г. При подготовке статьи использовались системный и историко-правовой методы познания.

Результаты исследования: после побед под Сталинградом и Воронежем в 1943 г. союзники начали планировать изменение карты мира и принимать первые базовые решения о принципах послевоенного переустройства мира. Страны антифашистской коалиции пришли к пониманию, что Запад должен будет передать в зону ответственности Советского Союза страны Восточной Европы. «Союзники» не могли не отдавать себе отчет в том, что в этих странах к тому времени уже не оставалось общественных организаций и политических сил, способных противостоять антифашистскому блоку коммунистов и социалистов. Это означало появление Мировой социалистической системы. Также в 1943 г. И.В. Сталин упразднил Коминтерн, что означало отказ от марксистского отношения к государству как к временному явлению в процессе коммунистического строительства. В этот же период происходит возвращение большей части прав Русской православной церкви (РПЦ), процесс реабилитации РПЦ означал, как минимум, возрождение некоммунистического корпоративного права в стране.

Обсуждение и заключение: Сталинградская битва явилась ключевой точкой в истории Великой Отечественной войны. Принятие Советского Союза в качестве великой державы повлекло за собой мысль о возникновении «социалистического лагеря» и необходимости создания наднациональной ор-

ганизации, которая регулировала бы межгосударственные противоречия на правовой основе. Также Сталинградская битва повлекла за собой концептуальные изменения во взглядах на социалистическое государство и право внутри страны.

Ключевые слова: Сталинградская битва; государство; право; СССР; принципы переустройства; Третий Интернационал; Русская православная церковь; конференции

© Набиев Р.Ф., Кабилов Д.Э., 2023

Для цитирования: Набиев Р.Ф., Кабилов Д.Э. Сталинградская битва и ее значение для создания послевоенной системы мира // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 32 – 37. DOI: 10.37973/KUI.2023.31.82.004

Scientific article

UDC 340

DOI: 10.37973/KUI.2023.31.82.004

THE BATTLE OF STALINGRAD AND ITS MEANING FOR THE CREATION OF A POSTWAR WORLD SYSTEM

Rustam Fanisovich Nabiev¹, Dmitry Ernstovich Kabirov²,
^{1,2} the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Moscow, Russia,
¹ nabiev_bulg@mail.ru, ² kabirov64@inbox.ru

Abstract

Introduction: the authors consider theoretical and legal and historical significance of the victory the Soviet army in the Battle of Stalingrad. The object for the study is its direct and indirect effects on the conceptual provisions of statehood and law both at home and abroad. The Battle of Stalingrad not only marked the beginning of the radical change during the World War II but it was one of the major conditions for post-war rearrangement of the world which began to be actively discussed beginning in the spring of 1943. The Marxist theory of structure of government, policy in interstate relations and supranational formations, relations with religions, even the political system, the center of which used to be formally the Comintern were substantively revised. All of this is under study.

Materials and Methods: historical and sociocultural approaches to the study of the World War II were the basis for the study. The authors review the changes to international relations and home policy after 1943. System and historical and legal methods of research were used.

Results: after victories at Stalingrad and Voronezh in 1943 allies began to plan for changing the world map and to make the first basic decisions about the principles of the postwar restructuring of the world. Countries of anti-fascist coalition had come to recognize that western countries would have to transfer Eastern Europe countries to the areas of responsibility. Allies understood that by that time there were no public organizations or political forces left in those countries capable of opposing the anti-fascist bloc of communists and socialists. This meant the emergence of the World Socialist System. In 1943 I.V. Stalin dissolved the Comintern that meant the rejection of the Marxist attitude toward the state as a temporary phenomenon in the process of communist construction. During the same period most of the rights of the Russian Orthodox Church (ROC) were restored; the process of rehabilitation of the ROC meant, at the very least, a revival of non-Communist corporate law in the country.

Discussion and Conclusions: the Stalingrad battle was a key reference for the Great Patriotic War. The acceptance of the Soviet Union as a great power entailed the idea of the emergence of a "socialist camp" and the need for a supranational organization that would regulate interstate contradictions on a legal basis. The Battle of Stalingrad also brought about conceptual changes in the views of the socialist state and law within the country.

Keywords: Battle of Stalingrad; state; law; USSR; principles of reorganization; Third International; Russian Orthodox Church; conferences

© Nabiev R.F., Kabirov D.E., 2023

For citation: Nabiev R.F., Kabirov D.E. The Battle of Stalingrad and Its Meaning for the Creation of a Postwar World System. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 32 – 37. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.31.82.004

Введение

Нечасто ученые и историки-популяризаторы обращают внимание на то, что Сталинградская битва стала не только переломным рубежом в Великой Отечественной войне, но и символом необычайной стойкости и боевого мастерства советских воинов, а также опорным стереотипом, устойчивым историческим символом для формирования господствующего мнения о качествах Советского государства и народа, природе евразийской государственности и отношении к ним.

Необходимо отметить, что в ходе Великой Отечественной войны было несколько битв, завершившихся окружением большого числа войск противника. Более того, параллельно Сталинградской битве проходила другая, которая была не менее трагической для оккупантов, – Воронежская операция. Но именно в Сталинграде впервые полностью погибли десятки немецких дивизий и целая армия (первоначально превосходившая по боеспособности два наших фронта).

Обзор литературы

Битва на Волге, бесспорно, является переломной точкой истории Великой Отечественной войны. Ей посвящен широкий круг источников и литературы – исторические исследования, мемуары, публикации документов. Важную роль в изучении Сталинградской битвы имела идеология советского общества, в зависимости от политической обстановки в стране менялись и интерпретация битвы, степень, глубина, всесторонность ее изучаемости.

В постсоветский период начала XXI века исследование Сталинградской битвы стало более конкретным, научно аргументированным и объективным, выпускаются серии документальных сборников, созданных на основе принципиально новых материалов. Показательным в этом отношении является сборник «Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ», где впервые публикуются документы, рассекреченные ФСБ России: воспоминания фельдмаршала Ф. Паулюса, дневники и письма солдат РККА и вермахта, протоколы допросов, докладные особых отделов фронтов и армий.

Однако следует отметить, что проблема взаимосвязи победы в Сталинградской битве с созданием послевоенной структуры мира, изменением системы государственно-правовых отношений в СССР учеными не рассматривалась. В литературе указывалось, что битва по-

дорвала моральный дух немцев, вызвала кризис в странах германской коалиции. Историки лишь отмечали, что «победа под Сталинградом оказала большое влияние на общее изменение военно-политического положения в мире в пользу антигитлеровской коалиции. Уничтожение сильнейшей фашистской военной группировки дало народам поработанных стран мощный импульс для борьбы против фашистского «нового порядка»» [1]. Отметим, что Курская битва уже планировалась под названием «операция «Цитадель»». Причем имелись в виду не советские укрепления, а «защита Европы», которая должна стать цитаделью в борьбе против большевистской агрессии.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили исторический и социокультурный подходы к рассмотрению политических процессов и событий, развивавшихся вследствие великой победы советских войск в Сталинградском сражении. При подготовке статьи авторы использовали системный, историко-правовой и формально-юридический методы научного познания. Статья подготовлена на основе материалов научных трудов, статей, воспоминаний, дипломатической переписки первых лиц государств и справочной информации.

Результаты исследования

Благодаря усилиям пропаганды всех великих держав того времени (в том числе и геббельсовской) Сталинградская битва обрела доминирующий символизм, который оказывал и оказывает влияние на внутреннюю и международную политику.

Впечатление о ней органично встроилось в многовековой стереотип восприятия СССР в качестве милитаризованной державы, которая никогда не проигрывала великих войн и не была оккупирована извне полностью. Осознанно или непроизвольно противник через некоторое время начинал понимать, что противостоять не только людям, но и огромному пространству, необозримому природному комплексу, оформленному той или иной государственной организацией.

Исследователи, пытаясь осмыслить роль России (СССР и СНГ), так или иначе признают, что осуществлять захватнические планы против этого образования бессмысленно. Именно в русле этих иррациональных ощущений европейцев (и в первую очередь немцев) следует оценивать знаменитую шутку современного немецкого сатирика Л. Экхарт о том, что история повторяется в наши

дни и немцев, как в 1942 году, вновь ожидает сталинградский мороз¹.

Сталинградская битва стала своеобразной «точкой бифуркации» в истории государства и права. После завершения битвы никто в мире уже не сомневался, что СССР отныне сверхдержава, которая будет решать судьбы многих других стран на планете.

Именно после главных побед 1943 года союзники по антигитлеровской коалиции активизировали процессы изменения карты мира и начали принимать базовые решения о принципах перестройки мира после войны. Уже весной 1943 г. Президент США Ф. Рузвельт предложил двухстороннюю встречу с И.В. Сталиным [2], после чего были проведены Московская, Каирская и Тегеранская конференции. К редко обсуждаемым вопросам этих саммитов относится определение советской зоны влияния, что имплицитно предполагало не только образование государств со статусом московского «протектората» (по существовавшим в то время понятиям и определениям международного права), но и изменение их государственного строя и режима правления.

Еще 1 января 1942 года представители 26 союзных государств, воевавших против стран гитлеровской коалиции, заявили о поддержке Атлантической хартии, подписав Декларацию Объединенных Наций. В этом документе впервые было официально использовано название «Объединенные Нации», предложенное президентом Ф. Рузвельтом. Идею образования новой организации поддерживали все, но имелись разногласия по вопросам ее структуры, задач и полномочий. Только в Московской декларации, подписанной правительствами СССР, США, Великобритании и Китая 30 октября 1943 г., было отмечено, что правительства этих стран «признают необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства – большие и малые»².

И США, и Великобритания, и большая часть политически активного населения планеты понимали, что, вступив в стратегический союз с Со-

ветским Союзом, Запад (вынужденно) отдает ему страны Восточной Европы не просто во временное управление военной администрации. «Союзники» не могли не отдавать себе отчет в том, что в этих странах нет общественных организаций и политических сил, способных противостоять антифашистскому блоку коммунистов и социалистов. По воспоминаниям премьер-министра Великобритании У. Черчилля и его переписке с И.В. Сталиным можно наблюдать судорожные попытки зарезервировать за собой «плацдармы» противостояния «коммунизму» в Польше.

В 1943 году У. Черчилль пытался договориться с Ф. Рузвельтом о высадке совместного десанта на Балканах, главной целью которого было отрезать Европу от вступления Советской армии.

Также англо-американские правящие круги готовили марионеточные буржуазные правительства восточноевропейских стран к захвату власти в своих столицах накануне их штурма Советской армией. Однако они не координировали своих действий со Ставкой Верховного главнокомандующего и не получили предварительной поддержки советского правительства.

Восстания в Словакии, Варшаве, Праге, а также попытки переворота в Венгрии были подавлены немцами. Таким образом, были разгромлены проанглийские вооруженные силы стран Восточной Европы, которые могли бы стать костяком антисоветских армий.

Рухнула монархия в Болгарии и Венгрии. Даже румынская монархия не смогла сохранить свой прежний строй и господствующую элиту. Так складывалась послевоенная двухполюсная система миропорядка, создавались предпосылки создания Организации Объединенных Наций.

Все эти великие преобразования были бы невозможны без массового героизма защитников Дома Павлова, руин «Красного Октября», Мамаева кургана, Дома лейтенанта Заболотного...

Отметим также, что Сталинградская битва повлекла за собой концептуальные изменения во взглядах на государство и право внутри страны.

После побед под Сталинградом и Воронежем в мае 1943 года И.В. Сталин упразднил Коминтерн³. Наряду с упразднением института комиссаров, возвращением погон и свободы для религий факт упразднения Коминтерна означал отказ (казалось, что временный) от марксистского отноше-

¹ Warum nach Stalingrad, auszufrieren. URL: <https://rtn.world/de/warum-nach-stalingrad-auszufrieren/> (дата обращения: 22.12.2022).

² Какую роль в создании ООН сыграл СССР. URL: <https://otvet.mail.ru/question/67360469?ysclid=ldftwpxes25820059> (дата обращения: 28.01.2023).

³ По указанию Сталина распущен Третий Интернационал. URL: www.denvistorii.ru/15-maya/po-ukazaniuu-stalina-raspushchen-tretii.html (дата обращения: 22.12.2022).

ния к государству как к временному явлению. Изначально Третий Интернационал, как глобальная компартия, коммунистами теоретически считался более значимым, чем государственная организация. Национальные партии считались филиалами – «секциями» Коминтерна.

Таким образом, был официально оформлен отказ от одного из основных постулатов революционной теории об отмене государства и создании мирового коммунистического правительства, что создало более приемлемые условия для укрепления и развития международного сотрудничества СССР и стран Запада.

Возвращение большей части прав Русской православной церкви (РПЦ) готовилось также с весны 1943 года, и на встрече И.В. Сталина с церковными иерархами 4 сентября 1943 г. были официально одобрены решения, которые согласовывались весь этот период. Кроме всех прочих аспектов, возвращение прав РПЦ означало и право внутреннего архиерейского суда и прежних канонов монастырского общежития. Таким образом, процесс реабилитации РПЦ означал как минимум возрождение некоммунистического корпоративного права.

В этот же период стали разрабатываться планы мероприятий, которые изменили административно-территориальную систему СССР в 1944-1945 гг. Однако подробное описание

этих мероприятий требует отдельного рассмотрения в рамках самостоятельного научного исследования.

Таким образом, Сталинградская битва и ее результаты стали основанием для кардинальных изменений в системе государства и права СССР и международного права.

Обсуждение и заключение

Сталинградская битва явилась ключевой точкой в истории Великой Отечественной войны, важнейшим пунктом советского и российского идеологического влияния в Европе. После завершения битвы никто в мире уже не сомневался, что СССР отныне сверхдержава, которая будет решать судьбы многих других стран на планете. Признание Советского Союза в качестве великой державы с неизбежностью влекло за собой возникновение «социалистического лагеря» и необходимость создания наднациональной организации стран-победительниц, которая эффективно регулировала бы глобальные проблемы (ООН). Создание Организации Объединенных Наций в этих условиях позволило закрепить за СССР роль одного из основателей организации и члена Совета безопасности с правом «вето».

Таким образом, победоносный исход Сталинградской битвы обусловил коренные концептуальные изменения во взглядах на государство и право как внутри страны, так и на международной арене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фролов М.И. Историческое значение Сталинградской битвы. URL: https://ruskline.ru/analitika/2015/02/03/istoricheskoe_znach/ (дата обращения: 21.01.2023).
2. Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны (1941 – 1945). URL: <https://history.wikireading.ru/371739?ysclid=ld21lqsynt263554685> (дата обращения: 11.12.2022).

REFERENCES

1. Frolov M.I. Istoricheskoe znachenie Stalingradskoj bitvy, https://ruskline.ru/analitika/2015/02/03/istoricheskoe_znach/ (data obrashcheniya: 21.01.2023).
2. Israelyan V.L. Diplomatija v gody vojny (1941 – 1945). URL: <https://history.wikireading.ru/371739?ysclid=ld21lqsynt263554685> (data obrashcheniya: 11.12.2022).



Информация об авторах:

Набиев Рустам Фанисович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, nabiev_bulg@mail.ru

Кабиров Дмитрий Эрнстович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, ORCID: 0000-0002-2349-9217, kabirov64@inbox.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Nabiev Rustam F., Doctor of History (Doctor habilitatus), Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, nabiev_bulg@mail.ru

Kabirov Dmitry E., Candidate of History (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Kazan Law Institute of MIA of Russia, ORCID: 0000-0002-2349-9217, kabirov64@inbox.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Набиев Рустам Фанисович – общая концепция исследования, определение его предмета, целей и задач, проведение исследования, формулирование выводов.

Кабиров Дмитрий Эрнстович – проведение исследования, доработка текста статьи согласно установленным требованиям, работа с библиографическим аппаратом.

Статья получена: 22.12.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 342.7
DOI: 10.37973/KUI.2023.67.66.005



ГАРАНТИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ЭЛЕМЕНТ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аниса Фирдусовна Амануллина,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
amanullinaanisa@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье анализируется понятие конституционной идентичности, рассматривается генезис становления конституционных гарантий.

Материалы и методы: при написании статьи проанализированы действующее российское законодательство, судебная практика, научные статьи и исследования; использованы общенаучные и специальные методы: диалектический, дедукции, индукции, формально-юридический.

Результаты исследования: в настоящее время в науке возникла необходимость понимания конституционной идентичности России, разработка доктрины которой до сих пор продолжается учеными-правоведами. Как явление многомерное и многокомпонентное, идентичность определяется через различные аспекты, в том числе и гарантии прав и свобод человека.

Обсуждение и заключение: в работе обосновывается вывод, согласно которому гарантии прав и свобод человека имеют давнюю историческую традицию, сложились в результате многовекового предшествующего государственного развития, исторических и культурных традиций, поэтому являются элементом российской конституционной идентичности.

© Амануллина А.Ф., 2023

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации; конституционная идентичность; Европейский суд по правам человека; правовые гарантии; права и свободы

Для цитирования: Амануллина А.Ф. Гарантии прав человека как элемент российской конституционной идентичности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 38 – 44. DOI: 10.37973/KUI.2023.67.66.005

Scientific article
UDC 342.7
DOI: 10.37973/KUI.2023.67.66.005

GUARANTEES OF HUMAN RIGHTS AS AN ELEMENT OF THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL IDENTITY

Anisa Firdusovna Amanullina,
the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia,
amanullinaanisa@mail.ru

Abstract

Introduction: the author analyses the concept of constitutional identity, considers historical development of constitutional guarantees.

Materials and Methods: the author analyzes current Russian legislation, court practice, scientific articles and studies. In the course of the study, the author used dialectical, logical deduction, induction, and technical methods.

Results: for the past decade the comprehension of constitutional identification of Russia was needed which doctrine development is ongoing. As a multidimensional and complex phenomenon, the identity is defined through various aspects including the guarantees of human rights and freedoms.

Discussion and Conclusion: the paper substantiates the conclusion that legal guarantees of human rights and freedoms have a long historical tradition, have developed as a result of centuries of previous state development, historical and cultural traditions, therefore they are an element of Russian constitutional identity.

© Amanullina A.F., 2023

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation; constitutional identity; European Court of Human Rights; legal guarantees; rights and freedoms

For citation: Amanullina A.F. Guarantees of Human Rights as an Element of the Russian Constitutional Identity. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 38 – 44. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.67.66.005

Введение

В настоящее время осуществляется постоянный процесс интернационализации экономической, финансовой, правовой, культурной, социальной деятельности человечества. Все это трансформируется в формирование глобального информационного пространства. В условиях глобализации как новой системы отношений важно при пересмотре иерархии ценностей не утрачивать свои традиции, культуру, историю, национально-государственный суверенитет. В связи с этим вполне понятны стремления отечественного законодателя защитить и сохранить собственную идентичность. Особенно ярко такая необходимость проявляется в условиях экономической нестабильности, современных мировых катаклизмов, опасностей, назревания острых вооруженных внутригосударственных и межгосударственных конфликтных ситуаций, перераспределения сил и влияний в мире, а также на фоне неоднократной критики и последствий санкций в отношении Российской Федерации со стороны стран Европы и США.

В целом внесение поправок в Конституцию 2020 года о Боге, преемственности, памяти предков свидетельствуют о стремлении государства к закреплению своих ценностей. Россия продолжает отстаивать свою идентичность [1, с. 68] в контексте поправки к статье 79 Конституции, согласно которой решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров, противоречащих Консти-

туции Российской Федерации, не подлежат исполнению¹. По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, базовыми элементами конституционной идентичности являются внутригосударственные нормы о фундаментальных правах человека и гражданина, а также гарантирующие эти права нормы об основах конституционного строя².

Обзор литературы

В настоящее время концепцию конституционной идентичности разрабатывают Е.В. Виноградова, Г.А. Гаджиев, В.Д. Зорькин и др. В научной среде ведутся дискуссии о структурных элементах российской конституционной идентичности.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили положения российского законодательства, международных нормативно-правовых актов, судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского суда по правам человека, научные статьи и исследования по рассматриваемой проблематике. При написании статьи использованы диалектический метод, методы дедукции, индукции, формально-юридический метод.

Результаты исследования

Такое новое для российской правовой действительности понятие, как конституционная идентичность, требует детального рассмотрения. Выработке концептуальных подходов к ее пониманию способствовало дело «Константин

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 21.05.2021).

² По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. 27 июля. № 30. Ст. 4658.

Маркин против Российской Федерации»¹. Свое становление в России концепция конституционной идентичности начала в связи с периодически возникавшими конвенционно-конституционными коллизиями [2, с. 302]. Несомненно, противопоставление универсальных ценностей национальным устоям, традициям государств стало тенденцией последних лет. Следует понимать, что нельзя буквально и прямолинейно толковать примат международного права в том смысле, что национальные нормы находятся в зависимости от норм международного права. Поэтому конституция национального государства, являющаяся основой его суверенитета, не может автоматически подчиниться нормам международного права [1, с. 69]. Россия нашла способ защиты от выходящей за пределы разумного наднационализации в области прав человека с помощью концепции конституционной идентичности [3]. Первым о ней заговорил председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Зорькин, заявив о необходимости ее уважения Европейским судом по правам человека².

Концепция конституционной идентичности рассматривается с лингвистической [4, с. 34], философской [5, с. 43] точек зрения. Авторы также разграничивают понятия «конституционная идентичность» и «конституционная самобытность» [6, с. 45], «конституционная идентичность» и «идентичность конституции» [7, с. 22], «конституционная идентичность» и «национальная идентичность» [8].

Конституционная идентичность – понятие сложное, многомерное, многокомпонентное. При этом нельзя говорить о какой-то единой конституционной идентичности для всех государств. Конституционная идентичность государства всегда понимается через Основной закон государства, его историю, традиции, культуру, ценности. Ученые концептуально осмысливают конституционную идентичность, прорабатывают ее доктрину. Конституционная идентичность выкристаллизовывается каждым государством из своего уникального индивидуального опыта [9, с. 30]. Признание сложившейся российской идентичности с учетом ее исторического своеобразия стало частью конституционных гарантий, направленных на защиту прав и свобод, охраняемых государством [10].

Российская Федерация – правовое и демократическое государство, признающее высшей ценностью человека, его права и свободы. Конституционные гарантии сложились на базе предшествующего государственного развития, исторических и культурных традиций. Есть мнение, что в древние времена и в средние века гарантий прав личности не существовало в принципе. Однако сам факт закрепления гарантий в письменных источниках уже являлся отправной точкой для развития судебных гарантий в будущем [11]. С 18 века в трактатах русских правоведов закрепились идеи о правовом статусе человека. Следует отметить работы С.Е. Десницкого, внесшего значительный вклад в формирование русского конституционализма [12, с. 305-307]. Он развивал идеи равенства всех людей, неотчуждаемости прав, свободы мысли и слова.

Государством предпринимались шаги в сфере закрепления прав и свобод дворянства. В дальнейшем эти права развивались актами императоров царской России. Благодаря отмене крепостничества целое сословие получило личную независимость. Феодалные пережитки все еще оставались и серьезно ухудшали жизнь крестьян, но при этом они получили право на образование, свободу труда, возможность заключать сделки.

В результате Русской революции 1905-1907 гг. впервые в истории были предприняты попытки законодательного закрепления прав и свобод подданных государства: неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища, свободы собраний, свободы совести и т.д.

Новым этапом в становлении прав и свобод стала Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. Бесспорно, что попытка построения правового государства с гарантированными естественными правами человека не принесла положительного результата, однако и этот факт важен в истории становления конституционных гарантий прав человека.

Права и свободы в СССР носили декларативный характер, де-факто многие из них не соблюдались.

Основываясь на принципе преемственности, невозможно отрицать, что Конституция 1993 года впитала в себя передовые идеи советских конституций. При этом это первая конституция в истории России, которая закрепила принцип

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Константин Маркин против Российской Федерации» от 07.10.2010 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/ukr#%7B%22itemid%22:%5B%22001-109868%22%5D%7D> (дата обращения: 20.09.2022).

² По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2016 № 12-П. СПС «КонсултантПлюс» (дата обращения: 21.02.2022).

высшей ценности прав, свобод человека. В настоящее время одна из главных задач органов государственной власти – не утратить на практике значение этого принципа.

15 марта 2022 г. Россия вышла из Совета Европы. Это означает, что на страну перестала распространяться юрисдикция Европейского суда по правам человека. 11 июня 2022 г. президент Российской Федерации подписал законы¹, в соответствии с которыми постановления Европейского суда по правам человека не подлежат исполнению.

В настоящее время при исчерпании внутригосударственных средств граждане России вправе обратиться в органы ООН:

- в Комитет по правам человека на нарушения Международного пакта о гражданских и политических правах². Этот договор защищает все основные права, почти как и Европейская конвенция³ (кроме права на собственность). Конституционный Суд Российской Федерации определил 28 июня 2012 г., что возможен пересмотр приговора по уголовному делу по новым обстоятельствам на основании решений Комитета по правам человека ООН⁴;

- в Комитет против пыток на нарушение Конвенции против пыток⁵;

- в Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин на нарушение соответствующей Конвенции⁶;

- в Комитет по ликвидации расовой дискриминации – также на нарушение соответствующей Конвенции⁷.

Критерии для обращения в целом аналогичны требованиям к жалобам в Европейский суд. Срок для обращений в органы ООН является значи-

тельно более длительным, а отправлять обращения можно посредством электронной почты.

Комитеты также выносят временные обеспечительные меры, а их решения являются обязательными в силу международного и российского права, что неоднократно подтверждали Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации. Комитеты не присуждают компенсацию. Ее могут присудить российские суды на основании решений комитета.

Однако следует согласиться с мнением Е.В. Виноградовой, что возрастание роли национальных органов в решении вопросов защиты личного суверенитета приведет к делегированию суверенными государствами своих прав [13]. Первоочередная задача государства вслед за провозглашением ценности прав – создать условия для их реализации. Выход Российской Федерации из Совета Европы не должен снизить гарантированный национальный уровень защиты прав и свобод гражданина. Он также продолжает обеспечиваться возможностью обращения за защитой в Конституционный Суд Российской Федерации на нарушение прав и свобод, но не органами власти, а нормой закона, примененной в конкретном деле.

Обнадеживающей в этом плане является новость, что в рамках Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека⁸ планируется создать Комиссию по правам человека, а затем на ее базе суд. Существует позиция, согласно которой этот суд будет, в отличие от Европейского суда, неполитизированным и объективным⁹. Он будет являться еще одним элементом механизма защиты прав человека.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2022).

² О гражданских и политических правах: Международный пакт (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

³ Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

⁴ По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 1248-О. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2022).

⁵ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // Права человека: сборник международных договоров ST/HR/1/Rev.5 (Vol. I/Part 1). Т. I. Ч. 1. С. 337.

⁶ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21.12.1965) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/racesconv.shtml (дата обращения: 02.10.2022).

⁷ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18.12.1979) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 02.10.2022).

⁸ Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (26.05.1995) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2022).

⁹ Матвиенко предложила создать аналог ЕСПЧ на просторах СНГ. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/03/29/915776-matvienko-analog-espch> (дата обращения: 02.10.2022).

Обсуждение и заключение

Гарантии прав и свобод человека сложились в результате многовекового предшествующего государственного развития. Государство планомерно идет по пути построения правовой модели управления. Трактовка российской

конституционной идентичности как явления, вбирающего в себя исторические и культурные традиции, конституционные ценности, позволяет утверждать, что конституционные гарантии прав человека — это ее неотъемлемый элемент.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Амануллина А.Ф. Приоритет Конституции Российской Федерации над международными договорами: теоретический и практический аспекты // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5. № 2 (10). С. 67 – 70.
2. Амануллина А.Ф. Конвенционно-конституционные коллизии в свете поправок в Конституцию Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 3 (45). С. 301 – 305. DOI: 10.37973/KUI.2021.23.56.003.
3. Гаджиев Г.А. Конституционная идентичность и права человека в России .URL: http://www.ksrf.ru/ru/News/Documents/report_Гаджиев%20_2016.pdf (дата обращения: 14.09.2022).
4. Ряховская Т.И. Преемственность в конституционном праве в контексте конституционной самобытности // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 2. С. 30 – 44. DOI: 10.12737/jrl.2021.017.
5. Дахин А.В. Философские смыслы конституционных понятий: проблема связи цивилизационной и конституционной идентичности гражданина России // Вестник Российского философского общества. 2021. № 3-4 (97-98). С. 43-55. DOI: 10.21146/1606-6251-2021-3/4-43-55.
6. Писарев А.Н. Конституция как гарант сохранения преемственности развития отечественной государственности и общенациональных ценностей, определяющих конституционную идентичность России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 45. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-42-50
7. Шустров Д.Г. Конституционная идентичность и изменение Конституции // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 4. С. 21 – 49.
8. Разина Т.В. Национальная идентичность VS российская гражданская идентичность // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 2: Биология. Геология. Химия. Экология. 2022. № 2(22). С. 7 – 12. DOI: 10.34130/2306-6229-2022-2-7.
9. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4 (58). URL: <http://crimescience.ru/wp-content/uploads/2020/03/%D0%96%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B8%D1%8F-%E2%84%96458-%D0%B7%D0%B0-20171.pdf> (дата обращения: 21.09.2022).
10. Виноградова Е.В. Российская конституционная идентичность. смертная казнь, против и... против // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-konstitutsionnaya-identichnost-smertnaya-kazn-protiv-i-protiv> DOI: 10.17072/1995-4190-2022-55-22-47 (дата обращения: 06.10.2022).
11. Ширманов И.А. Исторические аспекты развития общих и специальных конституционных гарантий прав личности // Вестник Курганского государственного университета. 2006. № 3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-aspekty-razvitiya-obschih-i-spetsialnyh-konstitutsionnyh-garantiy-prav-lichnosti> (дата обращения: 06.10.2022).
12. Десницкий С.Е. Представления об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи [1768] // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVII в.: в 2 т. Т. I. Москва, 1952. С. 305 – 327.
13. Виноградова Е.В. Место государственного суверенитета в парадигме Российской конституционной идентичности // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. № 2 (62). С. 14 – 17.

REFERENCES

1. Amanullina A.F. Prioritet Konstitucii Rossijskoj Federacii nad mezhdunarodnymi dogovorami: teoreticheskij i prakticheskij aspekty // Uchenye zapiski Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. T. 5. № 2(10). S. 67-70.
2. Amanullina A.F. Konvencionno-konstitucionnye kollizii v svete popravok v Konstituciyu Rossijskoj Federacii // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. T. 12. № 3 (45). S. 301 – 305. DOI: 10.37973/KUI.2021.23.56.003.
3. Gadzhiev G.A. Konstitucionnaya identichnost' i prava cheloveka v Rossii .URL: http://www.ksrf.ru/ru/News/Documents/report_Gadzhiev%20_2016.pdf (data obrashcheniya: 14.09.2022).
4. Ryahovskaya T.I. Preemstvennost' v konstitucionnom prave v kontekste konstitucionnoj samobytnosti // ZHurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25. № 2. S. 30 – 44. DOI: 10.12737/jrl.2021.017.
5. Dahin A.V. Filosofskie smysly konstitucionnyh ponyatij: problema svyazi civilizacionnoj i konstitucionnoj identichnosti grazhdanina Rossii // Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshchestva. 2021. № 3-4 (97-98). S. 43-55. DOI: 10.21146/1606-6251-2021-3/4-43-55.
6. Pisarev A.N. Konstituciya kak garant sohraneniya preemstvennosti razvitiya otechestvennoj gosudarstvennosti i obshchenacional'nyh cennostej, opredelyayushchih konstitucionnyu identichnost' Rossii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: YUrisprudenciya. 2022. № 2. S. 45. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-42-50
7. SHustrov D.G. Konstitucionnaya identichnost' i izmenenie Konstitucii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2020. № 4. S. 21 – 49.
8. Razina T.V. Nacional'naya identichnost' VS rossijskaya grazhdanskaya identichnost' // Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriya 2: Biologiya. Geologiya. Himiya. Ekologiya. 2022. № 2 (22). S. 7 – 12. DOI: 10.34130/2306-6229-2022-2-7.
9. Zor'kin V.D. Konstitucionnaya identichnost' Rossii: doktrina i praktika // ZHurnal konstitucionnogo pravosudiya. 2017. № 4(58). URL: <http://crimescience.ru/wp-content/uploads/2020/03/%D0%96%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B8%D1%8F-%E2%84%96458-%D0%B7%D0%B0-20171.pdf> (data obrashcheniya: 21.09.2022).
10. Vinogradova E.V. Rossijskaya konstitucionnaya identichnost'. smertnaya kazn', protiv i... protiv // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. 2022. № 55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossijskaya-konstitutsionnaya-identichnost-smertnaya-kazn-protiv-i-protiv> DOI: 10.17072/1995-4190-2022-55-22-47 (data obrashcheniya: 06.10.2022).
11. SHirmanov I.A. Istoricheskie aspekty razvitiya obshchih i special'nyh konstitucionnyh garantij prav lichnosti // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-aspekty-razvitiya-obschih-i-spetsialnyh-konstitutsionnyh-garantiy-prav-lichnosti> (data obrashcheniya: 06.10.2022).
12. Desnickij S.E. Predstavleniya ob uchrezhdenii zakonodatel'noj, suditel'noj i nakazatel'noj vlasti v Rossijskoj imperii [1768] // Izbrannye proizvedeniya russkih myslitelej vtoroj poloviny XVII v.: v 2 t. T. I. Moskva, 1952. S. 305 – 327.
13. Vinogradova E.V. Mesto gosudarstvennogo suvereniteta v paradigme Rossijskoj konstitucionnoj identichnosti // Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. 2022. № 2 (62). S. 14 – 17.



Информация об авторе:

Амануллина Аниса Фирдусовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, ORCID: 0000-0002-0295-5359, amanullinaanisa@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Amanullina Anisa F., Candidate of Law (Research Doctorate), Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, the Kazan Law Institute of MIA of Russia, ORCID: 0000-0002-0295-5359, amanullinaanisa@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 11.10.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.8
DOI: 10.37973/KUI.2023.20.22.006

**ВОПРОСЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ
РАНЕЕ СУДИМЫХ ЛИЦ**

Флер Нуретдинович Багаутдинов,
Казанский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Казань, Россия,
fler5858@mail.ru



Аннотация

Введение: в статье анализируются отдельные положения российского законодательства, ограничивающие избирательные права граждан из числа ранее судимых лиц.

Материалы и методы: исследование проведено с использованием диалектико-материалистического, логического, сравнительно-правового и системно-структурного методов. Эмпирическую базу исследования составили судебные решения и опубликованные материалы Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

Результаты исследования: проведен анализ российского законодательства в части реализации гражданами пассивного избирательного права, то есть права быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Обсуждение и заключение: предлагаются изменения российского законодательства, направленные на ограничение избирательных прав граждан, осужденных за отдельные виды преступлений, с учетом характера и направленности совершенных противоправных деяний.

Ключевые слова: активное и пассивное избирательное право; ограничение избирательных прав ранее судимых лиц; лишение избирательного права; виды уголовных наказаний; преступления экстремистской направленности

© Багаутдинов Ф.Н., 2023

Для цитирования: Багаутдинов Ф.Н. Вопросы ограничения избирательных прав ранее судимых лиц // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 45 – 50.
DOI: 10.37973/KUI.2023.20.22.006

Scientific article
UDC 343.8
DOI: 10.37973/KUI.2023.20.22.006

ISSUES OF RESTRICTING THE VOTING RIGHTS OF PREVIOUSLY CONVICTED PERSONS

Fleur Nuretdinovich Bagautdinov,
the Kazan Law Institute (branch)
of the Prosecutor's Office University of the Russian Federation, Kazan', Russia,
fler5858@mail.ru

Abstract

Introduction: the author analyzes certain provisions restricting the voting rights of citizens with prior convictions.

Materials and Methods: the study was conducted using dialectical and materialistic, logical, comparative and legal, and system and structure methods. Court decisions and published works of the Central Election Commission were the base for the study.

Results: the author presents the result of the analysis of the Russian legislation on the exercise by citizens of the Russian Federation of the right to vote, that is, the right to be elected to bodies of state power and bodies of local self-government.

Discussion and Conclusions: the author suggests changes in Russian law aimed at restriction of electoral rights of the citizens convicted of certain types of crime taking into account their character and focus.

Keywords: active and passive suffrage; restriction of electoral rights of previously convicted persons; deprivation of suffrage; types of criminal punishment; extremist crimes

© Bagautdinov F.N., 2023

For citation: Bagautdinov F.N. Issues of Restricting the Voting Rights of Previously Convicted Persons. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 45 – 50. (In Russ.). DOI: 10.37973/ KUI.2023.20.22.006

Введение

По своей правовой природе ограничение избирательных прав является одним из последствий важного правового института уголовного закона – судимости. Именно наличие судимости выступает основанием для ограничения избирательных прав ранее судимых лиц [1, с. 102 – 107], [2, с. 218 – 220], [3, с. 17 – 23], [4, с. 39 – 45].

В российской истории имели место различные подходы к реализации пассивных избирательных прав: первоначально к участию в выборах допускались и ранее судимые лица; затем был введен полный запрет на участие таких лиц в выборах; в настоящее время запрет касается только отдельных категорий преступлений и носит срочный характер.

Лишение избирательных прав в советский период предусматривалось в Конституции РСФСР в зависимости от рода занятий, принадлежности к различным классовым группам и не было связано с совершением конкретных видов преступлений [5, с. 88 – 95].

При осуществлении правового регулирования вопросов ограничения избирательных прав граждан, осужденных к лишению свободы, российский законодатель использовал принцип международного права, т.е. соразмерности ограничений, который является обоснованной гарантией для законного ограничения указанных прав [6, с. 203 – 214].

Практика дает основание утверждать, что участие ранее судимых лиц в выборах не носит распространенного характера, но каждый такой случай становится предметом широкого общественного интереса и внимания. Например, в 2009 г. в выборах принимали участие 132 человека, ранее осужденных за совершение преступлений, из них 22 – совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления. В 2011 г. эти цифры составили 702 и 194 человека соответственно. В 2014 –

2017 гг. около 250 лиц, имеющих судимость, не были допущены на выборы разных уровней¹.

Обзор литературы

Вопросы ограничения избирательных прав ранее судимых лиц рассматривались в научных работах Ю.В. Капрановой, М.А. Лабутина, Ю.О. Куренковой, Е.И. Бычковой, С.М. Шепиева, М.В. Мерзликиной, Б.З. Маликова, И.А. Биккинина и других.

Материалы и методы

При проведении научного исследования использовались диалектико-материалистический, логический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы. Эмпирическую базу исследования составили судебные решения и опубликованные материалы Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

Результаты исследования

Желанию лица участвовать в выборах любого уровня, быть избранным и стать депутатом корреспондирует желание общества видеть в качестве своих представителей в органах власти людей с незапятнанной репутацией, без криминального прошлого. Соответственно, к таким представителям народа предъявляются повышенные требования.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, правовая демократия нуждается в эффективных правовых механизмах, способных охранять ее от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой во многом основывается на доверии общества. Создавая соответствующие правовые механизмы, федеральный законодатель вправе установить повышенные требования к репутации лиц, занимающих публичные должности, с тем чтобы граждане не сомневались в их морально-этических и нравственных качествах и, соответственно, в законности и бескорыстности их действий как носителей публичной власти, в том числе использовать для

¹ Разъяснение ЦИК России о действующих нормах по ограничению права быть избранными лиц, имевших судимость. URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/23508> (дата обращения: 10.02.2023).

достижения указанных целей определенные ограничения пассивного избирательного права.

Совершенное когда-либо тяжкое или особо тяжкое преступление является обстоятельством, несомненно, влияющим на оценку избирателями репутации кандидата на выборную должность и определяющим степень доверия граждан к институтам представительной демократии, а в конечном счете – их уверенность в незыблемости верховенства права и правовой демократии. Исходя из этого, ограничение пассивного избирательного права и запрет занимать выборные публичные должности для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, как мера, направленная на предотвращение подрыва социальной поддержки и легитимности органов публичной власти, преследует конституционно значимые цели повышения конституционной ответственности и действенности принципов правового демократического государства, сохранения и надлежащего функционирования публичного правопорядка, предупреждения криминализации власти¹.

Как обоснованно отмечается в научной литературе, и после истечения установленных законом сроков последствия судимости полностью не снимаются, так как сохраняются скрытые ограничения, в частности, во время избирательной кампании, предвыборной агитации ранее судимое лицо должно указывать в документах о своей судимости, в чем усматриваются элементы диффамации его личности [7, с. 87 – 91].

В соответствии со ст. 32 Конституции Российской Федерации граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Не обладают активным и пассивным избирательным правом, то есть не могут избирать и быть избранными, граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

Кроме этого, не имеют права быть избранными лица:

- осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и имеющие на день голосования неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления;
- осужденные к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, – до истечения десяти лет со дня снятия или погашения судимости;

- осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, – до истечения пятнадцати лет со дня снятия или погашения судимости;

- осужденные за совершение преступлений экстремистской направленности, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления (Федеральный закон от 21 февраля 2014 г. № 19-ФЗ).

Перечень преступлений экстремистской направленности (Перечень № 20) установлен в указании Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (в ред. от 13.07.2020) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

К преступлениям экстремистской направленности без дополнительных условий, в частности, относятся ст. 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности); ст. 280¹ (публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации); ст. 282 (возбуждение ненависти, либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства); ст. 282¹ (организация экстремистского сообщества); ст. 282² (организация деятельности экстремистской организации) и некоторые другие.

В перечень преступлений экстремистской направленности входят как тяжкие и особо тяжкие преступления, так и преступления небольшой и средней тяжести. Некоторые преступления могут быть отнесены к экстремистским при наличии дополнительных условий.

Таким образом, факт совершения любых преступлений экстремистской направленности, при том что судимость за это на день голосования на выборах не снята и не погашена, является безусловным основанием для отказа в участии в выборах. При этом не совсем понятно, почему, исходя из каких соображений законодатель выделил именно и только преступления экстремистской направленности как основание для ограничения пассивных избирательных прав граждан.

Полагаем, имеет смысл обсудить вопрос ограничения избирательных прав ранее судимых лиц в плане расширения перечня преступлений, су-

¹ По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.10.2013 № 20-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2014. № 1.

димось за которые ограничивает избирательные права. Наряду с преступлениями экстремистской направленности, на наш взгляд, необходимо предусмотреть в законодательстве запрет на участие в выборах для лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы, в том числе и против несовершеннолетних. Не все из указанных преступлений относятся к категориям тяжких и особо тяжких. Совершение указанных преступлений несет повышенную общественную опасность, вызывает особое негодование общества и граждан; и лица, их совершившие, не должны иметь права на участие в выборах. Такой подход будет соответствовать твердой позиции российского государства в деле отстаивания и сохранения традиционных семейных ценностей.

Депутатами нередко желают стать руководители различных государственных, коммерческих и других организаций, предприятий и учреждений. На наш взгляд, здесь также необходимо предусмотреть определенные ограничения, выделив в законодательстве отдельные виды преступлений, совершение которых лишает человека права участвовать в выборах депутатов различного уровня. Речь в основном может идти о должностных, коррупционных преступлениях, а также о лицах, осужденных за невыплату заработной платы, неуплату налогов и страховых сборов. Данные лица не считаются с интересами государства, нарушают права граждан, и лишение их избирательных прав на определенный срок было бы справедливым.

Считаем уместным добавить, что при представлении руководителей предприятий к государственным наградам Российской Федерации, региональным наградам во время предварительного рассмотрения материалов направляются запросы о судимостях, привлечении их к уголовной ответственности. И документы на руководителей, должностных лиц, привлеченных, осужденных за невыплату заработной платы, неуплату налогов, как правило, отклоняются. По нашему мнению, это вполне обоснованно.

Аналогичные вопросы возникают и в отношении лиц, осужденных за призывы или участие в массовых беспорядках, нарушения правил проведения митингов, публичные действия по дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации, пропаганду нацистской символики, призывы к санкциям против РФ, распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации

и другие. С учетом характера указанных преступлений совершившие их лица также заслуживают ограничения избирательных прав, например, до погашения или снятия судимости.

Отметим, что в последнее время звучали и противоположные заявления отдельных политиков о возможности выдвижения на роль депутатов бывших заключенных из числа участников специальной военной операции, например, из ЧВК «Вагнер»¹. Это также подтверждает актуальность исследуемого вопроса.

Рассматривая подобные инициативы, следует подчеркнуть, что факт участия в специальной военной операции не может являться безусловным основанием для аннулирования последствий судимости для таких лиц. Основопологающие требования закона должны соблюдаться в любом случае. На наш взгляд, если ранее судимый гражданин в составе ЧВК «Вагнер» либо другим образом участвовал в СВО, то это может быть основанием для его помилования, освобождения от наказания, снятия судимости, после чего можно ставить и вопрос об участии в выборах.

Обсуждение и заключение

В заключение предлагаем обсудить вопрос о пожизненном лишении избирательных прав отдельных категорий осужденных, например, педофилов, лиц, осужденных за государственную измену, и некоторых других. Конституционный Суд Российской Федерации высказал позицию, согласно которой ограничения, устанавливающие фактически пожизненный запрет избираться, являются чрезмерными, и признал их не соответствующими Конституции России (постановление от 10 октября 2013 г. № 20-П).

Указанное решение Конституционного Суда Российской Федерации было основано, в том числе, и на аналогичных решениях Европейского суда по правам человека, в частности, по делу «Херст против Соединенного Королевства» (2003 год). С учетом выхода Российской Федерации из-под юрисдикции ЕСПЧ возможно и переосмысление принятого Конституционным Судом Российской Федерации решения.

С учетом изложенного предлагаем ввести в перечень уголовных наказаний (ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации) лишение права быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления в качестве дополнительного наказания по отдельным категориям преступлений, перечень которых следует установить в законе.

¹ Депутат оценил варианты выдвижения в Думу заключенных из ЧВК Вагнера. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/01/2023/63c137609a794764e66fb2f7?ysclid=lfcs5sai6sv132360088> (дата обращения: 16.03.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маликов Б.З., Биккинин И.А. Особенность общеправовых последствий судимости // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2021. № 2 (42). С. 102 – 107. DOI: 10.36684/chesu-2021-42-2-102-107
2. Подоляк А.А. Погашение и снятие судимости: разграничение понятий и их уголовно-правовое значение // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: XVII Международная научно-практическая конференция. В 2 частях; отв. ред. Г.Ю. Гуляев. 2018. С. 218 – 220.
3. Захарова С.С. Корнеев С.А., Назаркин Е.В. Ограничения избирательных прав граждан Российской Федерации как последствия привлечения к уголовной ответственности // Выборы: теория и практика. 2019. № 3 (541). С. 17 – 23.
4. Нечепуренко А.А. Законодательное регулирование негативных последствий для лиц, совершивших преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26. № 4 (79). С. 39 – 45. DOI: 10.24411/1999-625X-2020-11007
5. Куренкова Ю.О. Лишение избирательного права как способ политического давления на крестьян // Вестник ОГПУ. 2004. № 4 (38). С. 88 – 95.
6. Мерзликina М.В., Шапиев С.М. Ограничения избирательных прав граждан с криминальным прошлым // Избирательное право. 2014. № 2. С. 11 – 18.
7. Капранова Ю.В. Судимость и ограничения прав граждан в сфере избирательных правоотношений // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований. Материалы всероссийской научно-практической конференции; сост. А.А. Сарсенова. 2021. С. 87 – 91.

REFERENCES

1. Malikov B.Z., Bikkinin I.A. Osobennost' obshchepравovыh posledstvij sudimosti // Vestnik Chечenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova. 2021. № 2 (42). S. 102 – 107. DOI: 10.36684/chesu-2021-42-2-102-107
2. Podolyak A.A. Pogashenie i snyatie sudimosti: razgranichenie ponyatij i ih ugolovno-pravovoe znachenie // Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii: XVII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. V 2 chastyah; отв. red. G.YU. Gulyaev. 2018. S. 218 – 220.
3. Zaharova S.S. Korneev S.A., Nazarkin E.V. Ogranicheniya izbiratel'nyh prav grazhdan Rossijskoj Federacii kak posledstviya privlecheniya k ugolovnoj otvetstvennosti // Vybory: teoriya i praktika. 2019. № 3 (541). S. 17 – 23.
4. Nechepurenko A.A. Zakonodatel'noe regulirovanie negativnyh posledstvij dlya lic, sovershivshih prestupleniya // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2020. T. 26. № 4 (79). S. 39 – 45. DOI: 10.24411/1999-625X-2020-11007
5. Kurenkova YU.O. Lishenie izbiratel'nogo prava kak sposob politicheskogo davleniya na krest'yan // Vestnik OGPU. 2004. № 4 (38). S. 88 – 95.
6. Merzlikina M.V., SHapiev S.M. Ogranicheniya izbiratel'nyh prav grazhdan s kriminal'nym proshlym // Izbiratel'noe pravo. 2014. № 2. S. 11 – 18.
7. Kapranova YU.V. Sudimost' i ogranicheniya prav grazhdan v sfere izbiratel'nyh pravootnoshenij // Pravoohranitel'naya deyatelnost' organov vnutrennih del v kontekste sovremennyh nauchnyh issledovanij. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii; cost. A.A. Sarsenova. 2021. S. 87 – 91.



Информация об авторе:

Багаутдинов Флер Нуретдинович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, fler5858@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Bagautdinov Fleur N., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Head of the Department of the Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws in Investigative Activities and Prosecutor's Participation in Criminal Proceedings of the Kazan Law Institute (branch) of the Prosecutor's Office University of the Russian Federation, fler5858@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 26.12.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

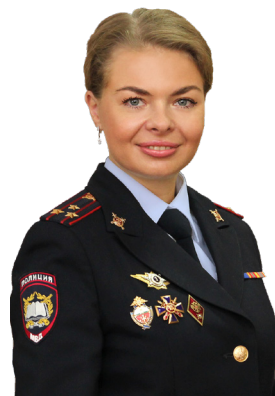
Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343
DOI: 10.37973/KUI.2023.58.78.007

**ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ:
ОСОБЕННОСТИ, ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС**

Елизавета Викторовна Демидова-Петрова,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
demidova.liza@gmail.com



Аннотация

Введение: в статье освещается комплекс основных причин преступности несовершеннолетних. Особое внимание уделяется семье как институту социализации личности. Также рассматривается глобальный информационный фактор, или онлайн-фактор, как один из современных факторов, оказывающих значительное влияние на преступность несовершеннолетних.

Материалы и методы: всеобщий диалектический метод познания явился методологической основой статьи. Также автором применены общенаучные и частнонаучные методы познания: историко-правовой метод, системно-структурный анализ, аналогия, обобщение, сравнение, дифференциация, моделирование, наблюдение, аналитическое обследование.

Результаты исследования: рассмотрена семья как один из основных этапов социализации несовершеннолетнего, а также проанализировано семейное неблагополучие, которое является одним из основных факторов, лежащих в основе исследуемого вида преступности. Предложены результаты авторского исследования, направленного на установление особенностей формирования личности современного несовершеннолетнего преступника, а также выявление основных причин преступности несовершеннолетних.

Обсуждение и заключение: автор указывает на взаимосвязь семейного неблагополучия и значительного времяпрепровождения несовершеннолетних в интернет-пространстве, онлайн социальных сетях, что является одним из детерминирующих факторов преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних; семья; социализация; причины преступности несовершеннолетних; информационная глобализация; информационная среда; социальная среда

© Демидова-Петрова Е.В., 2023

Для цитирования: Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних: особенности, причинный комплекс // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 51 – 58. DOI: 10.37973/KUI.2023.58.78.007

Scientific article
UDC 343
DOI: 10.37973/KUI.2023.58.78.007

JUVENILE DELINQUENCY: FEATURES, CAUSAL COMPLEX

Yelizaveta Viktorovna Demidova-Petrova,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan', Russia,
demidova.liza@gmail.com

Abstract

Introduction: the article highlights the complex of the main causes underlying juvenile delinquency. The author pays special attention to family as the institution of personal socialization. The global information

factor, or online factor, is also considered as one of the modern factors that have a significant impact on juvenile delinquency.

Materials and Methods: the universal dialectical method of cognition was the methodological basis for the article. The author also applied general scientific and specific scientific methods of cognition: historical and legal method, system-structural analysis, analogy, generalization, comparison, differentiation, modeling, observation, analytical examination.

Results: the family is considered as one of the main stages of socialization of a person of juvenile age, as well as family problems are analyzed, which is one of the main factors underlying the type of crime under study. The results of the author's research are proposed, which is aimed at establishing the features of the formation of the personality of a modern juvenile delinquent, as well as identifying the main causes of juvenile delinquency.

Discussion and Conclusions: the author points out the relationship between family problems and significant pastime of juveniles in the Internet space, social networks, which begins to form one of the factors of juvenile delinquency.

Keywords: juvenile delinquency; family; socialization; causes of juvenile delinquency; information globalization; information environment; social environment

© Demidova-Petrova E.V., 2023

For citation: Demidova-Petrova E.V. Juvenile Delinquency: Features, Causal Complex. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 51 – 58. (In Russ.). DOI: 10.37973/ KUI.2023.58.78.007

Введение

Согласно статье 67.1 Конституции Российской Федерации, «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения»¹.

В ряде российских официальных документов, носящих стратегический характер, значительное внимание уделяется необходимости минимизации и в перспективе устранения криминализации сфер жизнедеятельности несовершеннолетних, а также, с учетом современных особенностей, модернизации ныне действующей системы предупреждения рассматриваемого вида преступности. В настоящем контексте следует обратить особое внимание на объявление в Российской Федерации Десятилетия детства²; утверждение Основ государственной молодежной политики Российской

Федерации на период до 2025 года³; Концепции информационной безопасности детей⁴; принятие указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁵. Необходимо подчеркнуть, что особая роль в указе Президента Российской Федерации В.В. Путина «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» отводится именно государственной политике по сохранению и укреплению традиционных ценностей, которая реализуется в области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества⁶.

В настоящее время становится возможным говорить о возникающих достаточно новых угрозах, носящих криминогенный характер, при этом их участниками все чаще становятся несовершеннолетние. Именно динамично развивающаяся информационная глобализация, являясь одним из ос-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями на 04.10.2022 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.02.2023).

² Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 // Российская газета. 2017. № 115.

³ Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 50 Ст. 7185.

⁴ Об утверждении Концепции информационной безопасности детей: распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.12.2015 № 2471-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 49. Ст. 7055.

⁵ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 12.01.2023).

⁶ Там же.

новых факторов научно-технического прогресса, значительно облегчающая процесс распространения информации различного содержания, является основой формирования подобных социально-негативных явлений, которые приобретают потенциал одного из основных факторов современной преступности несовершеннолетних. Полагаем, в данном контексте необходимо обратиться к Концепции информационной безопасности детей, в которой особое внимание уделено социализации несовершеннолетних¹. В частности, достаточно стремительное развитие именно информационных технологий заставило современное поколение несовершеннолетних встретить совершенно новые вызовы. Взросление, становление, обучение – все этапы социализации современного поколения несовершеннолетних – проходят в условиях гиперинформационного общества.

Обзор литературы

Особенности преступности несовершеннолетних, причинный комплекс рассматриваемого вида преступности глубоко исследовался в фундаментальных трудах А.И. Алексеевой, А.В. Анисимова, Е.А. Антонян, Ю.М. Антоняна, Р.А. Баймурзаевой, Я.И. Гилинского, Е.М. Данилина, А.И. Долговой, Д.А. Дриля, В.Д. Ермакова, Н.И. Крюковой, В.Н. Кудрявцева, Н.В. Машинской, Г.М. Миньковского, В.С. Овчинского, С.Г. Огай, А.Ф. Онуфриенко, Б.А. Плюснина, Г.М. Погореловой, А.Б. Сахарова, В.И. Селиверстова, С.Т. Сулеймановой, А.П. Тузова, С.А. Хохрина, И.Л. Хромова, В.А. Чашникова, О.В. Шляпниковой, В.Е. Эминова и многих других ученых.

В Руководящих принципах Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядских руководящих принципах) определено, что каждое общество должно придавать первостепенное значение потребностям и благополучию семьи и всех ее членов².

Следует подчеркнуть, что в распоряжении Правительства Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» указано, что приоритеты России ориентированы на укрепление воспитательной роли семьи, общества и государства³.

¹ Об утверждении Концепции информационной безопасности детей: распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.12.2015 № 2471-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 49. Ст. 7055.

² Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности несовершеннолетних: резолюция Генеральной Ассамблеи № 45/112. Приложение, документ ООН А/45/49 (1990 г.) // Международные акты о правах человека: сборник документов / под ред. В.А. Карташкина, Е.А. Лукашевой. Москва, 1998.

³ Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 50. Ст. 7185.

Еще в XX веке криминологи Г.М. Миньковский [1], В.М. Кормщиков [2], В.Д. Ермаков [3] в качестве одного из основных факторов, детерминирующих преступность несовершеннолетних, выделяли именно семейное неблагополучие. Так, в 80-х годах XX века профессором Г.М. Миньковским было отмечено: «Недостатки социального контроля, несвоевременность воспитательно-профилактических мер, отсутствие реагирования на криминогенные ситуации мы должны отнести к факторам, способствующим неправильному формированию личности и правонарушающему поведению» [4, с. 17]. Отражение высказанной автором позиции усматривается и в научных трудах профессора М.Ю. Воронина, который справедливо указал: «Именно семья является одним из основных этапов социализации личности лиц несовершеннолетнего возраста и играет значительную роль в процессе «превращения» законопослушного несовершеннолетнего в несовершеннолетнего преступника» [5, с. 37]. Социализация несовершеннолетних, а также особая роль семьи, оказываемое ею влияние на формирование, развитие личности несовершеннолетнего также были рассмотрены автором [6, 7, 8, 9] настоящей статьи в более ранних научных работах.

Ученый-криминолог Д.А. Шестаков, являющийся родоначальником такого направления, как семейная криминология (криминофамилистика), в своих публикациях обращал особое внимание на невыполнение семьей одной из своих основных функций – воспитательной (социализирующей) [10, с. 134]. Указанное обстоятельство, по мнению автора, являлось одним из основных показателей, указывающих на криминогенную (десоциализирующую) семью.

Профессор А.Н. Ильяшенко в своих научных трудах также выделял особую роль и значимость именно этого фактора [11, с. 21]. В данном контексте представляет научный интерес и позиция А.И. Лебедевой. Она определяла неблагополучную (криминогенную) семью как семью, в которой в полном объеме не обеспечивается нравственное формирование личности несовершеннолетних, вследствие чего такие лица начинают усваивать отрицательные модели поведения, ценностные ориентации, в перспективе реализуя их в собственном противоправном, преступном поведении [12, с. 10]. Подобная позиция озвучена

автором в начале XXI века и не теряет своей актуальности до сих пор. Также более 15 лет назад А.Э. Побегайло было отмечено, что «именно семья является важнейшим институтом социализации личности, каналом включения молодого поколения в культурную традицию. Именно в семье человек получает первый опыт социального взаимодействия. На протяжении какого-то времени семья является для несовершеннолетнего единственным местом получения подобного опыта. Далее в жизнь человека включаются иные институты социализации: детский сад, школа, улица. Однако и в это время семья остается одним из основных, а иногда и наиболее важным, фактором социализации личности» [13, с. 16]. Данная точка зрения указывает на необходимость, а также подчеркивает важность исследования в процессе познания преступности несовершеннолетних особенностей социально-возрастных, психологических характеристик рассматриваемых лиц.

Результаты исследования

Рассуждая о влиянии семьи на процессы формирования личности несовершеннолетнего преступника, обратимся к результатам проведенного автором социологического исследования¹. Так, полученные результаты указали, что 38% лиц несовершеннолетнего возраста до совершения ими преступного деяния проживали в неполной семье, как правило, только с матерью; 27% несовершеннолетних проживали с обоими родителями; 18% несовершеннолетних проживали в «формально» полной семье – с матерью и отчимом. Следовательно, 68%, а это большая часть опрошенных несовершеннолетних, до совершения ими преступного деяния проживали в неполной семье. Естественно, подобное обстоятельство находит корреляцию и с увеличением возможных рисков вовлечения несовершеннолетних в криминальную среду, совершения ими преступных деяний. Также проведенное автором исследование дает основание утверждать, что количество рецидивистов среди подобных лиц значительно выше (повторная судимость отмечена у 85% опрошенных). При этом 12% респондентов, проживавших до совершения ими преступления в полной семье, указали на наличие второй судимости.

Особое внимание следует обратить и на эмоционально-психологическую обстановку в семьях несовершеннолетних до совершения ими преступлений. Так, согласно результатам исследования, у 57% осужденных несовершеннолетних с родителями сформировались теплые, доверительные

отношения; у 18% опрошенных – нейтральные (безразличные) взаимоотношения; у 8% респондентов прослеживались прохладные, натянутые отношения; 3% указали на враждебные взаимоотношения; у 2% респондентов зафиксировано полное отсутствие взаимоотношений. Так, в совокупности у 43% осужденных несовершеннолетних прослеживаются в семье эмоционально-психологическая отверженность, напряженность, отсутствие межличностного контакта. Вне всякого сомнения, подобные обстоятельства являются значительным провоцирующим фактором слабоконтролируемого времяпрепровождения, налаживания контактов, связей в интернет-пространстве, онлайн социальных сетях. Встреча в интернет-пространстве с информацией различного содержания, «опасным контентом» в перспективе может являться одним из факторов совершения несовершеннолетним преступного деяния.

Исходя из результатов проведенного исследования, 68% осужденных несовершеннолетних все свое свободное время проводили в интернет-пространстве, в онлайн социальных сетях, а также играли в компьютерные игры. 27% респондентов указали, что только иногда проводили все свое свободное время в онлайн социальных сетях. Следовательно, подобные ответы дают основание утверждать, что наличие эмоционально-психологической отверженности несовершеннолетних в семейной сфере составляет основу «замены» одной сферы общения, социализации на другую.

Обсуждение и заключение

Видные ученые – Г.А. Аванесов, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, С.Е. Вицин, Г.И. Забрянский, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.М. Яковлев – в своих научных трудах [14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21] указывали на то, что в целях более глубокого понимания особенностей и тенденций формирования и развития преступности несовершеннолетних особая роль отводится исследованиям именно в области криминологической науки. Вместе с представителями иных наук ученые-криминологи пытаются исследовать, глубоко познать те процессы, которые становятся основой возникновения и развития социально-негативных явлений.

Политические, экономические, социальные, идеологические, духовные, культурно-нравственные явления и процессы, происходящие в российском обществе, детерминируют поведение несовершеннолетних. Подобные явления и процессы придают своеобразие (принимая во внимание

¹ В опросе приняли участие 347 несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в ФКУ УИИ УФСИН России, из 72 регионов Российской Федерации.

категорию граждан, территориальную принадлежности и т.д.) деятельности по формированию, воспитанию, обучению и развитию несовершеннолетних.

Также они могут быть и детерминирующими факторами таких социально-негативных явлений, как разводы, увеличение уровня заболеваний и смертности несовершеннолетних, бродяжничество, попрошайничество, суициды, пьянство, алкоголизация, наркотизация, токсикомания, проституция и преступность в целом.

Данные официальной статистики наглядно демонстрируют, что, начиная с конца 80-х годов XX века, показатели преступности несовершеннолетних приобретают существенную тенденцию роста. При этом, начиная с 2005 года, подобные показатели исследуемого вида преступности указывают на сокращение ее количественных показателей. Изменяются и ее качественные показатели. Преступность несовершеннолетних приобретает новые формы, а проблема криминализации социальной среды несовершеннолетних и лиц молодого возраста становится одной из приоритетных.

Бесспорно, что комплексная система работы с несовершеннолетними, в том числе входящими в «группы риска», с «трудными» несовершеннолетними, должна реформироваться, благодаря чему она будет приобретать характер более гибкой, эффективной и приспособленной к актуальным реалиям. Подобные обстоятельства являются достаточно веским обоснованием важности осуществления плановых криминологических, социологических, психологических исследований, проводимых как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации, в частности, с применением криминологического мониторинга исследуемого вида преступности.

Ранее автором в своих научных трудах уже отмечалось, что одной из основных характеристик современности является именно процесс выстраивания виртуальных (онлайн) социальных сетей. Таким образом, происходит процесс трансформации, переноса реально существующих, функционирующих социальных связей, реконструкция имеющихся, но, возможно, утраченных социальных связей и, как следствие, возникновение и увеличение виртуальных (онлайн) сетевых коммуникаций. Также в современном мире расширилась и социальная сфера, в которой находятся несовершеннолетние. Уже помимо таких традиционных социальных сфер, которые включали в себя семью, коллектив в образовательной организации или трудовой коллектив, неформальная

социальная сфера несовершеннолетних, включающая общение на улице, в различных секциях, в кругу несовершеннолетних, объединенных одними интересами, появилась дополнительная социальная сфера – виртуальная (онлайн) социальная среда [22, 23].

Проведенное автором исследование дает основание утверждать, что 53% опрошенных респондентов из числа сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних МВД России убеждены, что формирование личности современного несовершеннолетнего происходит именно под влиянием онлайн социальной среды. Именно возникновение интернет-пространства, онлайн социальной среды составило основу формирования нового фактора – глобального информационного фактора, онлайн-фактора, оказывающего значительное влияние на формирование личности несовершеннолетнего и в дальнейшем совершение им преступных деяний.

Необходимо отметить, что данный фактор подразумевает под собой достаточно широкое содержание: это Интернет, онлайн-пространство; коммуникативные, информационные средства общения (социальные сети, электронные мессенджеры, форумы, мобильная телефония, виртуальные игры); программные продукты в сфере получения услуг потребления; категории научно-технического прогресса, производный продукт которого представлен в виде непрерывно обновляемой информации в онлайн социальной среде [23].

Одной из основных особенностей современного мира является возникновение виртуальных социальных сетей, онлайн социальной среды, которые и являются своеобразным отражением появления этого фактора. При этом необходимо отметить, что взаимодействие несовершеннолетних и онлайн социальной среды имеет двусторонний характер. Чаще всего в основе подобного взаимодействия находятся несовершеннолетние, которые либо всецело воспринимают информацию (различного содержания), получаемую из онлайн-пространства, онлайн социальной среды, либо блокируют ее, не воспринимая вовсе.

Формирование и развитие социальной среды, включающей такие основные социальные институты, как семья, трудовой или учебный коллективы, сферу неформального общения несовершеннолетних, происходит под воздействием множества различных факторов, которые обусловлены общественными отношениями, институтами, производительными силами, общественным сознанием, культурой, традициями

как общества в целом, так и отдельных социальных групп. Подобное формирование и развитие указанных социальных институтов происходит именно под воздействием информационного фактора, или онлайн-фактора.

Современные информационно-коммуникационные технологии значительно расширили не только географические границы общения, ускорили процессы обмена, передачи, распространения информации, они явились объединяющим началом названных социальных институтов, где представлены несовершеннолетние, при этом не только нивелируя географические границы для социальных связей, но и стирая социальные грани, открывая процесс диффузии указанных социальных сфер. Связать социальные сферы, в которых формируются несовершеннолетние, позволил именно процесс информационной глобализации.

На всех этапах формирования и развития общества и государства в целом всегда имели место быть и есть те факторы, которые порождали, детерминировали исследуемый вид преступности. Механизм их действия в отношении рассматриваемой возрастной группы довольно специфичен, в первую очередь, в силу психологических специфик, особенностей социального статуса несовершеннолетних.

Так, А.С. Ильницкий пишет о том, что из достаточно широкого спектра криминальных угроз, появляющихся в сети Интернет, значительную опасность несут формирование и рас-

пространение криминальной идеологии. Она возникает сквозь всю ткань киберпространства и объективируется посредством эффективного массового криминального заражения пользователей сети Интернет, способствует криминализации населения: формированию криминогенных качеств и свойств личности, криминогенных факторов и развитию механизма преступного поведения [24].

Мир несовершеннолетних взаимодействует с онлайн-социумом, при этом оказывая значительное влияние на систему взаимоотношений несовершеннолетних в микросоциумах, в которых они находятся. К уже достаточно традиционным сведениям, которые позволяют характеризовать существующие процессы детерминации преступности несовершеннолетних, относятся: семейное неблагополучие; дефицит материального обеспечения, нужда, следует добавить слабо контролируемый досуг несовершеннолетнего, находящегося в Интернете, онлайн-пространстве (в онлайн социальных сетях). При этом основу подобных коммуникаций несовершеннолетних в интернет-пространстве, в онлайн социальных сетях следует усматривать именно в таком институте социализации, как семья. Именно сложности в семье (неполный состав, сложная эмоционально-психологическая обстановка, отсутствие контакта родителей с несовершеннолетними) являются одним из основных современных факторов, составляющих основу преступности несовершеннолетних.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миньковский Г.М. Личность несовершеннолетнего преступника и современные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР (криминологическое, уголовно-правовое и процессуальное исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.07. Москва, 1972. 43 с.
2. Кормициков В.М. Личность несовершеннолетнего правонарушителя и ее формирование в условиях семейного неблагополучия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07. Москва, 1976. 17 с.
3. Ермаков В.Д. Криминологическая характеристика условий семейного воспитания и социально-правовые аспекты совершенствования ранней профилактики правонарушений несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07. Москва, 1977. 17 с.
4. Миньковский Г.М. Профилактика правонарушений среди молодежи. Киев, 1985. С. 17.
5. Воронин М.Ю. К вопросу о международно-правовых основах предупреждения преступности несовершеннолетних // Девиации несовершеннолетних в условиях постмодернистского общества: материалы всероссийской конференции (26 апреля 2019 г.). Казань: КЮИ МВД России, 2019. С. 37.
6. Демидова Е.В. Вопросы профилактики семейного неблагополучия в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 1 (11). С. 44 – 47.
7. Демидова-Петрова Е.В. Семья как институт социализации личности несовершеннолетнего преступника (на материалах Республики Татарстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1 (15). С. 37 – 40.

8. Демидова-Петрова Е.В. О некоторых аспектах социализации личности несовершеннолетнего в Российской Федерации // Научный Татарстан. 2014. № 2. С. 117 – 121.
9. Демидова-Петрова Е.В. Социализация личности несовершеннолетнего как самостоятельный предмет криминологического исследования // Союз криминалистов и криминологов. 2014. № 2. С. 108 – 114.
10. Шестаков Д.А. Семейная криминология: криминофамилистика. 2-е изд. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2003. 389 с.
11. Ильяшенко А.Н. Социальная среда в генезисе преступного поведения (особенности криминализации несовершеннолетних под влиянием социальной микросреды) / А.Н. Ильяшенко. Москва: ВНИИ МВД России, 2001. 94 с.
12. Лебедева А.И. Семья несовершеннолетнего правонарушителя как объект профилактики преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2000. 151 с.
13. Побегайло А.Э. Семейное неблагополучие в системе детерминации преступного поведения несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2006. 226 с.
14. Аванесов Г.А. Криминология. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Изд-во Акад. МВД СССР, 1984. 500 с.
15. Антонян Ю.М., Юстицкий В.В. Несовершеннолетние преступники с акцентуациями характера. МВД России, Всерос. НИИ. Москва: ВНИИ МВД РФ, 1993. 115 с.
16. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. Москва: Юристь, 2006. 382 с.
17. Вицин С.Е. Системный подход и преступность. Москва: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. 140 с.
18. Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск: Минсктиппроект, 1997. 174 с.
19. Кудрявцев В.Н. Социальные отклонения. Москва: Юрид. лит., 1989. 365 с.
20. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 232 с.
21. Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. Москва: Юридическая литература, 1971. 248 с.
22. Демидова-Петрова Е.В. Классицизм и инновации в предупреждении преступности несовершеннолетних: монография. Казань: КЮИ МВД России, 2018. 400 с.
23. Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: вопросы изучения и предупреждения: монография. Казань: КЮИ МВД России, 2021. 464 с.
24. Ильницкий А.С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет: автореф. канд. юрид. наук: 5.1.4. Краснодар, 2022. 30 с.

REFERENCES

1. Min'kovskij G.M. Lichnost' nesovershennoletnego prestupnika i sovremennye problemy bor'by s prestupnost'yu nesovershennoletnih v SSSR (kriminologicheskoe, ugovovno-pravovoe i processual'noe issledovanie): avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.07. Moskva, 1972. 43 s.
2. Kormshchikov V.M. Lichnost' nesovershennoletnego pravonarushitelya i ee formirovanie v usloviyah semejnogo neblagopoluchiya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.07. Moskva, 1976. 17 s.
3. Ermakov V.D. Kriminologicheskaya harakteristika uslovij semejnogo vospitaniya i social'no-pravovye aspekty sovershenstvovaniya rannej profilaktiki pravonarushenij nesovershennoletnih: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.07. Moskva, 1977. 17 s.
4. Min'kovskij G.M. Profilaktika pravonarushenij sredi molodezhi. Kiev, 1985. S. 17.
5. Voronin M.YU. K voprosu o mezhdunarodno-pravovyh osnovah preduprezhdeniya prestupnosti nesovershennoletnih // Deviacii nesovershennoletnih v usloviyah postmodernistskogo obshchestva: materialy vsrossijskoj konferencii (26 aprelya 2019 g.). Kazan': KYUI MVD Rossii, 2019. S. 37.
6. Demidova E.V. Voprosy profilaktiki semejnogo neblagopoluchiya v Rossijskoj Federacii // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2013. № 1 (11). S. 44 – 47.
7. Demidova-Petrova E.V. Sem'ya kak institut socializacii lichnosti nesovershennoletnego prestupnika (na materialah Respubliki Tatarstan) // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 1 (15). S. 37 – 40.
8. Demidova-Petrova E.V. O nekotoryh aspektah socializacii lichnosti nesovershennoletnego v Rossijskoj Federacii // Nauchnyj Tatarstan. 2014. № 2. S. 117 – 121.

9. Demidova-Petrova E.V. Socializaciya lichnosti nesovershennoletnego kak samostoyatel'nyj predmet kriminologicheskogo issledovaniya // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2014. № 2. S. 108 – 114.
10. SHestakov D.A. Semejnaya kriminologiya: kriminofamilistika. 2-e izd. Sankt-Peterburg: YUrid. centr Press, 2003. 389 s.
11. Il'yashenko A.N. Social'naya sreda v genezise prestupnogo povedeniya (osobennosti kriminalizacii nesovershennoletnih pod vliyaniem social'noj mikrosredy) / A.N. Il'yashenko. Moskva: VNII MVD Rossii, 2001. 94 s.
12. Lebedeva A.I. Sem'ya nesovershennoletnego pravonarushatelya kak ob"ekt profilaktiki prestuplenij: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Moskva, 2000. 151 s.
13. Pobegajlo A.E. Semejnoe neblagopoluchie v sisteme determinacii prestupnogo povedeniya nesovershennoletnih: dis. ... kand. jurid.nauk: 12.00.08. Moskva, 2006. 226 s.
14. Avanesov G.A. Kriminologiya. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Izd-vo Akad. MVD SSSR, 1984. 500 s.
15. Antonyan YU.M., YUstickij V.V. Nesovershennoletnie prestupniki s akcentuaciyami haraktera. MVD Rossii, Vseros. NII. Moskva: VNII MVD RF, 1993. 115 s.
16. Babaev M.M., Kruter M.S. Molodezhnaya prestupnost'. Moskva: YUrist", 2006. 382 s.
17. Vicin S.E. Sistemnyj podhod i prestupnost'. Moskva: Izd-vo Akad. MVD SSSR, 1980. 140 s.
18. Zabryanskij G.I. Sociologiya prestupnosti nesovershennoletnih. Minsk: Minsktiproekt, 1997. 174 s.
19. Kudryavcev V.N. Social'nye otkloneniya. Moskva: YUrid. lit., 1989. 365 s.
20. Kuznecova N.F. Prestuplenie i prestupnost'. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1969. 232 s.
21. YAKovlev A.M. Prestupnost' i social'naya psihologiya. Moskva: YUridicheskaya literatura, 1971. 248 s.
22. Demidova-Petrova E.V. Klassitsizm i innovacii v preduprezhdenii prestupnosti nesovershennoletnih: monografiya. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2018. 400 s.
23. Demidova-Petrova E.V. Prestupnost' nesovershennoletnih v sovremennoj Rossii: voprosy izucheniya i preduprezhdeniya: monografiya. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2021. 464 s.
24. Il'nickij A.S. Protivodejstvie kriminal'noj ideologii v seti Internet: avtoref. kand. jurid. nauk: 5.1.4. Krasnodar, 2022. 30 s.



Информация об авторе:

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, начальник кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России, demidova.liza@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Demidova-Petrova Yelizaveta V., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Head of the Department of Criminal Procedure of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, demidova.liza@gmail.com

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 15.01.2023.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.37973/KUI.2023.20.15.008



**ИНФОРМАЦИОННО-КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В МЕХАНИЗМЕ ЦИФРОВОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ**

Александр Николаевич Игнатов,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
aleksandrignatov@mail.ru

Владислав Сергеевич Соловьев,
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия,
vladsolovyev@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена исследованию влияния информационно-когнитивных технологий на жертв киберпреступлений.

Материалы и методы: основу исследования составил всеобщий диалектический метод познания, при помощи которого осуществлен анализ процессов цифровой виктимизации во всей полноте взаимосвязей общественных отношений, в том числе связей между развитием информационно-когнитивных технологий и их использованием для вовлечения в криминальную и виктимно опасную деятельность, а также общие и специальные методы познания. Эмпирической основой проведенного исследования послужили результаты контент-анализа информационных ресурсов, содержащих сведения о совершении преступлений, обусловленных виктимизацией пользователей, сформированной посредством использования информационно-когнитивных технологий.

Результаты исследования: информационно-когнитивные технологии предоставляют практически неограниченные возможности исследования человека с точки зрения понимания и восприятия им мира, анализа поведения в офлайн и онлайн-среде; открываются перспективы скрытого формирования понимания пользователем того, какая информация ему необходима; формируются не только осознанное сетевое поведение, но и неосознанные поведенческие реакции. Информационно-когнитивные технологии возможно комбинировать с иными технологиями, направленными на виктимизацию пользователей.

Обсуждение и заключение: авторы приходят к выводу, что роль информационно-когнитивных технологий в механизме цифровой виктимизации определяется как процессами передачи лицу (неопределенному кругу лиц) информации, восприятие которой может определить или повысить его виктимность, так и способностью формировать или изменять (в том числе на подсознательном уровне) мировоззрение человека, корректировать его поведенческие привычки и практики на индивидуальном и массовом уровнях.

Ключевые слова: информационно-когнитивные технологии; виктимность; виктимизация; киберпреступность; цифровая виктимизация; виктимология

© Игнатов А.Н., Соловьев В.С., 2023

Для цитирования: Игнатов А.Н., Соловьев В.С. Информационно-когнитивные технологии в механизме цифровой виктимизации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 59 – 66. DOI: 10.37973/KUI.2023.20.15.008

Scientific article

UDC 343.9

DOI: 10.37973/KUI.2023.20.15.008

INFORMATION AND COGNITIVE TECHNOLOGIES IN THE MECHANISM OF DIGITAL VICTIMIZATION

Aleksandr Nikolayevich Ignatov,

V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

aleksandrignatov@mail.ru

Vladislav Sergeyevich Solov'ev,

the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

vldsolovyev@mail.ru

Abstract

Introduction: the article covers the study of the influence of informational and cognitive technologies on victims of cyber crimes.

Materials and Methods: the study is based on a general dialectical method of cognition, which involves the analysis of the processes of digital victimization in its entirety of the interconnections of social relations, including the links between the development of information and cognitive technologies and their use for involvement in criminal and victimized dangerous activities, as well as general and special methods of knowledge. The empirical basis of the study was the results of a content analysis of information resources containing information about the commission of crimes due to victimization of users, formed using information and cognitive technologies.

Results: information and cognitive technologies provide almost unlimited possibilities for studying a person in terms of understanding and perceiving the world, analyzing behavior in offline and online environments; prospects for the hidden formation of an understanding by the user of what information he needs are opened; not only conscious network behavior is formed, but also unconscious behavioral reactions. Information and cognitive technologies can be combined with other technologies aimed at user victimization.

Discussion and Conclusions: the role of information and cognitive technologies in the mechanism of digital victimization is determined both by the processes of transferring information to a person (an indefinite circle of persons), the perception of which can determine or increase his victimization, and by the ability to form or change (including at a subconscious level) a person's worldview, to correct their behavioral habits and practices, both at the individual and at the mass level.

Keywords: information and cognitive technologies; victimization; victimization; cybercrime; digital victimization; victimology

© Ignatov A.N., Solov'ev V.S., 2023

For citation: Ignatov A.N., Solov'ev V.S. Information and Cognitive Technologies in the Mechanism of Digital Victimization. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 59 – 66. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.20.15.008

Введение

Научно-техническое развитие Российской Федерации предполагает проведение разработок в области нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий. Указом Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899¹, утвердившим приоритетные направления развития науки, тех-

нологий и техники в Российской Федерации, эти технологии включены в перечень критических.

Такие технологии несут в себе риски их применения в противоправной деятельности, на что прямо обращается внимание в нормативных документах. Так, Правительство Российской Федерации в распоряжении от 31 декабря 2020 г. № 3684-р «Об

¹ Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 07.07.2011 № 899 (в ред. от 16.12.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации от 11.07.2011 № 28. Ст. 4168.

утверждении Программы фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период (2021 - 2030 гг.)¹ акцентирует внимание на том, что в области изучения когнитивных процессов человека, наряду с фундаментальными исследованиями, все более актуальными будут разработки, направленные на снижение подверженности личности и группы манипуляциям в условиях информационных войн и киберопераций. В центре внимания исследователей будут процессы возникновения, распространения и восприятия новых технологий (нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий, когнитивных и социальных технологий) и связанные с ними изменения поведения потребителей (в том числе представителей «цифрового поколения» россиян), формирование новых рынков, трансформация отраслевых структур, сетевые взаимодействия и инновационные платформы.

Статистика преступности последних лет свидетельствует о бурном росте количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Начиная с 2020 года, они составляют около четверти всех регистрируемых в России преступлений². Разнообразие видов преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, механизмов их совершения, включая появление новых способов, орудий и средств, тяжесть и масштабность последствий, а также многочисленность жертв с различными личностными характеристиками выступают предпосылками для исследований в сфере цифровой виктимизации [1], кибервиктимизации [2] или кибервиктимности [3]. При исследовании процессов становления жертв киберпреступлений следует учитывать возможности влияния на них с использованием информационно-когнитивных технологий, что принципиально отличается от традиционных представлений о виктимности и виктимизации, открывает перед криминологической наукой качественно новое исследовательское поле.

Обзор литературы

Исследование опирается на общую теорию виктимологии, описанную и развиваемую в трудах Т.В. Варчук, К.В. Вишневецкого, В.И. Полубинского, Д.В. Ривмана, В.Я. Рыбальской, А.Л. Ситковского, Л.В. Франка и других ученых.

Состояние и перспективы применения информационно-когнитивных технологий в различных

социальных сферах оценивали в своих трудах О.Е. Баксанский, И.М. Дзялошинский, Л.В. Зубова, В.И. Кудашов, В.В. Терехин и многие другие исследователи в области философии, педагогики, юриспруденции.

Непосредственно феномен цифровой виктимизации и виктимности анализировали Е.А. Антонян, А.А. Гаджиева, О.Н. Громова, Д.В. Жмуров, Е.Н. Клещина, А.В. Майоров, В.С. Овчинский, Н.И. Рыжова, И.А. Синодов.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания, предполагающий анализ процессов цифровой виктимизации во всей полноте взаимосвязей общественных отношений, в том числе связей между развитием информационно-когнитивных технологий и их использованием для вовлечения в криминальную и виктимно опасную деятельность, а также общие и специальные методы познания. К числу используемых общенаучных методов отнесены анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, системно-структурный подход и др. Частнонаучными методами послужили формально-юридический, логический, статистический, контент-анализ средств массовой информации и информационного пространства сети Интернет.

Для формирования эмпирической основы исследования был проведен контент-анализ двух типов информационных ресурсов. Во-первых, это ресурсы, содержащие сведения о совершении преступлений, обусловленных виктимизацией пользователей, сформированной посредством использования информационно-когнитивных технологий (цифровой виктимизацией). Во-вторых, это информационные ресурсы, обладающие криминогенным потенциалом, то есть способные оказать детерминирующий эффект в механизме формирования преступного или виктимного поведения потребителей информации.

Результаты исследования

Когнитивные технологии (от лат. "cogito" – «познавать») – технологии, направленные на исследование и совершенствование человеческого познания. Эти технологии оценивают внимание человека, отслеживают его состояние, следят за работой мозга и пытаются его «понять». Когнитивная наука (когнитивистика) развивается на основе конвергенции знаний физиологии, нейробиологии, антропологии, лингвистики, психоло-

¹ Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021 – 2030 гг.): распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 3684-р (в ред. от 21.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18.01.2021 № 3. Ст. 609.

² Сведения МВД России о состоянии преступности. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 29.09.2022).

гии, математики, философии, теории познания и теории искусственного интеллекта.

Предмет когнитивных технологий, как указывает В.И. Кудашев, составляет объем и содержание сознания, скорость восприятия и мысли, основания для субъективных предпочтений и принимаемых решений. Когнитивные технологии основаны на изучении сознания, познания, различных особенностей мыслительного процесса и когнитивного поведения живых и мыслящих существ как с нейрофизиологической и молекулярно-биологической позиции, так и с помощью гуманитарных подходов. Развитие когнитивных технологий на основе изучения функций мозга и механизмов сознания и поведения может дать возможность разработки алгоритмы, которые фактически будут «одушевлять» искусственные технологические системы [4].

Для целей криминологической науки и исследования цифровой виктимизации целесообразно использовать термин «информационно-когнитивные технологии» как некий симбиоз информационных и когнитивных технологий. Более подробно суть и содержание информационно-когнитивных технологий раскрыты в предшествующих исследованиях А.Н. Игнатова [5]. Использование информационно-когнитивных технологий в качестве способа преступления предполагает осуществление различных операций по применению (использованию) процессов, методов и способов производства, поиска, получения, хранения, обработки, передачи и распространения информации, конструирующих познавательные способности (механизмы и параметры познания реальности) людей, направленных на реализацию преступного деяния. Использование информационно-когнитивных технологий может выступать способом совершения широкого спектра преступлений, направленных на вовлечение в экстремистскую, террористическую и иную противоправную деятельность, на формирование и распространение экстремистской идеологии, в том числе идеологии терроризма, нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации, осуществление различных видов мошенничества и иных преступлений в сфере экономики, преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, преступлений против жизни и здоровья (доведения до самоубийства, причинения вреда здоровью различной степени тяжести и др.) и других [5].

Роль информационно-когнитивных технологий в механизме цифровой виктимизации далеко не ограничена процессами передачи лицу какого-либо объема информации, восприятие которой способно определить или повысить его виктимность. Данные технологии способны формировать или изменять мировоззрение человека, корректировать его поведенческие привычки и практики, в том числе неосознанно для него. В частности, это может проявляться в следующем:

– информационно-когнитивные технологии дают практически неограниченные возможности исследования человека с точки зрения понимания и восприятия им мира, в том числе оценки объема и содержания информации, которой человек владеет, анализа поведения в офлайн и онлайн-среде. Это может реализовываться посредством получения информации от пользователя информационных технологий, которую он осознанно или неосознанно предоставляет. К такой информации, в частности, относится сетевая активность (поисковые запросы, переходы по ссылкам, внимание к обеспечению сетевой безопасности, графы сетевого общения и взаимодействия, используемые приложения, покупки, финансовая деятельность в системах дистанционного банковского обслуживания), физическое перемещение, регистрируемое данными навигационных приложений, офлайн-поведение, фиксируемое микрофонами и камерами мобильных устройств;

– при помощи использования информационно-когнитивных технологий появляется возможность скрытого формирования понимания пользователем того, какая информация ему необходима, фактически пользователя можно обучать поиску и «правильному» (для субъекта виктимогенного воздействия) восприятию поисковой информации. Также применение информационно-когнитивных технологий позволяет проводить оценку степени усвоения полученной пользователем информации, соответственно, оценивать эффективность виктимогенного воздействия и корректировать его;

– в сочетании с информационно-когнитивными технологиями возможно применение средств непосредственного предоставления пользователю информации или направлений ее поиска: контекстная реклама, выдача информации по поисковым запросам, сведения, предоставляемые цифровыми «помощниками»;

– применение информационно-когнитивных технологий предоставляет возможность не только формировать осознанное сетевое поведение, но и стимулировать его проекцию на поведение в

офлайн-среде, а также неосознанные поведенческие реакции;

– в результате воздействия на пользователя с использованием рассматриваемых технологий возможно управление восприятием пользователем уровня «нормальности» состояния сетевого пространства. Человек начинает воспринимать виктимогенные факторы как неотъемлемую часть информационно-телекоммуникационного пространства, не ищет защиты от них, происходит фактическое «отключение» механизмов обеспечения безопасности;

– при вовлечении в виктимно опасную, в том числе противоправную деятельность с использованием информационно-когнитивных технологий, происходит переход от поведенческой модели «оценка рисков – принятие решения» к принятию решений без предвидения рисков. Человек фактически не воспринимает ту деятельность, в которую вовлекается, как виктимно опасную;

– информационно-когнитивные технологии возможно комбинировать с иными технологиями, направленными на виктимизацию пользователей. В ряде случаев предварительная когнитивная обработка пользователей предшествует целенаправленному их вовлечению в виктимогенную опасную деятельность. На массовом уровне использование данных технологий позволяет оценивать их влияние на конкретных пользователей (группы пользователей) и в зависимости от результатов оценки осуществлять адресное целенаправленное воздействие по вовлечению в виктимно опасную деятельность.

Не меньший исследовательский интерес представляет влияние использования информационно-когнитивных технологий на виктимность и виктимизацию как на индивидуальном, так и массовом уровнях.

Индивидуальное (персоналифицированное) воздействие предполагает работу преступника либо с конкретным лицом, либо с относительно небольшой группой лиц с заданными характеристиками (например, носителями коммерческой, государственной или другой тайны, лицами, состоящими в сетевых сообществах антиобщественной направленности, родственниками участников террористических организаций, лицами, ищущими возможность инвестировать денежные средства под высокий процент и т.п.).

Преступник при помощи информационно-когнитивных технологий имеет возможность организовать «обучение» потерпевшего таким образом, что тот сам своим поведением способствует либо

совершению в отношении него преступления (передает преступнику денежные средства якобы для инвестирования и т.п.), либо вовлечению его в преступную деятельность («продает» или разглашает государственную тайну, выражает готовность заниматься террористической деятельностью, поддерживает пропаганду терроризма или публичные призывы к осуществлению террористической или экстремисткой деятельности, тиражирует соответствующие материалы и т.п.).

Влияние использования информационно-когнитивных технологий на виктимность и виктимизацию на массовом (неперсоналифицированном) уровне заключается в применении информационно-когнитивных технологий к неограниченному неперсоналифицированному кругу лиц либо для их виктимизации (например, для склонения несовершеннолетних к совершению самоубийства, вовлечения их в деятельность, представляющую опасность для жизни и пр.), либо же в целях выделения соответствующих «групп риска» и поиска конкретных объектов реализации персоналифицированного виктимогенного информационно-когнитивного воздействия, т.е. тех лиц, на которых массовое информационно-когнитивное воздействие оказало наибольший виктимогенный эффект (например, неопределенный круг лиц «обучается» торговле наркотиками, убеждается в прибыльности и безопасности такой деятельности, после чего заинтересовавшимся лицам предлагаются уже конкретные роли в незаконном наркообороте и т.п.).

Максимальные риски цифровой виктимизации в результате применения информационно-когнитивных технологий на массовом уровне в настоящее время в наибольшей степени проявляются при совершении общественно опасных деяний:

– склонения к самоубийству или организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, путем формирования суицидальной мотивации и распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства, ответственность за которые предусмотрена ст. 110¹ и 110² Уголовного кодекса Российской Федерации. Исследователи описывают ряд активно используемых информационно-когнитивных средств при совершении таких преступлений: внедрение в сознание и подсознание человека идеологии обесценивания жизни, бессмысленности человеческого существования, формирование цифровой средой иллюзии об альтернативном существовании и возможности «продолжения жизни» после совершения самоубийства, квесты и задания, сни-

жающие защитные барьеры перед ощущением опасности, сопровождающееся выбросом адреналина и др. [6];

– посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних как в цифровом пространстве, так и в реальной среде. Детерминантная и виктимогенная роль информационно-когнитивных технологий при совершении подобных преступлений заключается в создании информационного фона, демаргинализирующего педофилию, формирующего отношение к ней как к «нормальному», исторически сложившемуся и социально приемлемому явлению. Транслируется совокупность идей и представлений о конструктивности сексуальных отношений между взрослым и ребенком. Критикуются социальные нормы, нарушающие основные права человека, запрещающие детям и тем, кто их «любит», свободу действий и мысли в контексте какой-либо половой близости [7, с. 28]. Такая информация оказывает воздействие как на лиц, страдающих педофилией, убеждая их в собственной «нормальности» и укрепляя решимость совершать преступления, так и на детей, повышая их виктимность, а соответствующие информационно-когнитивные технологии и цифровые средства формируют виктимность несовершеннолетних;

– вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность, массовые беспорядки, незаконные собрания, митинги, демонстрации, шествия или пикетирования. В данном случае информационно-когнитивные технологии используются для организации поиска и восприятия «правильной» информации потенциальным объектом вовлечения. В первую очередь, эта информация связана с дискредитацией действующей власти и допустимостью силового воздействия на нее для решения социальных проблем;

– мошеннических действий, вовлечения в финансовые пирамиды и иных «дистанционных» посягательств на собственность граждан и пр. Исследователи финансовых пирамид констатируют высокую роль личностных особенностей жертв вовлечения в преступные схемы, существенным образом повышающих их виктимность. Отмечается, что максимальный риск вовлечения имеет «поколение ЕГЭ», характеризующееся устойчивым дефицитом системного мышления, умения формировать и развивать причинно-следственные связи и отношения, в том числе финансово-экономического характера, достаточно циничное поколение 30–40-летних, ориентированных на получение «пассивного» дохода любой ценой, в том числе за счет обмана

других, менее удачливых участников пирамиды. Повышает вероятность стать жертвой такого рода противоправных деяний непонимание многими гражданами опасности сетевого маркетинга, взаимодействия с лицами, активно участвующими в финансовых пирамидах, работающих по принципу сетевого маркетинга, а также чрезмерное доверие ряда пользователей сети Интернет финансовой и околофинансовой информации, получаемой из виртуального пространства, порядка 90% которой является нерелевантной [8, с. 48].

В условиях постоянного появления новых финансовых инструментов, криптовалют, NFT (токенов), развития инвестиционных площадок и краудфандинговых платформ человек оказывается в состоянии постоянного дефицита знаний о них. При помощи информационно-когнитивных технологий этот дефицит с легкостью возмещается «нужной» для субъекта виктимогенного воздействия информацией, что является ключевым этапом виктимизации.

С точки зрения механизма цифровой виктимизации практический интерес представляет дифференциация возможностей использования информационно-когнитивных технологий не только в зависимости от уровня реализации (массовый и индивидуальный уровни), но и от желаемого результата.

По данному основанию выделяется информационно-когнитивное воздействие, побуждающее объект к конкретным действиям в интересах преступника (передача денег, ценностей, противоправная деятельность в интересах преступника), а также воздействие, вовлекающее объект в продуцирование желаемого информационного фона (противоправное распространение информации, оправдывающей терроризм, экстремизм, насилие, совершение преступлений, дестабилизирующей социально-политическую ситуацию в стране и т.п.).

Обсуждение и заключение

Формирование тотального информационного общества, развитие информационных, коммуникационных и когнитивных технологий коренным образом меняет традиционные представления и подходы к исследованию виктимности и виктимизации, открывая перед криминологической наукой качественно новое исследовательское поле. Роль информационно-когнитивных технологий в механизме цифровой виктимизации определяется как процессами передачи лицу (неопределенному кругу лиц) информации, восприятие которой может определить или повысить его виктимность, так и способностью формировать

или изменять (в том числе на подсознательном уровне) мировоззрение человека, корректировать его поведенческие привычки и практики как на индивидуальном, так и на массовом уровнях. Максимальные риски цифровой виктимизации в результате применения информационно-когнитивных технологий на массовом уровне в настоящее время в наибольшей степени проявляются

при совершении склонения, в том числе в организованных формах, к суицидальным действиям, посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних, вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность, иные виды преступной деятельности, мошенничества и иных «дистанционных» посягательств на ответственность граждан и пр.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Майоров А.В. Влияет ли цифровизация на виктимизацию в современном обществе? // Виктимология. 2022. Т. 9. № 2. С. 148 – 156. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-19202
2. Жмуров Д.В. Кибержертва: решение проблемы терминологической неопределенности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 2 (97). С. 45 – 56. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-46-56
3. Антонян Е.А., Клещина Е.Н. Кибервиктимность // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 3 (34). С. 5 – 10.
4. Кудашов В.И. Роль когнитивных технологий в обществе знания // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2 (2). С. 92 – 97.
5. Игнатов А.Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-2. С. 82 – 89. DOI: 10.23672/c1597-6466-0549-x
6. Бычкова А.М., Раднаева Э.Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 101 – 115. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).101-115
7. Квашиш В.Е., Ильницкий А.С. Современные формы проявления криминальной идеологии в сети Интернет // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 26 – 31.
8. Кокорев А.С., Шавыкин Я.В. Направления повышения финансовой грамотности населения в части противодействия современным финансовым пирамидам // Культура и безопасность. 2022. № 1. С. 47 – 53. DOI: 10.25257/KB.2022.1.47-53

REFERENCES

1. Majorov A.V. Vliyaet li cifrovizacii na viktimizaciyu v sovremennom obshchestve? // Viktimologiya. 2022. T. 9. № 2. S. 148 – 156. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-19202
2. ZHmurov D.V. Kiberzhertva: reshenie problemy terminologicheskoy neopredelennosti // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii. 2021. № 2 (97). S. 45 – 56. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-46-56
3. Antonyan E.A., Kleshchina E.N. Kiberviktimnost' // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. 2019. № 3 (34). S. 5 – 10.
4. Kudashov V.I. Rol' kognitivnyh tekhnologij v obshchestve znaniya // Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obshchestve. 2013. № 2 (2). S. 92 – 97.
5. Ignatov A.N. Informacionno-kognitivnye tekhnologii v arsenale sposobov soversheniya prestuplenij // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2020. № 11-2. S. 82 – 89. DOI: 10.23672/c1597-6466-0549-x
6. Bychkova A.M., Radnaeva E.L. Dovedenie do samoubijstva posredstvom ispol'zovaniya internet-tekhnologij: social'no-psihologicheskie, kriminologicheskie i ugovovno-pravovye aspekty // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2018. T. 12. № 1. S. 101 – 115. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).101-115
7. Kvashis V.E., Il'nickij A.S. Sovremennye formy proyavleniya kriminal'noj ideologii v seti Internet // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2021. № 2 (54). S. 26 – 31.
8. Kokorev A.S., SHavykin YA.V. Napravleniya povysheniya finansovoj gramotnosti naseleniya v chasti protivodejstviya sovremennym finansovym piramidam // Kul'tura i bezopasnost'. 2022. № 1. S. 47 – 53. DOI: 10.25257/KB.2022.1.47-53



Информация об авторах:

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, ORCID: 0000-0002-0976-167X, Scopus Author ID: 56451304500, aleksandrignatov@mail.ru

Соловьев Владислав Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, vladsolovyev@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Ignatov Aleksandr N., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Professor of the Chair of Criminology, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V.Ya. Kikot', ORCID: 0000-0002-0976-167X, Scopus Author ID: 56451304500, aleksandrignatov@mail.ru

Solov'ev Vladislav S., Candidate of Law (Research doctorate), Docent, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of MIA of Russia, vladsolovyev@mail.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Игнатов Александр Николаевич – подготовка введения, анализ программных документов и нормативных источников, описание сущности и содержания информационно-когнитивных технологий, криминологическая оценка влияния использования информационно-когнитивных технологий на виктимность и виктимизацию на индивидуальном и массовом уровнях.

Соловьев Владислав Сергеевич – изучение современного состояния исследований в сфере цифровой виктимизации, контент-анализ информационных ресурсов, обладающих криминогенным потенциалом, оценка роли информационно-когнитивных технологий в механизме цифровой виктимизации, дифференциация возможностей использования информационно-когнитивных технологий в зависимости от желаемого криминального результата.

Статья получена: 08.12.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI: 10.37973/KUI.2023.36.32.009

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА КАК ОТРАЖЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Александр Алексеевич Илиджев,
Казанский юридический институт МВД России,
Казань, Россия,
ilidsasha@yandex.ru



Аннотация

Введение: в статье исследуются юридическая природа и генезис Особенной части уголовного законодательства России при неразрывной взаимосвязи с его Общей частью.

Материалы и методы: методологическую основу статьи составил всеобщий диалектический метод познания при исследовании вопросов становления и формирования Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в симбиозе с его Общей частью. При решении определенных задач в работе использованы общенаучные исследовательские методы, в частности, сравнительно-правовой, системно-структурный, правового моделирования, а также применялся анализ как частнонаучный метод познания.

Результаты исследования: в целях определения генезиса и развития Особенной части, ее функционального назначения в соотношении с Общей частью определены и выявлены закономерные связи обеих частей уголовного законодательства, рассмотрены приемы законодательной техники их формирования.

Обсуждение и заключение: проведенное исследование позволило выделить основные этапы становления и развития Особенной части как элемента уголовного права, обосновать, что представления некоторых ученых о ее первичности сомнительны, а сама постановка вопроса является методологически неверной. Выявлены и обоснованы приемы законодательной техники, заимствованные из математики, использовавшиеся при формировании и обособлении как Особенной, так и Общей частей уголовного законодательства. Анализ рассмотренных вопросов подтверждает, что Особенная часть уголовного права отражает уголовно-правовую политику государства на определенном историческом этапе его развития.

Ключевые слова: закономерная связь; генезис; обобщение; часть; обособление; элемент; система; подход; законодательная техника

© Илиджев А.А., 2023

Для цитирования: Илиджев А.А. Особенная часть уголовного права как отражение уголовной политики российского государства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 67 – 74. DOI: 10.37973/KUI.2023.36.32.009

Scientific article
UDC 343.2/.7
DOI: 10.37973/KUI.2023.36.32.009

THE SPECIAL SECTION OF THE CRIMINAL LAW AS A REFLECTION OF THE CRIMINAL POLICY OF THE RUSSIAN STATE

Ilijev Alexander Alekseevich,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Russia, Kazan, ilidsasha@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article examines the legal nature and the genesis of the Special Part of the criminal legislation of Russia with an inextricable relationship with its General Part.

Materials and Methods: the methodological basis of the article was the general method of dialectical epistemology in the study of the legal nature of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, its relationship with its General Part. When solving certain challenges, general scientific research methods were used in the work, in particular, comparative legal, system and structural, legal modeling, linguistic, and analysis were also used as a special scientific method of cognition.

Results: in order to determine the genesis and development of the Special Part, its functional purpose in relation to its General Part, the regular connections of both parts of the criminal legislation were determined and revealed, and the methods of legislative technique for their formation were considered. The study of these issues in the best way contributed to the identification of the specifics of the Special Part of the criminal legislation.

Discussions and Conclusions: the study made it possible to single out the main stages in the formation and development of the Special Part as an element of criminal law, to substantiate that the ideas of some scientists about its primacy are doubtful, and the very formulation of the question is methodologically incorrect. The methods of legislative technique, borrowed from mathematics, used in the formation and isolation of both the Special and the General parts of the criminal legislation are identified and substantiated. An analysis of the issues discussed confirms that the Special Part of Criminal Law reflects the criminal law policy of the state at a certain historical stage of its development.

Keywords: regularities; genesis; development; isolation; element; system; technique; legislative technique
© Ilijev A.A., 2023

For citation: Ilijev A.A. The Special Section of the Criminal Law as a Reflection of the Criminal Policy of the Russian State. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 67 – 74. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.36.32.009

Введение

В уголовно-правовой литературе существует мнение о первичности Особенной части уголовного законодательства, что мы подчеркивали ранее в рамках исследования дефиниции некоторых уголовно-правовых категорий [1, с. 60]. На наш взгляд, является неверной сама постановка вопроса о том, что появилось раньше – Особенная или Общая часть уголовного права, она ошибочна методологически, противоречит логической операции деления целого на части. Анализ исторических этапов становления и развития Особенной части уголовного права подтверждает тезис об одновременном появлении обеих частей уголовного законодательства. Общая и Особенная части находятся в закономерной связи.

При исследовании вопросов сущности Особенной части уголовного права необходимо рассмотреть законодательные приемы ее форми-

рования, которые позволяют выделить большое значение обособления уголовного законодательства на две части. Данный подход позволяет предположить, что Особенная часть уголовного права в большей мере, чем Общая его часть, отражает уголовно-правовую политику государства на определенном этапе эволюции.

Обзор литературы

Проблемам уголовно-правового осмысления истоков Особенной части, ее генезиса и формирования, специфики, а также обособления и соотношения с Общей частью УК РФ и их развития в истории отечественного уголовного права посвящены научные работы А.И. Чучаева, А.И. Бойко, А.И. Бойцова, Ю.А. Демидова, М.С. Жука, Н.А. Лопашенко, И.Я. Козаченко, А.В. Малько, Г.В. Мальцева, А.И. Коробеева, В.Д. Филимонова, В.Г. Беспалько, Э.В. Георгиевского, С.М. Соловьева, И.М. Рагимова, А.М. Яковлева.

Результаты исследования

В ходе исследования установлено, что Общая и Особенная части уголовного законодательства, исходя из их функционального назначения в уголовном праве, находятся в дихотомической связи. Как известно, под дихотомией понимается раздвоенность, последовательное деление на две взаимоисключающие части, более связанные внутри, чем между собой [2]. Основанием для такого деления логики признают наличие или отсутствие видообразующего признака [3].

Весь массив уголовно-правового материала можно разделить на Общую и Особенную части только в том случае, если соответствующие положения (нормы) содержатся в делимом целом. Другими словами, обособить, вычленив Общую или Особенную часть реально лишь тогда, когда они в том или ином виде объективно существуют и входят в уголовное право как отрасль права. Иное противоречит здравому смыслу. Согласно парафразу основного положения эпикурейской философии Лукреция, *ex nihilo nihil fit* (из ничего и ничего не бывает) [4, с. 146].

Довод о возникновении в начале Особенной части (норм Особенной части) опровергается генезисом и развитием уголовно-правового регулирования общественных отношений. Если в нормах, например, Русской правды в любой из ее редакций или иных нормативных актах тех лет видеть лишь истоки Особенной части, то тогда теряется одна из важных характеристик положений уголовного права – наказуемость деяния. Между тем нет ни одного уголовно-правового запрета, не содержащего карательного элемента, иначе говоря, наказания за его нарушение, что, бесспорно, относится к положениям Общей части уголовного права. Более того, можно выделить виды однородных наказаний.

Во многих нормах есть упоминание о вине, субъекте преступления, потерпевшем (например, ст. 1 Пространной редакции гласит: «если убьет муж мужа...»¹ [5, с. 89]), об обстоятельствах, исключающих наказуемость деяния. Нормы дошедших до нас первых правовых памятников свидетельствуют, что они, кроме собственно уголовно-правового запрета (элемента Особенной части уголовного права), содержали положения его Общей части.

Таким образом, обе части уголовного законодательства исторически развиваются в рамках одних и тех же актов. Соответственно, возникают и закрепляются некие положения в обеих частях

уголовного законодательства, причем как вытекающие из одной из них, так и относительно самостоятельные. Более того, продолжительное время они сосуществуют в некоем симбиозе. В связи с изложенным нет ни социальных, ни правовых причин преувеличивать или принижать значение Особенной части для развития Общей части уголовного законодательства.

Требовалось время, в течение которого накапливался и обобщался законодательный материал. Это позволило использовать прием законодательной техники, который характеризует пандектный принцип; в математике ему соответствует правило скобок. За скобки выносятся (Общая часть) те положения уголовного права, что относятся ко всем без исключения установлениям, находящимся внутри скобок (Особенная часть). Выделим некоторые положительные свойства данного приема: существование уголовного права без деления на Общую и Особенную части возможно и в настоящее время; в этом случае все то, что сейчас относится к Общей части, необходимо указать применительно к каждой статье Особенной части уголовного законодательства. Но это обстоятельство как раз и подчеркивает, на наш взгляд, значение деления уголовного права на две рассматриваемые части.

Наконец, приведем формальный довод, свидетельствующий об одновременном обособлении обеих частей уголовного права. Применительно к Общей части свою историю в качестве относительно самостоятельного элемента уголовного права она отсчитывает с 1813 г. – даты разработки проекта уголовного законодательства, внесенного на обсуждение в Государственный совет и опубликованного для обсуждения.

Полагаем, что для характеристики этапов становления и развития Особенной части как элемента уголовного права следует выделить те же периоды, что можно отнести и к Общей его части:

1) становление Особенной части в рамках некодифицированного уголовного законодательства России (X – XVIII вв.);

2) структурное обособление Особенной части в системе российского законодательства (1813 – 1845 гг.);

3) развитие структуры Особенной части в системе кодифицированного законодательства (1845 – 1996 гг.).

Такой подход не только соответствует объективным обстоятельствам эволюции рассматриваемого элемента уголовного права, но и позволяет показать корреспондирующие связи Особенной

¹ В качестве потерпевшего также упоминаются гридин, мечник, огнищанин, ябетник и др.

части с положениями Общей части уголовного законодательства.

Особенная часть уголовного права, будучи относительно самостоятельным элементом уголовного права России, в большей мере, чем Общая часть, отражает уголовно-правовую политику государства на определенном историческом этапе. Это обусловлено тем, что именно в ее нормах непосредственно представлены уголовно-правовые запреты, таким образом, очерчен круг уголовно-наказуемых деяний, закреплены санкции за их нарушение.

По справедливому утверждению А.В. Малько, сама уголовно-правовая политика возникла потому, что сформировалась потребность противодействия преступности как одной из наиболее значимых проблем общества [6, с. 240].

В Особенной части уголовного права наиболее ярко находят отражение такие значимые аспекты уголовно-правовой политики, как:

1) криминализация общественно опасных деяний и определение их круга; декриминализация преступлений – процесс, диаметрально противоположный криминализации, заключающийся в исключении деяния из числа преступлений¹ [7, с. 60];

2) пенализация деяний² [8], т.е. определение характера и степени наказуемости криминализируемых деяний. Определенная законодателем «санкция сводит общественную опасность преступления к одному показателю – к степени общественной опасности, а меру ее оценки – к мере наказания» [9, с. 98]; депенализация, т.е. «неприменение наказания за совершение уже криминализованных деяний, смягчение в законе их наказуемости, а также установление в законе и применение на практике различных видов освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания» [8, с. 141].

Криминализация и пенализация представляют собой две стороны одного и того же явления или, справедливо отмечает А.И. Коробеев, дорогу с двусторонним движением.

В.Д. Филимонов указывал, «что генезис уголовно-правового регулирования... образует социальная потребность в таком воздействии норм уголовного права на общественные отношения, которое способно путем предоставления субъектам этих отношений тех или иных прав и возло-

жения на них тех или иных обязанностей противопоставить антиобщественным интересам лиц, способных совершить либо совершивших преступления, общественные интересы» [10, с. 62]. Следовательно, в результате использования запретов и обеспечения их соблюдения силой государственного принуждения власть добивается соответствующего поведения членов общества.

Как подчеркивал К. Маркс, «само по себе право не только может наказывать за преступления, но и выдумывать их» [11, с. 516]. В этом случае проблема заключается в определении оснований криминализации, вызывающей много споров в уголовно-правовой науке, а следовательно, в обеспечении социальной обусловленности норм, из которых формируется Особенная часть уголовного права. Ученые не пришли к единому выводу ни о количестве правообразующих факторов, которые обуславливают допустимость, возможность, целесообразность и социальную приемлемость признания деяния преступлением (основанием может быть одно или несколько обстоятельств), ни об их сути, ни даже их названии [12].

Как известно, запрет в качестве регулятора общественно значимого поведения появился еще до возникновения государства и права. Табу явилось прототипом норм Особенной части (наряду с кровной мстью [13, с. 412-416]) так называемого обычного уголовного права, составило его основу.

По утверждению ряда авторов, корни уголовно-правовых запретов можно найти в «Пятикнижии» Моисея. «Законодательство Моисея – это первые систематизированные и писанные законы, данные Богом. Их можно с полным основанием охарактеризовать как первое слово Господа Бога в области права... Все, что было в юриспруденции государств, по крайней мере христианской ориентации, изначально исходило из законов Моисея» [14, с. 54]. Не соглашаясь с этим утверждением, В.Г. Беспалько замечает, что корни уголовного права восходят к самым древним временам библейской истории человечества – периоду жизни первых людей Адама и Евы. А первым в истории человечества уголовно-правовым установлением следует считать библейскую заповедь, данную Богом Адаму после его поселения «в саду Едемском»: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от

¹ В научной литературе высказывалось мнение, согласно которому декриминализация может носить как императивный (абсолютный), так и факультативный характер, когда право окончательного решения вопроса о том, влечет ли данное действие уголовную или иную (административную, общественную) ответственность, закон предоставляет органам правосудия.

² В теории уголовно-правовой политики нет единого мнения относительно самостоятельного характера пенализации. Выделяются два вида пенализации: легальная (наказуемость деяния, отраженная в законе) и судебная (практика назначения наказания).

дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2, 16–17) [15].

И.М. Рагимов убедительно продемонстрировал основы уголовного права, имеющиеся в Священных Писаниях, а также в религиях, не основанных на Божественных посланиях [16; 17].

По мнению И.Я. Козаченко, «можно с определенной долей уверенности заметить, что первое преступление появилось там и тогда, где и когда общественная (публичная) жизнь человека и людей была оплодотворена идеей запрета. И хотя запрет есть язык слабого, этот прием оказался по вкусу сильным мира сего, хотя, как потом выяснилось, малопродуктивным» [18, с. 15]. Однако последнее обстоятельство никак не влияло на применение уголовной репрессии в качестве одного из средств борьбы за власть или ее сохранение. Это подтверждает обращение к истории формирования Особенной части уголовного права России, как, впрочем, и любого другого государства.

Если слабость государственной власти и могущественное положение представителей «семей и хозяйств» в период создания и действия Русской Правды, как отмечал М.А. Дьяконов, обуславливали специфические отношения между государством и потерпевшим, с одной стороны, и преступником – с другой [19, с. 1], то в последующем, начиная с преодоления феодальной раздробленности и создания Московского государства, уголовное право становится важной опорой централизованной государственности; это, в свою очередь, влечет расширение и ужесточение репрессии, что находит отражение во многих уголовно-правовых запретах.

В смутное время происходит дальнейшее ужесточение реакции власти на нарушение уголовно-правовых запретов, что особенно заметно по правоустановлениям Соборного уложения 1649 г. Эта тенденция сохраняется и в последующем, в частности в период абсолютной монархии в России при Петре I [20, с. 404]. Артикул воинский 1715 г. во многом посвящен защите власти, характеризует изменение уголовно-правовой политики государства, признание безусловно приоритетной охрану отдельных видов управленческой деятельности государственного аппарата.

XVIII в. вошел в историю как эпоха дворцовых переворотов, что уже само по себе предполагает

усиление репрессий в связи с государственными преступлениями, и в первую очередь с заговорами.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором формально уже можно выделить в качестве самостоятельного элемента Особенную часть уголовного права, формулировки конкретных уголовно-правовых запретов противоречат общим его установлениям. Это обусловлено, как отмечается в научной литературе, тремя обстоятельствами:

1) максимальным следованием системе Свода законов Российской империи;

2) устранением обнаруженной судебной практикой и доктриной уголовного права неполноты правового регулирования XV тома указанного Свода;

3) необходимостью устранения неопределенных санкций, имевших место в большом количестве в предыдущих нормативных актах [21, с. 459].

Однако следует отметить, что общее усиление репрессивности Уложения о наказаниях произошло не за счет усиления наказуемости определенных нарушений уголовно-правовых запретов, а за счет объема криминализации деяний.

Уголовное уложение 1903 г. в полном объеме никогда не вводилось в действие, в первую очередь частично вступила в действие его Особенная часть. Беспрецедентная для неповоротливой законодательной власти оперативность объяснялась просто – страх перед народными революциями... Поспешно введенные в действие главы входили в очевидное противоречие с принципом законности, закрепленным в понятии преступления как деяния и ненаказуемости убеждений, ненаказуемости самого по себе умысла и его обнаружения вовне [22, с. 147].

В первые годы советской власти уголовно-правовая политика была ориентирована на подавление свергнутых классов, обеспечение функционирования социалистического государственного аппарата, а затем и проведения коллективизации на селе, что уже само по себе предполагало суровую репрессию за нарушение уголовно-правовых запретов. Об этом свидетельствуют принимавшиеся в это время нормативные правовые акты. По мере укрепления власти большевиков репрессивность уголовного права стала снижаться, особенно это можно заметить на примере Уголовного

¹ С.М. Соловьев приводит курьезный пример: «...император, слушая в Сенате дело о казнокрадстве, сильно рассердился и сказал генерал-прокурору Ягужинскому: “Напиши именным указ, что если кто и настолько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен”». Реакция генерал-прокурора, как явствует из дальнейшего описания ситуации, была своеобразной. «Государь, – ответил Ягужинский, – неужели вы хотите остаться императором один, без служителей и подданных? Мы все ворует, с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой». Петр рассмеялся, ничего не сказав в ответ.

кодекса РСФСР 1960 г., однако избыточность уголовно-правового регулирования не была устранена, а попытки решить социально-экономические проблемы уголовно-правовыми средствами были заведомо обречены на провал.

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование подтвердило следующие выводы:

- Общая и Особенная части, исходя из их функционального назначения в уголовном праве, находятся в дихотомической связи, которая понимается как раздвоенность, последовательное деление на две взаимоисключающие части, более связанные внутри, чем между собой. Основанием для такого деления в логике признается наличие или отсутствие видообразующего признака;

- довод о возникновении в начале Особенной части (норм Особенной части) опровергается генезисом и развитием уголовно-правового регулирования общественных отношений. Требовалось время, в течение которого накапливался и обобщался законодательный материал. Послед-

нее приводило к дифференциации уголовно-правовых предписаний по степени их обобщения и на определенном этапе позволило использовать прием законодательной техники, который характеризует пандектный принцип построения кодифицированного уголовного законодательства; в математике ему соответствует правило скобок. За скобки выносятся общие положения уголовного законодательства, т.е. положения, которые относятся ко всем без исключения установлениям (Общая часть), находящимся внутри скобок (Особенная часть);

- Особенная часть уголовного права, будучи относительно самостоятельным элементом уголовного права России, в большей мере, чем Общая часть, отражает уголовно-правовую политику государства на определенном историческом этапе. В Особенной части уголовного права наиболее ярко находят отражение такие значимые аспекты уголовно-правовой политики, как криминализация общественно опасных деяний и пенализация деяний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Илизев А.А. Проблемы определения дефиниции Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 1 (47) . С. 58 – 63. DOI: 10.37973/KUI.2022.73.91.007.
2. Левитин А.В. Преодоление ограничений: метод деления пополам // Алгоритмы. Введение в разработку и анализ. Москва: Вильямс, 2006. С. 476 – 480.
3. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. Москва: Владос, 1997. 384 с.
4. Лукреций. О природе вещей. Кн. 1 / пер. с лат. Ф. Петровского. Москва, 1983. 383 с.
5. Чучаев А.И., Кизилов А.Ю. Уголовно-правовая охрана представителей власти в XI–XVII вв. // Государство и право. Москва: Наука, 2001. № 6. С. 89 – 96.
6. Малько А.В. Теория правовой политики: монография. Москва: Юрлитинформ, 2012. 328 с.
7. Злобин Г.А., Келина С.Г., Яковлев А.М. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности // Советское государство и право. Москва: Наука, 1977. № 9. С. 54 – 62.
8. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. Москва: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
9. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. Москва: Юридическая литература, 1975. 184 с.
10. Филимонов В.Д. Генезис уголовно-правового регулирования. Москва: Норма: Инфра-М, 2015. 127 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / изд. 2. Т. 13. Москва: Госполитиздат, 1959. 770 с.
12. Агузаров Т.К., Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность): монография. Москва: Проспект, 2020. 332 с.
13. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве: монография. Москва: Норма: Инфра-М, 2012. 736 с.
14. Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К.В. Харабет, А.А. Толкаченко. Москва: Норма, 2009. 335 с.
15. Беспалько В.Г. Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2015. 533 с.
16. Уголовное право Российской Федерации. Проблемный курс для магистрантов и аспирантов. В 3 т. Т. 1: Введение в уголовное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. автор. колл. А.И. Чучаев. Москва: Проспект, 2022. 728 с.

17. Полный курс уголовного права. Т. 1: Введение в уголовное право / под ред. А.И. Коробеева. Санкт-Петербург: Академия, 2021. 393 с.
18. Нравственные основы уголовной ответственности: коллективная монография / отв. ред. И.Я. Козаченко. Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т, 2018. 158 с.
19. Дьяконов М. Очерки истории русского права. История уголовного права и судопроизводства. Юрьев: Типография Эл. Бергмана, 1905. 139 с.
20. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Москва: АСТ, 2004. 606 с.
21. Полный курс уголовного права. Т. 2: Уголовное право и уголовно-правовая политика. Уголовный закон / под ред. А.И. Коробеева. Санкт-Петербург: Академия, 2021. 616 с.
22. Полный курс уголовного права. Т. 1: Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. Санкт-Петербург: Пресс, 2008. 1133 с.

REFERENCES

1. Ilidzhev A.A. Problemy opredeleniya definicii Obshchej chasti Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 1 (47). S. 58 – 63. DOI: 10.37973/KUI.2022.73.91.007.
2. Levitin A.V. Preodolenie ogranichenij: metod deleniya popolam // Algoritmy. Vvedenie v razrabotku i analiz. Moskva: Vil'yams, 2006. S. 476 – 480.
3. Ivin A.A., Nikiforov A.L. Slovar' po logike. Moskva: Vlados, 1997. 384 s.
4. Lukrecij. O prirode veshchej. Kn. 1 / per. s lat. F. Petrovskogo. Moskva, 1983. 383 s.
5. CHuchaev A.I., Kizilov A.YU. Ugolovno-pravovaya ohrana predstavitelej vlasti v XI–XVII vv. // Gosudarstvo i pravo. Moskva: Nauka, 2001. № 6. S. 89 – 96.
6. Mal'ko A.V. Teoriya pravovoj politiki: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2012. 328 s.
7. Zlobin G.A., Kelina S.G., YAKovlev A.M. Sovetskaya ugolovnaya politika: differenciaciya otvetstvennosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. Moskva: Nauka, 1977. № 9. S. 54 – 62.
8. Korobeev A.I. Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2019. 352 s.
9. Demidov YU.A. Social'naya cennost' i ocenka v ugolovnom prave. Moskva: YUridicheskaya literatura, 1975. 184 s.
10. Filimonov V.D. Genezis ugolovno-pravovogo regulirovaniya. Moskva: Norma: Infra-M, 2015. 127 s.
11. Marks K., Engel's F. Sochineniya / izd. 2. T. 13. Moskva: Gospolitizdat, 1959. 770 s.
12. Aguzarov T.K., Gracheva YU.V., CHuchaev A.I. Ugolovno-pravovye problemy ohrany vlasti (istoriya i sovremennost'): monografiya. Moskva: Prospekt, 2020. 332 s.
13. Mal'cev G.V. Mest' i vozmezdie v drevnem prave: monografiya. Moskva: Norma: Infra-M, 2012. 736 s.
14. Hristianskoe uchenie o prestuplenii i nakazanii / nauch. red. K.V. Harabet, A.A. Tolkachenko. Moskva: Norma, 2009. 335 s.
15. Bespal'ko V.G. Vethozavetnye korni ugolovnogo prava v Pyatiknizhii Moiseya. Sankt-Peterburg: YUridicheskij centr, 2015. 533 s.
16. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Problemnyj kurs dlya magistrantov i aspirantov. V 3 t. T. 1: Vvedenie v ugolovnoe pravo / pod obshch. red. A.N. Savenkova; nauch. red. i ruk. avtor. koll. A.I. CHuchaev. Moskva: Prospekt, 2022. 728 s.
17. Polnyj kurs ugolovnogo prava. T. 1: Vvedenie v ugolovnoe pravo / pod red. A.I. Korobeeva. Sankt-Peterburg: Akademiya, 2021. 393 s.
18. Nravstvennye osnovy ugolovnoj otvetstvennosti: kollektivnaya monografiya / отв. ред. И.Я. Козаченко. Екатеринбург: Урал'skij gos. jurid. un-t, 2018. 158 s.
19. D'yakonov M. Ocherki istorii russkogo prava. Istoriya ugolovnogo prava i sudoproizvodstva. YU'ev: Tipografiya El. Bergmana, 1905. 139 s.
20. Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih времен. Moskva: AST, 2004. 606 s.
21. Polnyj kurs ugolovnogo prava. T. 2: Ugolovnoe pravo i ugolovno-pravovaya politika. Ugolovnyj zakon / pod red. A.I. Korobeeva. Sankt-Peterburg: Akademiya, 2021. 616 s.
22. Polnyj kurs ugolovnogo prava. T. 1: Prestuplenie i nakazanie / pod red. A.I. Korobeeva. Sankt-Peterburg: Press, 2008. 1133 s.



Информация об авторе:

Илиджев Александр Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России, ORCID: 0000-0001-6624-7688, ilidsasha@yandex.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Ilijev Alexander A., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia, ORCID: 0000-0001-6624-7688, ilidsasha@yandex.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 11.01.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю

Научная статья
УДК 343.2/7
DOI: 10.37973/KUI.2023.93.91.010

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ
И ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Адель Миннурович Каримов,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
karimov485@mail.ru



Аннотация

Введение: в статье проведен анализ правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере компьютерной информации и преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), а также положений подзаконных актов, регулирующих порядок опубликования сведений о состоянии преступности в Российской Федерации. Исследованию подвергнуты понятийный аппарат, особенности некоторых признаков объекта преступлений в сфере компьютерной информации, их объективной стороны, правоприменительная практика привлечения виновных в совершении преступлений с использованием ИТТ, к уголовной ответственности.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составила совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания: диалектический, догматический, семантический, формально-логический, статистический методы, методы анализа и синтеза. Материалами исследования послужили нормы уголовного законодательства России, Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», международных договоров и соглашений Российской Федерации, подзаконных нормативных актов, статистические данные публичных образований, правоприменительная практика судов общей юрисдикции за 11 месяцев 2022 года, научная литература.

Результаты исследования: констатируется, что границы между двумя правовыми категориями зачастую необоснованно размываются. Автором разработаны элективные уголовно-правовые, криминологические и криминалистические признаки, по которым следует разграничивать преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием ИТТ. Внесены предложения по закреплению в редакции Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) дефиниции юридической категории «информационно-телекоммуникационная сеть» (далее – ИТС) в виде примечания к ст. 110 УК РФ; изложен авторский научный подход к дифференциации преступлений с названными квалифицирующими признаками и преступлений в сфере компьютерной информации; сформулированы и научно обоснованы рекомендации по внесению изменений в перечень размещаемой в ИТС «Интернет» официальной статистической информации, утвержденный приказом Генпрокуратуры России от 12.10.2022 № 589.

Обсуждение и заключение: выявлено необоснованное смешивание двух правовых категорий: преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием ИТТ. По факту эти категории разительно отличаются друг от друга на основании их уголовно-правовых, криминологических, криминалистических признаков. Существенно дифференцирована и их доля в структуре преступности.

Ключевые слова: киберпреступление; компьютерная информация; информационно-телекоммуникационная сеть; хакер

© Каримов А.М., 2023

Для цитирования: Каримов А.М. Преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: сравнительно-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 75 – 82. DOI: 10.37973/KUI.2023.93.91.010

Scientific article
UDC 343.2/7
DOI: 10.37973/KUI.2023.93.91.010

COMPUTER CRIMES AND CRIMES COMMITTED THROUGH THE USE OF MODERN TECHNOLOGY: A COMPARATIVE LEGAL ASPECT

Adel Minnurovich Karimov,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan', Russia,
karimov485@mail.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes the legal norms that establish responsibility for committing crimes in the area of computer information and crimes committed with the use of information and telecommunication technologies (hereinafter – ITT), as well as the provisions of secondary legislation governing the publication of information about the state of crime in the Russian Federation. The study is subject to conceptual apparatus, peculiarities of certain features of the object of crimes in the area of computer information, their objective side, law enforcement practice of bringing the perpetrators of crimes using ITT, to criminal responsibility.

Materials and Methods: the methodological basis for the study is a combination of general scientific and particular scientific methods of cognition: dialectical, dogmatic, semantic, logical, methods of analysis and synthesis. The materials of the study were the criminal legislation of the Russian Federation, the Federal Law of July 27, 2006 N 149-FZ “On information, information technologies and information protection”, international treaties and agreements of the Russian Federation, by-laws, statistical data of public entities, law enforcement practice, scientific literature.

Results: it is stated that the boundaries between the two legal categories are often unreasonably blurred. The author developed elective criminal-law, criminological and criminological characteristics that should be used to distinguish between crimes in the area of computer information and crimes committed with the use of ITT. Proposals to enshrine in the wording of the Criminal Code of the Russian Federation (CC RF) the definition of the legal category of "information and telecommunication network" (hereinafter – ITS) as a note to Art. 110 of the Criminal Code, outlined the author's scientific approach to the differentiation of crimes with the above qualifying signs of crime and computer crimes; formulated and scientifically justified recommendations for amendments to the list of official statistical information placed in the ITS "Internet", approved by Order of the General Prosecutor.

Discussion and Conclusions: unreasonable mixing of two legal categories was revealed: crimes in the area of computer information and crimes committed with the use of ICT. In fact, these categories are strikingly different from each other based on their criminal law, criminological, forensic features. Significantly differentiated and their share in the structure of crime.

Keywords: *cybercrime; cyberspace; information technologies; computer crimes; computer information*

© Karimov A.M. , 2023

For citation: Karimov A.M. Computer Crimes and Crimes Committed Through the Use of Modern Technology: a Comparative Legal Aspect. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 75 – 82. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.93.91.010

Введение

По данным МВД России, за 2021 год на территории России зарегистрировано более 2 млн преступлений, при этом «каждое четвертое совершается с использованием IT технологий»¹. В 2021 году было зарегистрировано 517,7 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИТТ, или престу-

плений в сфере компьютерной информации. К началу 2022 года продолжилась тенденция снижения общего количества совершенных преступлений по всем условным категориям преступности, за исключением одного показателя – уровня киберпреступности, который продолжил демонстрировать хотя и небольшой, но стабильный прирост (1,4%)².

¹ Информация МВД России о состоянии преступности. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-za-vosem-mesyatsev-2022-goda/> (дата обращения: 24.11.2022).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2020, 2021 гг., январь-август 2022 года. URL: <https://mvd.rf/reports/item/32515852/> (дата обращения: 24.11.2022).

По мнению исследователей, основными векторами распространения ИТ-угроз, в том числе и для государственного сектора, выступают использование шифровальщиков, деятельность по продаже доступа в скомпрометированные сети, мошенничество, фишинг и спам [1, с. 63], а сама киберпреступность стала «одной из главных проблем XXI в.» [2, с. 52].

Обзор литературы

Правовую базу исследования составили УК РФ, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185, Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности, Концепции создания Евразийской инновационной системы, указ Президента Российской Федерации от 02.12.2016 № 646, приказ Генпрокуратуры России от 12.10.2022 № 589.

Выявить особенности уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за совершение киберпреступлений, определить их специфику, дифференцировать и классифицировать виды киберпреступлений позволили работы В.М. Елина [1], А.А. Лебедевой [2], Батурина, С.В. Полубинской [3], Г.Р. Григоряна [4], А.Н. Мондохоннова [5].

Материалы и методы

Методологическую основу статьи составили диалектический подход к познанию юридической природы норм об ответственности за совершение киберпреступлений, содержанию видов компьютерной преступности, общенаучные и частные методы исследования (анализ, синтез, дедукция, индукция, статистический метод), которые применялись при изучении структуры киберпреступности, сравнении противоправных деяний, совершаемых в сфере компьютерной информации, и преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, и формулировании предложений по совершенствованию российского уголовного законодательства и подзаконных актов.

Материалами исследования послужили положения действующего российского уголовного законодательства, Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», подзаконных актов, правоприменительная практика, сведения о количестве преступлений и

структуре преступности в России, научная юридическая литература.

Результаты исследования

Как справедливо отмечают исследователи, «высокотехнологический уклад жизни порождает и высокотехнологические преступления» [3, с. 78]. Статистические данные демонстрируют несомненную и безапелляционную актуальность темы противодействия киберпреступности, но приходится констатировать, что статистика не достаточно объективно отражает реальную картину происходящих в стране социальных процессов, которые в науке иногда называют трансформацией или цифровизацией преступности. Это обусловлено следующими факторами: во-первых, в настоящее время отмечается высокая латентность противоправных действий, совершаемых с использованием информационных технологий. Иными словами, большая часть преступлений, посягающих на общественные отношения в сфере информационных технологий, не фиксируется официальной статистикой. Это во многом обусловлено возможностью преступников оставаться анонимными (использование VPN и TOR), избегать непосредственного контакта с потерпевшими, широкой аудиторией пользователей информационных ресурсов, упрощением доступа к этим ресурсам, а также организованным и трансграничным характером подобного рода преступности.

Иная причина латентности – низкий уровень доверия граждан к правоохранительной системе. Следует согласиться с мнением исследователей, констатирующих следующее: «причины высокотехнологических преступлений – не в высоких технологиях, а в слабостях государства, которое не в состоянии обеспечить адекватное правовое регулирование и подготовку специалистов, которые могли бы эффективно противостоять высокотехнологической преступности» [3, с. 78].

Во-вторых, статистические данные МВД России формируются в соответствии с положениями приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 589, утверждающего перечень размещаемой в ИТС «Интернет» официальной статистической информации¹. Пункт 12 данного документа регламентирует необходимость опубликования обобщенных сведений о «зарегистрированных преступлениях, совершенных с использованием ИТТ или в сфере компьютерной информации». Таким образом, количество зарегистрированных преступлений по двум отдельным

¹ Об утверждении перечня размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» официальной статистической информации: приказ Генпрокуратуры России от 12.10.2022 № 589 // Законность. 2022. № 11.

показателям суммируется. Обобщение в одном пункте двух различных уголовно-правовых категорий: преступления, совершаемые с использованием ИТТ, и преступления в сфере компьютерной информации – представляется совершенно необоснованным и ошибочным.

Ответственность за преступления в сфере компьютерной информации достаточно четко регламентирована как в отечественном уголовном, так и в международном праве. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185)¹ в качестве таковых называет:

1. Правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств: подлог с использованием компьютерных технологий (статья 7); мошенничество с использованием компьютерных технологий (статья 8).

2. Правонарушения, связанные с содержанием данных: правонарушения, связанные с порнографией (статья 9).

3. Преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем: противозаконный доступ (статья 2); воздействие на функционирование системы (статья 5); противозаконное использование устройств (статья 6); неправомерный перехват (статья 3); воздействие на данные (статья 4).

Составы преступлений из третьей группы Конвенции нашли свое отражение и в отечественном уголовном законодательстве², хотя Конвенция не была ратифицирована Российской Федерацией. В главе 28 УК РФ нормотворец выделил в отдельную группу ряд преступлений, которые, как и в упомянутой выше Конвенции, именуется «преступлениями в сфере компьютерной информации»³. Однако подчеркнем, что УК РФ толкует эту правовую категорию значительно уже Конвенции и этим словосочетанием объединяет лишь 4 состава. Эти 4 состава не относятся к правонарушениям, связанным с содержанием данных или с использованием компьютерных средств, которые в тексте Конвенции также именуется преступлениями в сфере компьютерной информации.

В отличие от преступлений в сфере компьютерной информации, понятие «преступления,

совершаемые с использованием ИТТ» в УК РФ, да и в ином отраслевом законодательстве, за исключением упомянутого выше пункта 12 приказа Генеральной прокуратуры РФ № 589, вовсе не используется. Это не означает, что отечественный законодатель, игнорируя положения Конвенции, оставил без внимания правонарушения, связанные с содержанием данных или связанные с использованием компьютерных средств. В законе используется иная терминология, которую можно назвать синонимичной.

УК РФ в качестве признаков, квалифицирующих преступное деяние, указал совершение преступления в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)» (ст. 110 УК РФ) и совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) (ст. 110² УК РФ). Дополнительно подчеркнем, что и систематизировал их нормотворец дифференцированно, не связывая с категорией «преступления в сфере компьютерной информации».

Иными категориями или дефинициями, каким-либо образом регулируемыми общественными отношениями, связанные с противодействием преступности в сфере информационных технологий, российское законодательство не оперирует.

ИТТ – информационные процессы и методы работы с информацией, осуществляемые с применением средств вычислительной техники и средств телекоммуникации⁴. ИТС – технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники⁵. Таким образом, следует резюмировать, что понятия ИТТ, ИТС являются, по сути, синонимичными, поскольку ни одна ИТТ не может функционировать вне ИТС.

Учитывая вышесказанное, следует заключить, что в отечественном уголовном законе, по аналогии с Конвенцией о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185), можно выделить три условные группы киберпреступлений: 1) преступления в сфере компьютерной

¹ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23.11.2001). URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения 24.11.2022).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954.

³ Компьютерная информация – сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Примечание 1 к ст. 272 УК РФ.

⁴ Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности (заключено в г. Санкт-Петербурге 20.11.2013) // Бюллетень международных договоров. 2015. № 10. С. 7 – 13.

⁵ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. 31 июля. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

информации; 2) преступления, совершаемые в ИТС; 3) преступления, совершаемые с использованием ИТС. Если первую группу преступлений законодатель объединил в одной главе, то составы, относящиеся к последним двум, в российском уголовном законе размещены хаотично, исходя из родовых и видовых характеристик объекта преступления. Они не имеют никакого отношения к главе 28 УК РФ.

Преступления в сфере компьютерной информации – предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, причиняющие вред или создающие опасность причинения вреда регламентированному законом порядку осуществления информационных процессов, посягающие на компьютерную информацию, содержащуюся на одиночном устройстве или составляющей информационной системы. Видовой объект этих преступлений – общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности компьютерной информации, сохранности средств, используемых для ее обработки. Исходя из приведенной дефиниции, очевидно, что такие противоправные деяния характеризуются больше не способом совершения преступления, а, скорее, предметом преступного посягательства.

Как мы уже отметили, преступления в сфере компьютерной информации размещены законодателем в одноименной главе 28 УК РФ, в которую включены общественно опасные деяния, предусмотренные: ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации»; ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»; ст. 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации»; ст. 274¹ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации».

Отличительными признаками механизма совершения преступлений в сфере компьютерной информации, на наш взгляд, являются «высокая квалификация» лица, совершающего подобные преступления, а также инструмент или орудие совершения преступления и сокрытия его следов. На это обратила внимание Генеральная прокуратура России еще в 2014 году. В одном из рекомендательных документов было отмечено, что специфика преступлений в сфере компьютерной

информации обусловлена использованием при их совершении высоких технологий и новейших достижений науки и техники, необходимостью обладания определенным уровнем специальных познаний¹.

На наш взгляд, подобные преступления может совершить далеко не каждый человек. Этот неформальный «специальный субъект» объективно должен обладать глубокими познаниями в сфере информационных технологий, программирования, способов и методов неправомерного доступа (хакер, вирусолог, специалист по фишингу, специалист по социальной инженерии, криптолокер-шифровальщик, специалисты по совершению DDoS-атак). Для совершения преступления он использует сложное техническое и программное обеспечение (вредоносное ПО, программы и серверы-анонимайзеры, программы криптопреобразования, ботнеты, уязвимости программного обеспечения и информационных систем («бэкдоры»)).

Необходимо отметить еще и то, что весь этот усложненный механизм совершения противоправного деяния обуславливает сложности в выявлении, раскрытии, расследовании подобного рода преступлений. Проблемы возникают при установлении IP-адресов, с которых совершались неправомерный доступ к компьютерной информации, рассылка фишинговых ссылок и вредоносного ПО, установлении собственников фишинговых страниц, криптокошельков, вирусологическом анализе троянских программ, хакерских утилит и вирусов, проведении компьютерных экспертиз.

Преступления, совершаемые с использованием ИТТ, на наш взгляд, это широкий спектр разнородных противоправных действий, отличительным признаком которых является не предмет преступного посягательства, а механизм и инструмент причинения вреда различным по родовым признакам охраняемым уголовным законом общественным отношениям или среда, в которой совершается, запрещенное уголовным законом деяние. Так, чаще всего подобным инструментом выступают ИТС «Интернет» и ее различные ресурсы (электронный банкинг, транзакции, блокчейн, социальные сети, мессенджеры, онлайн-платформы по продаже товаров, «Гидра», ее аналоги и в целом «Даркнет»²). Интернет же становится и средой совершения преступлений, именуемой в науке «ки-

¹ Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации (утв. Генпрокуратурой России). Документ опубликован не был. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://genproc.gov.ru> по состоянию на 15.04.2014.

² «Теневая сеть», под которой понимается скрытая сеть, соединения которой устанавливаются по типу p-2-p (peer-to-peer, децентрализованная сеть).

берпространством». Увеличение темпов перехода традиционных сфер деятельности общества (образования, государственных услуг, покупки и продажи товаров, финансовых активов и др.) из уже ставшей аутентичной аналоговой формы в киберпространство и обуславливает рост преступных посягательств в сети. При этом ИТС, информационные ресурсы и информационные системы не становятся предметом преступных посягательств. По мнению некоторых исследователей, регламентируя уголовную ответственность за совершение преступлений с использованием ИТТ, российское уголовное законодательство делает только первые шаги, пытаясь отразить в положениях Особенной части УК РФ растущую криминальную реальность, тесно связанную с виртуальным пространством общественной жизни, и защитить активно развивающиеся электронные и цифровые формы имущественных отношений [4, с. 14].

Ответственность за преступления, совершаемые с использованием ИТТ, регламентирована в тексте Особенной части УК РФ: 1) путем закрепления квалифицированного или особо квалифицированного состава (например, п. «г» ч. 3 ст. 158); 2) путем включения в его редакцию нормы с индексом (например, ст. 159³). В соответствии с указанием Генпрокуратуры России № 361/11, МВД России № 1 от 30.06.2022¹, помимо указанных двух составов, к перечню преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, относятся: 1) без дополнительных условий: ст. 159⁶, п. «в», ч. 3 и п. «в», ч. 5 ст. 222, п. «в» ч. 3 и п. «в» ч. 5 ст. 222¹, п. «в» ч. 3 и п. «в» ч. 5 ст. 222², п. «д» ч. 2 ст. 230, п. «г» ч. 2 ст. 242², ст. 272, 273, 274, 274¹; 2) при наличии определенных условий: п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 и ч. 6 ст. 110¹, ч. 2 ст. 110², ч. 2 ст. 128¹, ч. 3 ст. 137, п. «в» ч. 2 ст. 151², ст. 171², 185³, ч. 2 ст. 205², п. «б» ч. 2 и ч. 3, 4, 5 ст. 228¹, ч. 3, 4 ст. 230, ч. 1.1, 2 и 3 ст. 238¹, п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242¹, п. «г» ч. 2 ст. 245, ч. 1.1, п. «б» ч. 2, ч. 2.1, 3 и 3.1 ст. 258¹, ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280¹, ст. 282, п. «в» ч. 2 и ч. 4 ст. 354¹, ст. 119, 128¹, 133, 135, 137, 138, 138¹, 146, 150, 151, ч. 4 ст. 158, ст. 159, 163, 174, 174¹, 183, 186, 187, 205¹, 207, 207¹, 207², 207³, 210, 228, 228², 228³, 228⁴, 229, 234, 234¹, 238, 240, 280³, 283, 283¹, 284², 292, 296, 298¹, 311, 327, 327¹, 354. На основании анализа статистических данных авторы пришли к следующим выводам: «информацион-

но-телекоммуникационные технологии преимущественно используются при совершении преступлений против собственности, а также в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, что в совокупности составляет 82,6% от общего числа преступлений, совершенных с использованием информационных технологий» [5, с. 41].

В отличие от правовой категории «преступления в сфере компьютерной информации», субъектом «преступления, совершенного с использованием ИТТ» может стать любое дееспособное лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Ему не нужны глубокие познания в сфере IT, сложное техническое и программное обеспечение. Достаточно иметь базовые навыки использования персонального компьютера и ресурсов ИТС «Интернет» и, соответственно, иметь под рукой устройство, подключенное к сети, хотя и это не всегда требуется. Так, например, гр. «И» примерно в 18.00, находясь по адресу: <адрес>, обнаружил утерянную платежную кредитную банковскую карту «Тинькофф Банка», №**, с чипом, позволяющим осуществлять покупки на сумму до 1000 рублей без ввода пин-кода, оформленную на имя потерпевшего № 1. После этого, предположив, что на счету данной карты могут находиться денежные средства, а также присвоив ее себе, гр. «И» зашел в магазин, путем прикладывания данной карты к платежному терминалу произвел покупку товара на сумму до 1000 рублей. Таким образом, гр. «И» совершил хищение денежных средств с банковского счета №, открытого в АО «Тинькофф Банк»².

Анализ применения судами пункта «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (с использованием ресурса www.sudact.ru было изучено 30 судебных решений, вынесенных на территории РФ в период 11 месяцев 2022 года) дает основание утверждать, что 95% случаев во многом аналогичны приведенному выше примеру. Именно пункт «г» части 3 статьи 158 УК РФ формирует в статистических отчетах МВД России значительную долю преступлений, совершаемых с ИТТ.

Обсуждение и заключение

При объективном анализе механизма, способа совершения преступлений с использованием ИТТ, криминологического портрета самого преступника, которого в приведенном выше примере

¹ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры Российской Федерации № 361/11, МВД России № 1 от 30.06.2022 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2022).

² Приговор Киевского районного суда города Симферополя Республики Крым от 29.06.2021 по делу № 1-272/2021. URL: <https://pravoiivo.ru/prigovor-obvinyaemomu-po-p-g-ch-3-st-158-uk-rf-krazha-sovershennaya-s-bankovskogo-scheta/> (дата обращения 15.11.2022).

очень сложно назвать киберпреступником, приходим к выводу, что статистические данные официальных органов не отражают реальную картину компьютерной преступности в стране и могут ввести в заблуждение лицо, изучающее данную информацию.

Согласно статистическим данным за 2021 год, на территории РФ за совершение преступлений в сфере компьютерной информации, т.е. тех преступлений, которые совершаются «профессиональными» преступниками (хакерами, вирусописателями и др.), были осуждены 225 человек, из них: по ст. 272 УК РФ – 133 (ч. 1. – 9, ч. 2 – 13, ч. 3 – 111); по ст. 273 УК РФ – 77 (ч. 1 – 14, ч. 2 – 63); ст. 274 УК РФ – 0; ст. 274¹ – 15 (ч. 1 – 2, ч. 2 – 1, ч. 3 – 2, ч. 4 – 10)¹. Результаты анализа статистического отчета МВД России о количестве преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере компьютерной информации (517,7 тысяч преступлений), позволяют сделать вывод, что в пункте 12 приказа Генеральной прокуратуры России доля преступлений в сфере компьютерной информации, т.е. «реальных» киберпреступлений, лишь 0,04%, а доля преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, т.е. преступлений, совершаемых «неквалифицированными» преступниками, составляет лишь 99,96%. Данный факт подтверждает тезис, что статистические данные МВД России некорректно отражают уровень киберпреступности в стране. Это может привести к искажению общественного мнения о состоянии оперативной обстановки в государстве, поскольку в представлении большинства граждан ИТ-преступность – это преступные деяния, совершаемые исключительно хакерами, кракерами, вирусописателями и иными «профессиональными» преступниками.

Таким образом, на статистические данные об уровне киберпреступности в стране оказывают влияние два субъективных антропогенных фактора. Первый (понижающий) – это латентность киберпреступлений, второй (завышающий) – это непрозрачный и, вероятно, некорректный подбор критериев отнесения тех или иных преступных явлений к категории киберпреступности.

В связи с изложенным необходима дифференциация сведений об уровне преступности в сфере компьютерной информации и уровня преступлений, совершаемых с использованием ИТТ. Эти показатели следует обобщать отдельно, чтобы у граждан, изучающих статистические отчеты МВД России, не сформировался ложный вывод,

согласно которому каждое четвертое преступление в РФ совершается хакерами, вирусописателями, владельцами ботнетов и иными «профессиональными» киберпреступниками. Они должны понимать, что этот показатель значительно ниже заявленного и скрыт в общем массиве преступлений, не относящихся к реальной киберпреступности. В этих целях необходимо внести изменения в пункт 12 приказа Генеральной прокуратуры России № 589 и изложить его в следующей редакции: «Зарегистрировано преступлений в сфере компьютерной информации». Отдельно рекомендуется закрепить в частных пунктах приказа необходимость размещения сведений о зарегистрированных преступлениях, совершенных с ИТС и преступлениях, совершенных в ИТС.

Дефиницию юридической категории «ИТС» предлагаем регламентировать в УК РФ применительно к нормам, где ее использование указано в качестве квалифицирующего признака преступления. В примечании к статье 272 УК РФ приведена дефиниция словосочетания «компьютерная информация», что объективно обусловлено необходимостью разъяснения сложного технического феномена, необходимого для правильной квалификации противоправного деяния. Нелогичным с точки зрения юридической техники представляется то, что, раскрыв в виде примечания значение термина «компьютерная информация», нормотворец не раскрыл юридическое значение другого технического термина, используемого в тексте УК – «ИТС». Это понятие, несомненно, может толковаться правоприменителем неоднозначно, поскольку разнообразие сетей, их топология, специфика сфер преступного применения и информации, размещаемой в киберпространстве, обуславливают возможные сложности в уяснении сути этого технологического феномена и верной квалификации преступных посягательств, совершаемых с использованием сети или совершаемых в сети. Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ уже раскрыто значение этого термина, однако положения данного нормативного акта раскрывают его общую спецификацию, не конкретизируя признаки ИТС как инструмента противоправного деяния.

В связи с вышеизложенным предлагаем регламентировать в виде примечания к ст. 110 УК РФ законодательную дефиницию следующего содержания: «Под ИТС понимается технологическая система передачи данных по проводным и беспроводным каналам связи, используемая для

¹ Данные о назначенном наказании по статьям УК. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 10.11.2022).

передачи сообщений в социальных сетях, платформах, онлайн-сервисах или веб-сайтах, предназначенных для коммуникации пользователей, интернет-мессенджерах; совершения транзакций в электронных платежных системах в процессе расчета между интернет-пользователями при покупке-продаже товаров и оплате услуг, в том числе на онлайн-площадках».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Елин В.М. О подходах к криминологической характеристике лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2022. № 7. С. 61 – 65. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-7-61-65
2. Лебедева А.А. Особенности расследования киберпреступлений // Безопасность бизнеса. 2021. № 6. С. 48 – 56. DOI: 10.18572/2072-3644-2021-6-48-56
3. Батуринов Ю.М., Полубинская С.В. Совершенствование законодательных норм уголовно-правового цикла в контексте высокотехнологического будущего // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия: монография / под ред. А.Н. Савенкова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. С. 78.
4. Григорян Г.Р. О социально-правовой сущности корыстных имущественных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 13 – 15.
5. Мондохонов А.Н. Криминализация «преступной деятельности» в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Законность. 2020. № 6. С. 38 – 43.

REFERENCES

1. Elin V.M. O podhodah k kriminologicheskoy harakteristike lic, sovershayushchih prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii // Rossijskij sledovatel'. 2022. № 7. S. 61 – 65. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-7-61-65
2. Lebedeva A.A. Osobennosti rassledovaniya kiberprestuplenij // Bezopasnost' biznesa. 2021. № 6. S. 48 – 56. DOI: 10.18572/2072-3644-2021-6-48-56
3. Baturin YU.M., Polubinskaya S.V. Sovershenstvovanie zakonodatel'nyh norm ugovovno-pravovogo cikla v kontekste vysokotekhnologicheskogo budushchego // Prestupnost' v XXI veke. Prioritetnye napravleniya protivodejstviya: monografiya / pod red. A.N. Savenkova. Moskva: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2020. S. 78.
4. Grigoryan G.R. O social'no-pravovoj sushchnosti korystnyh imushchestvennyh prestuplenij, sovershaemyh s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij // Rossijskaya yusticiya. 2020. № 10. S. 13 – 15.
5. Mondohonov A.N. Kriminalizaciya «prestupnoj deyatel'nosti» v usloviyah razvitiya informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij // Zakonnost'. 2020. № 6. S. 38 – 43.



Информация об авторе:

Каримов Аделъ Миннурович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России, ORCID: 0000-0003-4734-7037, karimov485@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Karimov Adel M., Candidate in Law (Research doctorate), Senior Lecturer of the Department of Economics, Financial Law and Information Technologies in the Activity of Internal Affairs Bodies of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, ORCID: 0000-0003-4734-7037, karimov485@mail.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 23.11.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.625
DOI: 10.37973/KUI.2023.98.49.011

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ МЕР
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРОТИВОПРАВНЫМ ДЕЯНИЯМ
В СФЕРЕ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ**

Петр Николаевич Кобец,
Всероссийский научно-исследовательский институт
МВД России, Москва, Россия,
pkobets37@rambler.ru



Аннотация

Введение: статья посвящена исследованию проблематики совершенствования российского законодательства в сфере противодействия противоправным деяниям в области трансплантологии.

Материалы и методы: теоретической основой исследования выступила российская правовая база; кроме того, автором проанализированы отечественные научные работы по вопросам совершенствования правовой регламентации трансплантологии и донорства в Российской Федерации, основных видов угроз в области незаконной трансплантации, а также иные медицинские и биологические аспекты, имеющие отношение к рассматриваемой теме исследования. Используя различные общенаучные приемы и способы познания, а также подбор и анализ эмпирических данных, основываясь на моделировании, сравнении, специально-юридических и частнонаучных методах, автор провел научное исследование основных законодательных основ, а также особенностей общественных отношений, возникающих в процессе противодействия противоправным деяниям в области трансплантологии.

Результаты исследования: проблематика, связанная с воплощением в жизнь гражданами или же их родственниками, близкими, законными представителями прав на передачу собственной воли в отношении нежелания отбора у них после смерти трансплантатов, требует комплексной научной проработки, а реализация механизмов по воплощению данных идей в практику также нуждается в существенном совершенствовании.

Обсуждение и заключение: развитие трансплантологии приводит к многочисленным злоупотреблениям в рассматриваемой сфере, и при очевидных нарушениях действующих законодательных норм преступникам все же удается избежать заслуженных мер уголовной ответственности. С целью совершенствования правового регулирования трансплантации в настоящее время требуется разработать и законодательно закрепить механизмы, которые в дальнейшем позволят добиваться того, чтобы методы по спасению людей находили свое воплощение в отработанной и проверенной на практике системе по выявлению потенциальных доноров; разработке и внедрении единой базы донорских органов и реализации политики биоэтического воспитания, которая должна основываться на стимулировании добровольного посмертного донорства. Подобный подход мог бы позволить снизить незаконный оборот донорского материала и способствовать снижению противоправных деяний в сфере трансплантологии.

Ключевые слова: трансплантология; нормативно-правовая база; донорский материал; предупреждение преступности; законодательное регулирование; трансплантационный фонд; международно-правовые акты; операция по трансплантации; научная сфера; совершенствование законодательства

© Кобец П.Н., 2023

Для цитирования: Кобец П.Н. Совершенствование законодательных мер по противодействию противоправным деяниям в сфере трансплантологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 83 – 89. DOI: 10.37973/KUI.2023.98.49.011

Scientific article
UDC 343.625
DOI: 10.37973/KUI.2023.98.49.011

IMPROVEMENT OF LEGISLATIVE MEASURES TO COUNTER ILLEGAL DECISIONS IN ORGAN TRANSPLANTATION

Pyotr Nikolayevich Kobets,
All-Russian Research Institute of MIA of Russia, Moscow, Russia,
pkobets37@rambler.ru

Abstract

Introduction: the article covers the study of the challenges and improvement of the Russian legislation in countering illegal decisions in organ transplantation.

Materials and Methods: Russian legislation was theoretical basis for the study. The author analyzed Russian scientific works on the improvement of the legal regulation of organ transplantation and donation in the Russian Federation, main types of threats in illegal transplantation, and other medical and biological aspects relating to the topic of the study. Basing on the various common scientific methods and ways of cognition, as well as selection and analysis of empirical data, modeling, comparison, legal and special scientific methods the author conducted a scientific study of the main legal legislative framework and aspects of the social relation of unlawful acts in transplantation.

Results: the subject matter of realizing into the lives of citizens and their relatives, close people, legal representatives the right of transferring their own will with regard to the reluctance to take grafts from them after death, requires complex scientific studies, the implementation of mechanisms to put these ideas into practice also needs significant improvement.

Discussion and Conclusions: development of transplantation leads to numerous abuses. With obvious violations of legal norms, criminals still manage to avoid the criminal penalties they deserve. In order to improve the legal regulation of organ transplantation it is important to develop and legislate mechanisms to ensure that methods to save people are embodied in a tested and proven system for identifying potential donors; development and implementation of a unified database of donor organs and implementation of bioethical education policy, which should be based on stimulation of voluntary post-mortem donation. Such approach could allow to reduce the illegal turnover of donor materials and contribute to the reduction of unlawful acts in organ transplantation.

© Kobets P.N., 2023

Keywords: transplantation; legal framework; donor material; crime prevention; legislative regulation; transplant fund; international legal acts; transplant operation; scientific sphere; improvement of legislation

For citation: Kobets P.N. Improving Legislative Measures to Counter Illegal Acts in Transplantation. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 83 – 89. (In Russ.). DOI: 10.37973/ KUI.2023.98.49.011

Введение

Проблематика проведения медицинских операций по пересадке жизненно важных органов, а также иных вопросов, связанных с данной сферой медицинской деятельности, продолжает широко обсуждаться в различных научных отраслях учеными и практиками, поскольку на текущий момент не получили своего окончательного разрешения многие из деонтологических, социальных и правовых проблем, связанных с трансплантологией [1, с. 181]. При этом трансплантационная проблематика с каждым годом по большей части начинает представлять интерес не только с моральной и этических точек зрения, но также и

правовой. Например, в рассматриваемой сфере возникает все больше проблемных вопросов относительно того, насколько возможно использовать донорский материал несовершеннолетнего для спасения своих близких [2, с. 7]. Очевидно, что с ростом заболеваемости населения подобные аспекты правового характера будут возникать в дальнейшем все чаще. Также необходимо отметить и то, что в современной юридической литературе находят отражение многие актуальные положения по рассматриваемой проблеме, однако отдельные из них не обладают убедительной аргументацией и нуждаются в дополнительном исследовании и проработке [3, с. 11]. В частности,

особую важность приобретает необходимость совершенствования отечественных законодательных мер, направленных на противодействие противоправным деяниям в сфере трансплантологии.

Обзор литературы

Ряд отдельных положений, которые касаются правовых аспектов по противодействию противоправным деяниям в сфере трансплантологии, в отечественной юридической литературе рассматривались М.И. Авдеевым, В.И. Акоповым, Т.А. Андроновой, А.А. Афанасьевым, С.Ф. Багненко, Ж.С. Баумовой, Е.В. Белоусовой, В.С. Бокоевым, Л.С. Виноградовой, О.В. Гончаровой, Н.А. Горбуновой, Д.А. Гришиным, Д.О. Гунченко, А.Н. Дудниковой, В.Б. Евдокимовым, Э.Ж. Жабасовой, К.А. Журавлевой, М.В. Залесской, А.В. Ильяшенко, А.Н. Калугиным, Е.А. Капитоновой, В.С. Катаевым, В.И. Коваленко, Д.П. Кобяковым, О.А. Красовским, О.А. Кустовой, Е.Н. Масловым, И.А. Миненко, Г.А. Нафиковой, Ю.О. Олейниковой, Ю.П. Поповой, Ю.С. Полушиным, М.З. Рахимовым, О.Н. Резник, О.В. Романовской, Г.Б. Романовским, Е.В. Рыжковой, Д.Р. Сангиновым, Ф.Г. Серым, О.М. Смирновой, В.О. Соколовым, К.А. Суровцевой, Д.Г. Сердюковым, Е.С. Третьяковой, Т.А. Тухватуллиным, А.Ю. Чернышевой, В.В. Шавловской, Н.В. Ярославцевой и др.

Материалы и методы

Общей методологической основой данной работы явились общенаучные методы научного познания, в частности анализ, моделирование, синтез, абстрагирование, сравнение; также были использованы специально-юридические методы: сравнительно-правовой и толкования права; а также частнонаучные методы: формально-логический, сравнительный и исторический. В качестве объекта исследования выступил анализ общественных отношений, которые возникают в процессе совершенствования правового регулирования трансплантационных технологий, а также правового противодействия противоправным деяниям в биомедицинской сфере. Теоретическую основу работы составили законодательные и иные правовые акты по правовому регулированию борьбы с незаконной трансплантацией, а также ранее проведенные исследования отечественных ученых, связанных с исследованием законодательных норм, предусматривающих ответственность за незаконный отбор донорских органов и иную противоправную деятельность по их купле-продаже с принуждением к трансплантации.

Результаты исследования

В настоящее время в большинстве развитых государств процессы в сфере трансплантологии

являются наиболее результативными формами оперативных медицинских вмешательств, которые направлены на проведение медицинских операций по пересадке донорских трансплантатов реципиентам. Подавляющее большинство клинических показателей в рассматриваемой сфере демонстрирует реальные возможности увеличения продолжительности человеческой жизни, а также ее качества на основе совершенствования трансплантационных механизмов [4, с. 65].

Между тем в настоящее время мировое сообщество сталкивается с тем, что рассматриваемые способы хирургического вмешательства в организм человека не обладают соответствующим правовым обеспечением. Большая часть правовых и этических затруднений, которые возникают в сфере трансплантологии, пока что не могут найти своего разрешения [5, с. 98].

Более того, нормативное регулирование рассматриваемых процессов носит противоречивый характер, что, в свою очередь, приводит к возникновению конфликтных ситуаций, негативно сказывающихся на развитии трансплантологии во всем мире. В связи с этим ученые признают важность немедленного полномасштабного решения всех проблемных аспектов в сфере трансплантологии, имеющих юридический характер [6, с. 45]. По мнению экспертов, обозначенная необходимость обусловлена множеством обстоятельств, и в первую очередь тем, что наибольших успехов трансплантология достигла в тех государствах, которые уделяли пристальное внимание совершенствованию правового регулирования рассматриваемой сферы, что способствовало недопущению серьезных правонарушений в области трансплантологии [7, с. 182].

Распад Советского Союза привел к тому, что его бывшие республики избрали различные правовые пути развития трансплантологии. Во многих из них, как и в ряде других государств, действует модель по регулированию данной процедуры – испрошенное согласие, «когда человек разрешает отобрать и использовать его донорский материал после смерти или же это согласие выражают члены его семьи, а также когда умершие заранее не сделали подобных распоряжений» [8, с. 89]. В России был избран собственный путь в результате принятия Федерального закона от 22 декабря 1992 г. № 4180-1-ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», основанного на презумпции согласия, по которому отбор и дальнейшее использование донорского материала трупа возможно, если донором при жизни не высказывались возражения против данной про-

цедуры или если против этого не возражают его родственники¹. Становлению и формированию правовых механизмов по регулированию трансплантологии в нашей стране также способствовал Федеральный закон от 12 января 1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»².

Сегодня в России одним из самых разработанных отечественных направлений, связанных с использованием биотехнических технологий по оказанию медицинской помощи, о котором говорится в десятом пункте второй статьи Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³, и получившим вполне достойную правовую оценку, является профессиональная деятельность, связанная с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях.

С 1 сентября 2022 г. вступил в силу Федеральный закон № 129-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О трансплантации органов и (или) тканей человека” и Федеральный закон “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”», изменивший некоторые из трансплантационных правил⁴. Так, в частности, некоторые из поправок были внесены в нормы о презумпции согласия при посмертном донорстве, согласии реципиента на трансплантацию, правах живого донора, предусмотренные Федеральным законом от 22.12.1992 № 4180-1-ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека». В то же время в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» также появились нормы о ведении Федерального регистра доноров и реципиентов костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток. Однако внесенные в отечественные законодательные нормы в сфере трансплантологии изменения не могут в полной мере содействовать эффективному противодействию противоправным деяниям в этой области.

Обсуждение и заключение

Федеральный закон от 22.12.1992 № 4180-1-ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» нуждается в обязательном дополнении, согласно которому отбор донорского материала

у живых доноров следует осуществлять только с целью проведения последующего лечения реципиентов и только когда нет пригодных трансплантатов трупов, а также не представляется возможным применение альтернативных методов лечения остро нуждающихся больных.

Одновременно с этим не следует дистанцироваться от существующих трансплантационных проблем, среди которых важнейшая – недостаточное количество донорского материала – указывает на востребованность разработки необходимого специального правового регулирования донорства. В связи с этим в Федеральном законе от 22.12.1992 № 4180-1-ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» следует закрепить права больных, нуждающихся в проведении трансплантационных операций, на обязательный доступ к федеральным трансплантационным программам. Также необходимо развивать юридическое гарантирование предупреждения любых противоправных деяний, в том числе и коррупционных, связанных с процессом получения донорских органов.

Полагаем, необходимо в Федеральном законе от 22.12.1992 № 4180-1-ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» перечислить не только органы и ткани, являющиеся объектами трансплантационных операций, но и иные фрагменты человеческого организма, в частности стволовые клетки, эмбрионы и др., выступающие в качестве предметов незаконного оборота в сфере трансплантации. Кроме того, данный законодательный акт должен определять алгоритмы использования трансплантационного материала доноров, которые не являются родственниками.

Необходимо подчеркнуть, что Федеральный закон от 22.12.1992 № 4180-1-ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» не распространяет свое действие на те отношения, которые возникают в процессе вспомогательных репродуктивных технологий. Поэтому сферу его действия следует расширить, включив в предмет правового регулирования и те общественные отношения, которые непосредственно относятся к исследованию, экспертизе, производству, хранению, ввозимому на территорию нашей страны и вывозимому из нее всего комплекса биомедицинских клеточных продуктов.

¹ О трансплантации органов и (или) тканей человека: закон Российской Федерации от 22.12.1992 № 4180-1. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2022).

² О погребении и похоронном деле: Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2022).

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2022).

⁴ О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон от 01.05.2022 № 129-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2022).

Также следует отметить, что в частях шестой и девятой статьи 47 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» не наблюдается четко сформулированной регламентации учета волеизъявлений граждан относительно их согласия либо несогласия на посмертный отбор донорского материала. Кроме того, нормы данного законодательного акта не указывают, какое количество свидетелей должно присутствовать в момент выражения волеизъявления граждан на посмертное донорство; само волеизъявление должно выражаться в письменной либо устной формах; может ли в качестве свидетелей в момент волеизъявления посмертного донорства выступать персонал медицинских учреждений; кто и каким образом должен заносить информационные данные о согласии на посмертное донорство в медицинские документы граждан.

В соответствии с частью девятой статьи 47 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» волеизъявления граждан относительно их посмертного донорства вносятся в медицинскую документацию, однако в законодательном акте не определяется, что является медицинской документацией, что, в свою очередь, ведет к нарушению принципа правовой определенности. Скорее всего, под медицинской документацией законодатель имел в виду документацию, которая связана с диагностикой, профилактикой, лечением, а также проведением ряда других мероприятий. Означает ли это, что у лиц, не имеющих обозначенной выше медицинской документации, после их смерти может быть отобран донорский материал? При этом абсолютно точно, что у граждан иностранных государств, находящихся на территории Российской Федерации с туристическими целями, нет подобной медицинской документации.

К тому же и россияне, путешествующие по стране, не смогут выступить в качестве посмертных доноров в случае внезапной гибели, поскольку у них при себе не окажется медицинской документации. Таким образом, решить данную проблему возможно только законодательно, закрепив определение медицинской документации, при этом в обязательном порядке указав на то, что доступ сотрудников медицинских организаций к телу умершего для отбора его донорского материала разрешается только при наличии медицинской документации умерших лиц. Доступ к медицинской документации не только предоставит возможность медицинским работ-

никам узнать волеизъявление умершего на посмертное донорство, но и позволит им узнать о наличии возможных заболеваний потенциального донора, которые повлияют на проведение трансплантационных операций. Кроме того, законодательный запрет на отбор трансплантатов у трупа без доступа к его медицинской документации позволит снизить различные правонарушения в рассматриваемой сфере.

Необходимо проводить исследования по изучению зарубежного положительного опыта в сфере трансплантологии и донорства с целью его использования. В связи с этим представляет интерес опыт Королевства Испании, сумевшего достичь серьезного прорыва в данной области. Так, в частности, этим государством осуществляется серьезная деятельность, направленная на реализацию госпрограммы донорства, которая основана на воспитании граждан и пропаганде добровольного донорства. Работа по развитию рассматриваемого института проводится на различных уровнях и различными субъектами под девизом «Не забирайте органы с собой на небеса» [9, с. 495].

Принимая во внимание колоссальную нехватку трансплантатов для проведения трансплантационных операций, необходимо на государственном уровне развивать пропагандистскую и просветительскую работу, разъясняя соотечественникам необходимость оформления добровольных согласий на посмертное использование их донорского материала. Средства массовой информации на основе социальной рекламы могли бы помочь населению осознать, что прижизненно оформленное бесплатное донорство – это гуманная и благородная миссия, направленная на спасение человеческих жизней.

По нашему мнению, необходимо провести исследование с учетом зарубежных достижений, на основании которого следует внести предложения по разработке и принятию Государственной программы Российской Федерации, направленной на развитие донорства. Данная программа не должна копировать «ведомственную целевую программу донорства и трансплантации органов, целью которой является только повышение доступности медицинской помощи методом трансплантации»¹, а предусматривать организационные, правовые и профилактические государственные меры по поощрению и развитию легального донорства в стране и недопущению, а также минимизации его негативных составляющих. Среди субъектов, которые могут быть задействованы в ее реализации,

¹ Об утверждении ведомственной целевой программы «Донорство и трансплантация органов в Российской Федерации»: приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 04.06.2019. № 365. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72173782/> (дата обращения: 20.12.2022).

должны быть не только сотрудники органов исполнительной власти и представители медицинского сообщества, но и различные общественные организации, представители научного сообщества и волонтеры.

Учитывая зарубежный положительный опыт и основываясь на международно-правовых принципах, следует внести предложения по разработке правового механизма, направленного на поощрительные меры «при добровольном посмертном донорстве, которое основывалось бы на прижизненном юридически оформленном согласии потенциальных доноров о посмертном безвозмездном использовании их донорского материала» [10, с. 51]. В случае смерти таких лиц их донорский материал отбирался бы на безвозмездной основе, но при этом потенциальные доноры могли бы поощряться прижизненно различными медицинскими льготами в организациях здравоохранения, а также в случае их смерти имели право бесплатного или же льготного погребения.

Также необходимо отметить, что особое внимание следует уделять случаям, в которых пациенты-реципиенты выезжают за границу для пересадки органов либо прибывают из-за границы. Кроме того, решающим фактором при расследовании связанных с данным преступлением уголовных дел является определение роли медицинского персонала, как в предотвращении этих преступлений, так и в представлении информации о сомнительных случаях пересадки человеческих органов.

Результаты анализа зарубежного законодательного опыта по криминализации деяний в сфере трансплантологии показали, что «многочисленные уголовные законы зарубежных стран содержат нормы, которые предусматривают виды уголовной ответственности за незаконную деятельность в сфере трансплантологии» [11, с. 197]. Так, в частности, Уголовным кодексом Франции охраняется широкий спектр общественных отношений в сфере трансплантологии среди которых: получение от человека какого-либо из его органов на условиях оплаты в любой форме и посредничество в таком получении (ст. 511-2); изъятие какого-либо органа у человека при отсутствии его согласия, полученного в порядке, установленном специальным законом (ст. 511-3); изъятие (трансплантация) органов в учреждении, не получившем на это специального разрешения (ст. 511-7) и др.»¹.

С целью совершенствования правового регулирования трансплантации в настоящее время требуется на регулярной основе проводить исследования по данной проблематике, на материалах которых разрабатывать и законодательно закреплять необходимые меры, способствующие эффективному правовому регулированию рассматриваемой сферы. Предпринятый комплекс правовых мероприятий мог бы позволить добиться снижения фактов различных злоупотреблений в сфере трансплантологии, избежав применения мер наказания за совершенные противоправные деяния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чернова Ю.А. Проблемы законодательного регулирования механизма выражения учета волеизъявления на изъятие органов и (или) тканей из тела человека // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2018. № 1 (20). С. 180-185.
2. Баумова Ж.С. Использование в целях трансплантации донорских органов несовершеннолетних: «за» и «против» // Молодой ученый. 2017. № 17.1. С. 6-7.
3. Кобец П.Н. Об основных причинах и условиях, способствующих незаконной трансплантации органов и тканей человека // Медицинское право. 2021. № 3. С. 9-14.
4. Третьякова Е.С., Атаманюк Я.Д. Проблемы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека в международном и национальном праве // Новый юридический вестник. 2020. № 7 (21). С. 64-65.
5. Билера В.Г., Сафронова Е.В. Правовые и этические проблемы трансплантации органов человека // Медицинское право: теория и практика. 2019. Т. 5. № 2 (10). С. 94-100.
6. Стеценко С. Трансплантология: юридические проблемы // Законность. Москва, 2004. № 11. С. 44-46.
7. Дудникова А.Н., Калугин А.Н. Некоторые проблемы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека в российском законодательстве // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2011. № 4. С. 182-185.
8. Ильяшенко А.В. Правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека в европейских странах // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 1 (29). С. 87-90.

¹ Уголовный кодекс Франции: принят в 1992 г.; вступил в силу с 1 марта 1994 г.; с изм. и доп. на 1 янв. 2002 г. / науч. редактирование Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; пер. с фр. и предисл. Н.Е. Крыловой. Санкт-Петербург.: Юрид. центр Пресс, 2002. 648 с.

9. Козина А.М., Жабаяева Э.Ж. Пашкова Е.П. Проблемы трансплантологии: исторические и законодательные аспекты // Наука среди нас. 2018. № 4 (8). С. 492-496.
10. Коваленко В.И. Криминологическая оценка незаконной трансплантации органов и тканей человека в России // Юристы-Правоведы. 2011. № 6 (49). С. 49-54.
11. Шавловская В.В. Ответственность за торговлю органами, тканями и клетками: зарубежный взгляд // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 7. С. 194-198. DOI: 10.23672/b8908-8841-4164-e

REFERENCES

1. Chernova YU.A. Problemy zakonodatelnogo regulirovaniya mekhanizma vyrazheniya uchyota voleiz'yavleniya na iz'yatie organov i (ili) tkanej iz tela cheloveka // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Pravo. 2018. № 1 (20). S. 180-185.
2. Baumova ZH.S. Ispol'zovanie v celyah transplantacii donorskikh organov nesovershennoletnih: «za» i «protiv» // Molodoj uchenyj. 2017. № 17.1. S. 6-7.
3. Kobec P.N. Ob osnovnykh prichinah i usloviyah, sposobstvuyushchih nezakonnoj transplantacii organov i tkanej cheloveka // Medicinskoe pravo. 2021. № 3. S. 9-14.
4. Tret'yakova E.S., Atamanyuk YA.D. Problemy pravovogo regulirovaniya transplantacii organov i tkanej cheloveka v mezhdunarodnom i nacional'nom prave // Novyj yuridicheskij vestnik. 2020. № 7 (21). S. 64-65.
5. Bilera V.G., Safronova E.V. Pravovye i eticheskie problemy transplantacii organov cheloveka // Medicinskoe pravo: teoriya i praktika. – 2019. T. 5. № 2 (10). S. 94-100.
6. Stecenko S. Transplantologiya: yuridicheskie problemy // Zakonnost'. Moskva, 2004. № 11. S. 44-46.
7. Dudnikova A.N., Kalugin A.N. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya transplantacii organov i tkanej cheloveka v rossijskom zakonodatel'stve // Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2011. № 4. S. 182-185.
8. Il'yashenko A.V. Pravovoe regulirovanie transplantacii organov i tkanej cheloveka v evropejskikh stranah // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2014. № 1 (29). S. 87-90.
9. Kozina A.M., ZHabaeva E.ZH. Pashkova E.P. Problemy transplantologii: istoricheskie i zakonodatel'nye aspekty // Nauka sredi nas. 2018. № 4 (8). S. 492-496.
10. Kovalenko V.I. Kriminologicheskaya ocenka nezakonnoj transplantacii organov i tkanej cheloveka v Rossii // YUrist"-Pravoved". 2011. № 6 (49). S. 49-54.
11. SHavlovskaya V.V. Otvetstvennost' za trgovlyu organami, tkanyami i kletkami: zarubezhnyj vzglyad // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2022. № 7. S. 194-198. DOI: 10.23672/b8908-8841-4164-e



Информация об авторе:

Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности ВНИИ МВД России, ORCID: 0000-0001-6527-3788, pkobets37@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Kobets Petr Nikolaevich, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Chief Researcher of the Department of Scientific Information, Scientific Personnel Training and Ensuring the Activity of Scientific Councils of the Center of Organizational Support of Scientific Activity of the All-Russian Research Institute of MIA of Russia, ORCID: 0000-0001-6527-3788, pkobets37@rambler.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 21.12.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.141
DOI: 10.37973/KUI.2023.42.10.012



РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Сергей Александрович Коноваленко¹, Трофимов Михаил Николаевич²,
^{1,2} Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Рязань, Россия,
¹ sergey_marsel@mail.ru, ² trofimov_fanat1k@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена статистическому анализу экономической преступности в Центральном федеральном округе, в том числе в Рязанской области, на основе результатов оперативно-служебной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК).

Материалы и методы: в качестве эмпирической основы исследования использованы статистические данные формы «5-БЭП» ГИАЦ МВД России, сформированные за 2019 – 2021 гг. При написании статьи использованы методы экономико-статистического анализа.

Результаты исследования: авторами проведен анализ работы оперативных подразделений ЭБиПК на региональном уровне, рассмотрен и проанализирован комплекс мер, направленных на выявление, пресечение и раскрытие преступлений экономической и коррупционной направленности.

Обсуждение и заключение: проведение оценки состояния экономической преступности на региональном уровне обеспечивает возможность определения основных проблемных вопросов в части выявления, пресечения и раскрытия преступлений экономической и коррупционной направленности и способов противодействия им как на уровне субъектов РФ, так и в целом на федеральном уровне. Работа оперативных подразделений ЭБиПК УМВД России по Рязанской области за исследуемый период может быть признана удовлетворительной в части обеспечения экономической безопасности Рязанской области. Вместе с тем уровень раскрываемости преступлений экономической направленности в области остается низким, а эффективность работы следственных органов – недостаточно удовлетворительной. Авторами предлагаются некоторые способы и меры повышения эффективности выявления и раскрываемости преступлений экономической направленности.

Ключевые слова: преступления экономической направленности; ущерб; анализ; проблемы выявления и раскрытия преступлений

© Коноваленко С.А., Трофимов М.Н., 2023

Для цитирования: Коноваленко С.А., Трофимов М.Н. Региональные аспекты оценки состояния экономической преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 90 – 101. DOI: 10.37973/KUI.2023.42.10.012

Scientific article

UDC 343.141

DOI: 10.37973/KUI.2023.42.10.012

REGIONAL ASPECTS OF ASSESSING THE STATE OF ECONOMIC CRIME

Sergey Aleksandrovich Konovalenko¹, Mikhail Nikolaevich Trofimov²,

^{1,2} the Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ryazan' Branch),
Ryazan', Russia,

¹ sergey_marsel@mail.ru, ² trofimov_fanat1k@mail.ru

Abstract

Introduction: the article aimed at the statistical analysis of economic crime in the Central Federal District, including in the Ryazan region, based on the results of the official activities of economic security and anti-corruption departments.

Materials and Methods: statistical data of the form 5-BEP of Federal State Institution “Main Information and Analytical Center” obtained from 2019 to 2021 years were used as empirical basis for the study.

Results: the authors conducted a thorough analysis of the activity of the economic security and anti-corruption departments on the regional level, analyzed measures designed to identify, suppress and detect economical and corruption offenses.

Discussion and Conclusions: regional assessment of economic crimes provides identification of key areas of concern in detection, suppression and solving economical and corruption offenses and ways to combat them both at the federal and regional levels. The activity of the operating units of economic security and anti-corruption departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Ryazan region during the period in question could be deemed satisfactory in ensuring economic security in the Ryazan region. However, the level of detecting economical crimes in the regional is low, and the effectiveness of the work of investigative agencies is unsatisfactory.

Keywords: economic crimes; damage; analysis; problems of detection and disclosure of crimes

© Konovalenko S.A., Trofimov M.N., 2023

For citation: Konovalenko S.A., Trofimov M.N. Regional Aspects of Assessing the State of Economic Crime. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 90 – 101. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.42.10.012

Введение

В условиях санкционного давления недружественных государств особое значение приобретает нейтрализация угроз, возникающих в результате повышения уровня преступности в экономической сфере, прежде всего на региональном уровне. От деятельности правоохранительных органов на региональном уровне, корректной оценки их эффективности во многом зависит сохранение, прежде всего, экономического потенциала региона, его устойчивое социально-экономическое развитие, своевременная компенсация ущерба от противоправных деяний преступников. В связи с этим изучение проблем повышения эффективности в выявлении и раскрываемости экономической направленности – важная и актуальная задача научного обеспечения органов внутренних дел.

Во исполнение стоящих перед МВД России задач по обеспечению экономической безопасности и борьбе с коррупцией проанализируем региональный аспект состояния экономической преступности за 2019 – 2021 годы, проведем оценку эффективности работы подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России по Рязанской области, рассмотрим проблемы выявления и раскрытия экономических преступлений в регионе, предложим соответствующие способы решения.

Материалы и методы

При работе над статьей авторы опирались на статистические данные формы «5-БЭП» ГИАЦ МВД России за 2019 – 2021 гг. [1].

В качестве анализа основных направлений рассмотрены приоритетные направления борьбы с экономическими преступлениями, отраженные в распоряжении МВД России от

12.09.2019 № 1/1552дсп. В качестве основных методов исследования использовались методы многомерного статистического анализа, описательный метод, методы индукции и дедукции.

Результаты исследования

При оценке эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению и раскрытию экономической преступности следует руководствоваться распоряжением МВД России от 12.09.2019 № 1/1552дсп¹. Служебный документ обращает внимание на ряд показателей, представленных в таблице 1. Согласно представленным данным, отмечается отрицательная динамика выявляемости преступлений экономической на-

восстановления после снижения уровня пандемии COVID-19.

В результате принятых мер выявлено больше должностных преступлений (*с 48 до 53; +10,4%*), уголовно наказуемых деяний в сфере финансово-кредитной системы (*с 97 до 136; +40,2%*), здравоохранения (*с 6 до 16; +166,7%*), госзаказа (*с 2 до 3; +50%*), лесопромышленного (*с 4 до 12; +200 %*) и оборонно-промышленного (*с 1 до 4; +300%*) комплексов, строительства (*с 17 до 20; +17,6%*), земельных отношений (операций с землей) (*с 0 до 5; +100%*).

Во взаимодействии подразделений УЭБиПК по Рязанской области со следственными органа-

Таблица 1. Показатели деятельности УЭБиПК за 2019 – 2021 годы по данным УМВД по Рязанской области

Table 1. Key Performance Indicator of the Department of Economic Security and Anticorruption Services (2019 – 2021) According to the Ryazan Oblast Department of Internal Affairs

Показатели эффективности ОРМ	2019	2020	2021	2021 в % к 2019
Выявлено преступлений экономической направленности, в том числе:	337	309	298	88,4
следствие, по которым обязательно	305	309	274	89,8
тяжкие и особо тяжкие посягательства	205	168	183	40,5
совершены в крупном и особо крупном размерах	138	101	114	82,6

правленности. Так, с 2019 по 2021 г. общее сокращение выявленных преступлений экономической направленности составило около 12%, следствие по которым обязательно – 11%, количество тяжких преступлений уменьшилось за анализируемый период более чем на 50%.

В 2021 году по отношению к 2020 году выявлено на 12,9% больше преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размерах, в том числе на 24% – коррупционной направленности, в 3 раза – предусмотренных ст. 290, 291¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, на 9,1% больше выявлено лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие уголовно наказуемые деяния [2].

В таблице 1 отмечается динамика сокращения выявляемых преступлений экономической направленности по всем направлениям и видам, при этом наибольшее сокращение – около 60% – отмечается по тяжким и особо тяжким составам. Следует отметить, что в 2021 году отмечается рост тяжких и особо тяжких посягательств, а также совершенных в крупном и особо крупном размерах. Такая тенденция связана с увеличением деловой активности в экономике и ее

непрерывно проводится комплекс мероприятий, направленных на возмещение ущерба от противоправной деятельности. В частности, приняты меры на сумму 279 710 тыс. рублей, в том числе в виде ареста на сумму 172 811 тыс. рублей, при размере причиненного ущерба по окончанным и приостановленным уголовным делам в 252 383 тыс. рублей. Таким образом, доля возмещенного от причиненного материального ущерба по окончанным и приостановленным уголовным делам составила 110,8%.

Одним из важнейших критериев эффективности работы правоохранительных органов является раскрываемость экономических преступлений. Основные показатели раскрываемости представлены в таблице 2. В настоящее время рост ущерба от совершенных преступлений экономической направленности не приводит к росту процента соотношения выявленных и раскрытых преступлений экономической направленности.

Анализ данных таблицы 2 свидетельствует о существовании негативной тенденции в состоянии раскрытия экономических преступлений.

¹ О системе изучения и оценки оперативно-служебной деятельности территориальных органов МВД России по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экономической и коррупционной направленности.

Таблица 2. Показатели эффективности следственных действий за 2019 – 2021 годы по данным УМВД России по Рязанской области

Table 2. Key Performance Indicator of Investigations (2019 – 2021) According to the Ryazan Region Department of Internal Affairs

Показатели эффективности следственных действий	2019	2020	2021	2021 к 2019, %
Раскрыто преступлений экономической направленности	129	117	106	82,2
Обеспечено окончание предварительного расследования и направление в суд	101	184	68	67,3
Выявлено лиц, совершивших экономические преступления	155	77	84	54,2
Размер причиненного материального ущерба по окончанным уголовным делам составил, тыс. руб.	101891	266993	279 710	274,5
Получены средства в бюджеты различных уровней, тыс. руб.	121353	238138	252383	208,0
Процент соотношения выявленных и раскрытых преступлений, %	38,50	37,9	35,6	-

Таблица 3. Статистический анализ экономической преступности по данным УМВД России по Рязанской области

Table 3. Economic Crime Statistics According to the Ryazan Region Department of Internal Affairs

Виды преступлений	2018	2019	2020	2021	2021 % к 2018
Налоговые преступления (ст.ст. 159, 198-199.2 УК РФ)	14	18	17	15	107,1
Преступления коррупционной направленности	27	30	87	79	292,6
Преступления в кредитно-финансовой сфере	90	140	97	136	151,1
в бюджетной сфере	58	59	39	18	31,0
в АПК	9	12	5	4	44,4
в телекоммуникационной отрасли и связи	5	7	2	0	-100
в сфере потребительского рынка	97	64	130	95	97,9
в строительстве	30	15	17	20	66,7
в ЖКХ	19	14	12	10	52,6
в ТЭК	9	7	17	10	111,1

Так, остается тенденция сокращения соотношения выявленных и раскрытых преступлений. Только каждое четвертое преступление экономической направленности в регионе раскрывается следственными органами (общий уровень раскрываемости за три года остается на уровне 37%).

Вместе с тем общей тенденцией является сокращение общего количества выявляемых преступлений экономической направленности при одновременном увеличении суммы причиненного материального ущерба по окончанным уголовным делам. Следует отметить, что положительным фактом в работе подразделений УЭ-БиПК по Рязанской области является повышение процента возмещения правонарушителями средств в бюджеты различных уровней. Так, на

конец 2021 года он составил более 90% от суммы причиненного экономического ущерба, что выше среднего по России (75%).

Согласно представленным данным, отмечается рост налоговых преступлений, преступлений в кредитно-финансовой сфере, в топливно-энергетическом комплексе, а также зафиксирован значительный рост преступлений коррупционной направленности. Статистический анализ дает основание утверждать, что наименее эффективными в части выявленных экономических преступлений в области являются цифровая и телекоммуникационная сферы; ЖКХ; АПК и бюджетная сфера.

Относительно стабильной является статистика по налоговым составам преступлений, которые возбуждаются в основном по результатам выезд-

ных проверок ФНС России. В настоящее время на региональном уровне приоритетным направлением в борьбе с экономическими преступлениями является расследование преступлений коррупционной направленности и преступлений в финансово-кредитной сфере. Это связано с тем, что преступники успевают произвести вывод средств организации вследствие отсутствия блокировки счетов во время процедуры расследования; имеется сложность доказывания признания недействительности сделок в отношении аффилированных фирм-однодневок; требуется проведение сложных и длительных судебно-экономических экспертиз по проводимым сделкам.

К отдельным резонансным преступлениям следует отнести финансовое мошенничество. Оно эволюционирует и развивается, появляются новые способы, схемы совершения преступных деяний, совершенствуются методы и технические возможности мошенников. Для того чтобы противостоять данным социально-опасным видам правонарушений, необходимо изучать действующие способы совершения мошеннических действий в современной социально-ориентированной модели рыночной экономики, важно повышать уровень финансовой грамотности населения страны, проводя системную разъяснительную работу в обществе.

В рамках реализации Национальной стратегии противодействия коррупции на региональном уровне осуществляется комплекс мероприятий по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений коррупционной направленности. Выявление и расследование преступлений коррупционной направленности является приоритетным направлением в деятельности подразделений ЭБиПК. Статистический анализ преступлений коррупционной направленности по данным УМВД России по Рязанской области за 2021 год представлен в таблице 4.

Согласно данным за 2021 год, самые высокие показатели выявляемости коррупционных преступлений показали: г. Москва – 1-е место по ЦФО и 4-е место по России, Брянская область – 2-е место в ЦФО и 11-е по России, Воронежская область – 3-е место по ЦФО и 29-е по России. Наиболее низкие показатели во Владимирской области, Рязанской и Тамбовской областях.

Несмотря на определенное снижение в регистрации выявленных в текущем году коррупционных преступлений, следует отметить, что выявлено на 24% больше деяний рассматриваемой категории в крупном или особо крупном размерах (с 25 до 31). Также выявлено в два раза больше фактов взяточничества (ст. 290-291¹ УК РФ), сум-

Таблица 4. Статистический анализ преступлений коррупционной направленности в Центральном федеральном округе

Table 4. Corruption Crime Statistics in the Central Federal District

Результаты подразделений ЭБиПК по выявлению преступлений коррупционной направленности, 2021 год	Штат	Выявлено корр. напр.	Ранг с учетом штата	
			ЦФО	Россия
Белгородская обл.	160	112	9	44
Брянская обл.	162	214	2	11
Владимирская обл.	154	41	18	80
Воронежская обл.	253	243	3	29
Ивановская обл.	130	82	11	60
Калужская обл.	156	117	7	40
Костромская обл.	80	46	13	63
Курская обл.	147	128	4	31
Липецкая обл.	137	80	12	62
г. Москва	1095	1712	1	4
Московская обл.	737	587	6	36
Орловская обл.	127	91	8	43
Рязанская обл.	139	62	17	75
Смоленская обл.	129	109	5	33
Тамбовская обл.	113	52	16	74
Тверская обл.	157	86	14	66
Тульская обл.	166	114	10	47
Ярославская обл.	129	60	15	73

Таблица 5. Статистический анализ раскрываемости преступлений экономической направленности по данным УМВД России по Рязанской области

Table 5. Economics Crime Detection Rates According to the Ryazan Region Department of Internal Affairs

Результаты работы подразделений ЭБиПК по борьбе с организованной преступностью, январь-декабрь 2021 года	Штат	Выявлено корр. напр.	Ранг с учетом штата	
			ЦФО	Россия
Белгородская обл.	179	179	16	72
Брянская обл.	270	270	7	48
Владимирская обл.	246	246	9	50
Воронежская обл.	469	469	3	36
Ивановская обл.	224	224	5	42
Калужская обл.	206	206	12	65
Костромская обл.	135	135	6	47
Курская обл.	153	153	17	74
Липецкая обл.	176	176	13	68
г. Москва	4956	4956	1	2
Московская обл.	2362	2362	2	8
Орловская обл.	227	227	4	40
Рязанская обл.	134	134	18	79
Смоленская обл.	181	181	11	62
Тамбовская обл.	183	183	8	49
Тверская обл.	236	236	10	56
Тульская обл.	198	198	14	70
Ярославская обл.	145	145	15	71

ма взятки по которым превышает 150 тысяч рублей и 1 млн рублей соответственно (по ст. 290 УК РФ – с 2 до 5, по ст. 291 УК РФ – с 3 до 4, по ст. 291¹ УК РФ – с 1 до 4). Более чем в 20 раз увеличилась сумма взятки по ст. 290 УК РФ (2017 г. – 6392 тыс. руб., 2018 г. – 553 тыс. руб., 2019 г. – 538 тыс. руб., 2020 г. – 505 тыс. руб., 11 мес. 2021 г. – 10847 тыс. руб.), средний размер которой (1084,7 тыс. руб.), с учетом штатной численности, соответствует 1 месту по ЦФО и 7 месту по России.

Далее рассмотрим результаты раскрытия преступлений экономической направленности по данным ЦФО.

Согласно представленным данным, наиболее эффективными с позиции раскрываемости преступлений экономической направленности являются следственные органы г. Москвы – 1-е место по ЦФО и 2-е место по России, Московская область – 2-е место и 8-е по России, Воронежская область – 3-е место по ЦФО и 36-е по России.

Отрицательные результаты по уровню раскрытия преступлений экономической направленности были зафиксированы в Рязанской области – 18-е место по ЦФО и 79-е место по России, Курской области – 6-е место по ЦФО и 74-е по России, Белгородской области – 16-е место по ЦФО и 72-е по России.

В целом работа оперативных подразделений по линии ЭБиПК УМВД России по Рязанской области за исследуемый период в части обеспечения экономической безопасности области может быть признана удовлетворительной. Данный вывод можно заключить исходя из положительной динамики ряда ключевых показателей (роста возмещения ущерба в бюджеты различных уровней, увеличения числа выявления коррупционных преступлений и преступлений в кредитно-финансовой сфере) и относительно удовлетворительного места в рейтинге служебной деятельности среди территориальных подразделений органов внутренних дел.

Вместе с тем уровень раскрываемости преступлений экономической направленности в области остается низким, а эффективность работы следственных органов неудовлетворительной [3].

Необходимо отразить и рассмотреть факторы снижения эффективности правоохранительных органов по выявлению и расследованию преступлений экономической направленности за 2019 – 2021 годы. Нами определен ряд причин:

1. Важной проблемой выявления и расследования преступлений экономической направленности является высокая латентность преступлений. Экономические преступления можно считать латентными в связи с необходимостью получения,

прежде всего, документальных доказательств преступной деятельности и использования широкого спектра методов и способов скрытия следов преступлений злоумышленниками при их совершении.

2. Сложность получения следователем оперативных заключений по результатам экспертиз. В настоящее время имеется проблема своевременности получения экспертных заключений в рамках расследования уголовных дел экономической направленности. Связано это с ограничением количеством экспертных учреждений, сложностью проводимых экспертиз, а в некоторых случаях их дороговизной.

3. Одной из проблем в данной сфере следует считать отнесение различных категорий уголовных дел к подследственности разных следственных органов (подразделений), сложность во взаимодействии между контролирующими органами. Основной здесь следует признать проблему взаимодействия контролирующих органов и подразделений ЭБиПК. Так, небольшое количество дел возбуждается по результатам проверок Счетной палаты Российской Федерации, контрольно-ревизионных органов, Банка России, в связи с этим требуется усилить данное сотрудничество путем включения в состав проверок сотрудников ЭБиПК.

4. Недостаток квалифицированных следователей, специализирующихся на расследовании преступлений экономической направленности. Для эффективного расследования уголовных дел по преступлениям экономической направленности необходимо иметь достаточные знания в сфере экономики, уголовного права и оперативно-розыскной деятельности. В системе МВД России ограниченное количество образовательных организаций готовит специалистов по линии ЭБиПК. По нашему мнению, требуется увеличить их количество.

5. Недостаточное взаимодействие оперативных подразделений и следственных органов при расследовании экономических преступлений. Существенная зависимость оперативных подразделений от следствия. Данная проблема возникает в связи с тем, что в ряде случаев в регионе не сложилась соответствующая практика возбуждения уголовных дел экономической направленности. Например, следственные органы отказывают в возбуждении уголовных дел по ст. 160 УК РФ в отношении руководителей государственных учреждений, присвоивших себе большую часть премий коллектива. В этом случае главным основанием в отказе от возбуждения уголовного дела

является утверждение того, что принцип санкционирования в бюджетном учете не нарушен, а распределение происходило в рамках утвержденных бюджетных лимитов.

6. Отказ в возбуждении уголовного дела при незначительном материальном ущербе [4]. Данная проблема связана как с законодательными ограничениями (необходимо снижать на законодательном уровне лимит по значительному, крупному и особо крупному ущербу), так и с низким прожиточным минимумом в регионах.

7. Отсутствие действенных методик оценки ущерба. На практике нередки проблемы, связанные с определением размера ущерба и конкретного субъекта, которому он причинен (физическому или юридическому лицу, учредителям, кредиторам, акционерам, работникам и другим). В настоящее время не существует действенных методик оценки ущерба законодательно или нормативно утвержденными приказами МВД России и соответствующими министерствами и ведомствами. В связи с этим специалисты-ревизоры ОДИ ЭБиПК УМВД России, эксперты испытывают трудности при доказывании и подтверждении сумм экономического ущерба. Необходимо разработать единые методики оценки ущерба по типовым составам экономических преступлений и утвердить их ведомственными нормативными актами.

8. Осуществление расследования экономического преступления характеризуется, как правило, большим объемом следственных и иных процессуальных действий. Особо следует отметить необходимость производства множества судебных экспертиз, как традиционных, например, криминалистических, так и специфических для данного вида преступлений, в том числе экономических, финансовых, бухгалтерских, строительных и других. Высокая стоимость подобных экспертиз и длительные сроки их производства – основные проблемы, возникающие при расследовании уголовных дел экономической направленности.

9. Судебные коллизии по делам экономической направленности. Например, в настоящее время сформировалась противоречивая судебная практика при рассмотрении ходатайств о наложении ареста на имущество по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов с организации (ст. 199 и 199¹ УК РФ). Так, у судов в настоящее время нет единой правовой позиции относительно того, на чье имущество следует налагать арест. В одних случаях суд исходит из того, что невозможно наложить арест на имущество юри-

дического лица, поскольку ущерб от совершения налогового преступления причиняется физическим лицом. В других случаях суд считает, что имущество физического лица не подлежит аресту, поскольку в соответствии с налоговым законодательством лицом, юридически обязанным платить налоги, выступает не должностное лицо организации, а сама организация-налогоплательщик.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 года № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199 УК РФ, по гражданскому иску в качестве ответчика может быть привлечено физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с законодательством (ст. 1064 и 1068 ГК РФ) несет ответственность за вред, причиненный преступлением (ст. 54 УПК РФ).

Разрешая же вопрос на практике, Верховный Суд Российской Федерации при рассмотрении конкретного уголовного дела указал, что руководитель (учредитель) организации, совершая противоправные действия, руководствуется преступным умыслом, направленным на уклонение от уплаты налогов, реализовав который, причиняет ущерб бюджету России. В связи с этим нести гражданско-правовую ответственность за ущерб, причиненный налоговым преступлением, должно физическое лицо. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что вопрос о том, кто должен возместить ущерб в случае уклонения от уплаты налога с организации – физическое или юридическое лицо, разрешается в каждом конкретном деле с учетом имеющихся доказательств. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» арест имущества физического лица возможен, если будет доказано, что имущество получено им в результате противоправной деятельности, поэтому предлагается в этом случае осуществлять арест хозяйственных средств юридических лиц.

10. При совершении экономических преступлений, как правило, важно установление всей

цепочки субъектов преступлений и схем совершения преступных деяний. В случае несвоевременного и неполного установления всех участников и фигурантов преступных схем преступниками и их пособниками будут проведены действия по уничтожению документации и сокрытию невыявленных следов. Таким образом, возникает проблема следственной практики из-за возникающего временного разрыва при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

11. Серьезной проблемой является длительное рассмотрение направленных в иностранные государства запросов о правовой помощи. В настоящее время большинство двухсторонних договоров о сотрудничестве РФ и иностранных государств в части противодействия преступности приостановлены, а с начала специальной военной операции на Украине произошел разрыв ряда соглашений с недружественными государствами о сотрудничестве и обмене информации в данной сфере.

12. Также следственные органы фактически лишены какой-либо возможности оперативно принимать меры к «замораживанию» и блокированию банковских счетов. Даже получение судебного решения в российском суде, а также исполнение запроса о правовой помощи компетентными органами иностранного государства занимает несколько дней, тогда как преступники перечисляют денежные средства мгновенно, используя возможности современных платежных сервисов и криптовалют.

13. Дальнейшая либерализация уголовного законодательства и «монетизация» уголовной ответственности¹.

С учетом приведенных критериев законопроектом предлагается отнести к категории уголовного проступка 112 составов преступлений, включая 53 состава преступлений в сфере экономики, ответственность за которые предусмотрена статьями раздела VIII Уголовного кодекса Российской Федерации (главы 21, 22 и 23) [5].

В качестве основных мер ответственности предлагается использовать судебный штраф и принудительный платеж. Размер принудительного платежа зависит от тяжести совершенного уголовного правонарушения (проступка или преступления) [6].

Таким образом, уголовное законодательство в части преступлений экономической направлен-

¹ Под монетизацией уголовной ответственности, по мнению авторов, следует понимать направленность судебной и правоохранительной системы на замену денежным штрафом (с обязательным условием полного возмещения ущерба от преступных деяний) таких видов наказаний, как ограничение и лишение свободы, исправительные и обязательные работы (а в некоторых случаях иных видов наказаний), за совершение преступлений экономической направленности.

ности будет иметь четкую тенденцию на либерализацию, при этом количество возбужденных уголовных дел будет постоянно сокращаться в долгосрочном периоде, а объем возмещаемого ущерба возрастать.

Способы и меры повышения эффективности выявления и раскрываемости преступлений экономической направленности

1. Обобщение национального опыта выявления преступлений в сфере экономики; организация соответствующих сборов, семинаров, конференций, в частности, с представителями контролирующими государственными органами, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, а также разработку методических рекомендаций по выявлению и раскрытию преступлений экономической направленности.

2. Осуществление мероприятий по устранению существующих недостатков в информационном взаимодействии контрольно-надзорных, правоохранительных и других органов, в частности, при помощи нормативного регулирования взаимоотношений (путем подписания дополнительных соглашений и договоров сотрудничества на региональном уровне). Важно предусмотреть возможность предоставления оперативно-значимой информации в результате проверок контролирующими органами.

3. Изучение международного опыта выявления преступлений в сфере экономики, расширение сфер сотрудничества между различными подразделениями, внедряющими международный опыт борьбы с экономическими преступлениями [7].

4. Подготовка единых методик расчета ущерба по типовым составам экономических преступлений и их утверждения на уровне МВД России.

5. Увеличение количества образовательных организаций МВД России, подготавливающих сотрудников по линии ЭБиПК.

6. Увеличение количества ведомственных экспертно-криминалистических учреждений, увеличение штатной численности экспертов в них для повышения уровня оперативности и своевременности проводимых экспертиз.

7. Проведение постоянной профилактической работы совместно с компетентными органами среди населения различных возрастов и социальных групп по предупреждению фактов финансовых мошенничеств, необходимо обязать кредитно-финансовые учреждения осуществлять активную работу по развитию систем искусственного интеллекта для выявления мошенников и защиты персональных данных клиентов.

8. Осуществление работы по созданию действенного механизма компенсации потерь и ущерба, нанесенного гражданам в результате противоправных деяний.

9. Совершенствование механизма взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов с общественными и парламентскими комиссиями по вопросам противодействия коррупции и экономической преступности, а также с гражданами и институтами гражданского общества.

Работа региональных подразделений ЭБиПК по выявлению и раскрытию коррупционных преступлений и преступлений экономической направленности, а также профилактике коррупционного поведения должна строиться на постоянном взаимодействии с другими правоохранительными органами и органами публичной власти в регионах, а также на постоянной основе должна осуществляться работа с населением и общественными организациями, исключением здесь должны быть только религиозные организации. Только при объединении усилий со стороны общества и государства эффективность антикоррупционных и профилактических мер будет усиливаться.

В рамках развития данного направления деятельности ОВД необходимо принимать участие в разработке и осуществлении комплекса мер, направленных на выработку у общественности негативного и даже нетерпимого отношения к коррупционным проявлениям.

Также следует уделять внимание проведению круглых столов и семинаров, в рамках которых необходимо рассматривать проблемы, связанные с противодействием коррупции, совершенствованием антикоррупционного законодательства Российской Федерации и повышением уровня грамотности населения в сфере коррупционных правонарушений.

10. Совершенствование системы и структуры государственных органов, создание механизмов общественного контроля за их деятельностью.

В отношении правоохранительных органов направление развития антикоррупционной деятельности и борьбы с экономическими преступлениями должно проявляться, прежде всего, в контроле за недопущением конфликта интересов прежде всего в МВД России, реализации мер, направленных на пресечение и своевременное устранение нарушений установленных правил служебного поведения.

Не менее важным условием эффективности данного направления антикоррупционной политики является анализ причин и условий, оказав-

ших влияние на совершение коррупционных деяний лицами, признанными судом виновными.

11. С целью решения проблемы повышения раскрываемости преступлений экономической направленности считаем целесообразным предложить организацию совместных учений сотрудников следственных и оперативных подразделений, занимающихся раскрытием преступлений экономической направленности. Будет целесообразно из числа таких сотрудников создать оперативно-следственные группы, которые будут базироваться не только в ОВД на территориальном, но и на региональном и межрегиональном уровнях.

Серьезной проблемой является отсутствие высококвалифицированных специалистов для проведения судебно-экономических экспертиз. Считаем целесообразным увеличить штат сотрудников ЭКЦ региона в части экспертов-экономистов.

12. С целью повышения эффективности противодействия преступлениям экономической направленности считаем обоснованным дать ряд рекомендаций:

- усилить общественный контроль за деятельностью должностных лиц в органах государственной власти;

- организовать трансляцию в средствах массовой информации обучающих программ (сюжетов, роликов) для населения, в которых будет разъясняться действующее законодательство, регулирующие общественные отношения в кредитно-финансовой сфере и экономики;

- усилить пропагандистскую работу СМИ.

Обсуждение и заключение

В 2019 – 2021 годах отмечается отрицательная динамика выявляемости и раскрываемости преступлений экономической направленности, при этом размер ущерба, нанесенный потерпевшим,

увеличивается. Причины снижения эффективности деятельности правоохранительных органов по линии ЭБиПК можно разделить на объективные и субъективные. К объективным причинам следует отнести, прежде всего, проблему взаимодействия оперативных подразделений и следственных органов при расследовании экономических преступлений, а также некомплект следователей в регионах. Среди субъективных причин следует рассматривать процесс дальнейшей либерализации уголовного законодательства в части экономических преступлений и снижения их общественной опасности на законодательном уровне.

Для повышения эффективности работы правоохранительных органов по линии ЭБиПК необходимы действенные меры на законодательном уровне, а также принятие важных организационно-управленческих мер в системе МВД России.

К общим мерам нормативного характера следует отнести разработку единых методик оценки ущерба по типовым составам экономических преступлений и утверждение их ведомственными нормативными актами; необходимость снижения на законодательном уровне лимита по значительному, крупному и особо крупному ущербу в рамках уголовных дел по экономическим составам нарушений.

К организационно-управленческим мерам повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по линии ЭБиПК следует отнести увеличение образовательных организаций МВД России, подготавливающих сотрудников по линии ЭБиПК; увеличение числа ведомственных экспертно-криминалистических учреждений и штатной численности экспертов в них в целях оперативного и своевременного проведения экспертиз.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Корнилов А.Р., Кутякин С.А. Современный экспертно-статистический анализ состояния противодействия преступности в сфере экономики и борьбы с коррупцией на территории Рязанской области // Юридическая наука. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyu-ekspertno-statisticheskiy-analiz-sostoyaniya-protivodeystviya-prestupnosti-v-sfere-ekonomiki-i-borby-s-korrupsiyey-na> (дата обращения: 24.10.2022).
2. Коноваленко С.А. Анализ результатов оперативно-служебной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции управления МВД России по Рязанской области за 2018 – 2020 годы // Актуальные вопросы реализации государственной политики в сфере противодействия коррупции в Рязанской области: сборник тезисов выступлений и докладов участников научно-практической конференции. Рязань, 2021. С. 35 – 40.
3. Коноваленко С.А., Трофимов М.Н., Ахмедова Л.Г. Обеспечение экономической безопасности и нейтрализация угроз хозяйственной деятельности как функция МВД РФ // Вестник Дагестан-

ского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2021. Т. 36. № 1. С. 81 – 90. DOI: 10.21779/2500-1930-2021-36-1-81-90

4. Герасимова А.Д., Шожал Ч.О.О. Проблема введения термина «уголовный проступок» в законодательство РФ // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 639 – 644.

5. Мартыненко Н.Э., Мартыненко Э.В. Правовая природа иных мер уголовно-правового характера по законодательству Российской Федерации и стран СНГ // Международное публичное и частное право. 2019. № 2. С. 39 – 44.

6. Экономическая безопасность России на современном этапе социально-экономического развития общества: монография / Н.Г. Гаджиев, С.А. Коноваленко, О.В. Киселева, О.В. Скрипкина, М.Н. Трофимов; под ред. д-ра экон. наук, проф. Н.Г. Гаджиева. Москва: ИНФРА-М, 2022. 233 с. DOI: 10.12737/1836961

REFERENCES

1. Kornilov A.R., Kutyakin S.A. Sovremennyy ekspertno-statisticheskij analiz sostoyaniya protivodejstviya prestupnosti v sfere ekonomiki i bor'by s korrupciej na territorii Ryazanskoj oblasti // YUridicheskaya nauka. 2018. № 1. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-ekspertno-statisticheskij-analiz-sostoyaniya-protivodeystviya-prestupnosti-v-sfere-ekonomiki-i-borby-s-korrupsiey-na-\(data-obrashcheniya:24.10.2022\)](https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-ekspertno-statisticheskij-analiz-sostoyaniya-protivodeystviya-prestupnosti-v-sfere-ekonomiki-i-borby-s-korrupsiey-na-(data-obrashcheniya:24.10.2022)).

2. Konovalenko S.A. Analiz rezul'tatov operativno-sluzhebnoj deyatel'nosti podrazdelenij ekonomicheskoy bezopasnosti i protivodejstviya korrupcii upravleniya MVD Rossii po Ryazanskoj oblasti za 2018 – 2020 gody // Aktual'nye voprosy realizacii gosudarstvennoj politiki v sfere protivodejstviya korrupcii v Ryazanskoj oblasti: sbornik tezisov vystuplenij i dokladov uchastnikov nauchno-prakticheskoy konferencii. Ryazan', 2021. S. 35 – 40.

3. Konovalenko S.A., Trofimov M.N., Ahmedova L.G. Obespechenie ekonomicheskoy bezopasnosti i nejtralizaciya ugroz hozyajstvennoj deyatel'nosti kak funkciya MVD RF // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki. 2021. Т. 36. № 1. С. 81 – 90. DOI: 10.21779/2500-1930-2021-36-1-81-90

4. Gerasimova A.D., SHozhal CH.O.O. Problema vvedeniya termina «ugolovnyj prostupok» v zakonodatel'stvo RF // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2021. № 36. S. 639 – 644.

5. Martynenko N.E., Martynenko E.V. Pravovaya priroda inyh mer ugolovno-pravovogo haraktera po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii i stran SNG // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2019. № 2. S. 39 – 44.

6. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii na sovremennom etape social'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva: monografiya / N.G. Gadzhiev, S.A. Konovalenko, O.V. Kiseleva, O.V. Skripkina, M.N. Trofimov; pod red. d-ra ekon. nauk, prof. N.G. Gadzhieva. Moskva: INFRA-M, 2022. 233 s. DOI: 10.12737/1836961



Информация об авторах:

Коноваленко Сергей Александрович, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической безопасности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, sergey_marsel@mail.ru

Трофимов Михаил Николаевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, trofimov_fanat1k@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Konovalenko Sergey A., Candidate of Economics (Research doctorate), Professor of the Department of Economic Security Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ryazan Branch), sergey_marsel@mail.ru

Trofimov Mikhail N., Candidate of Economics (Research doctorate), Senior Lecturer of the Department of Economic Security Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ryazan Branch), trofimov_fanat1k@mail.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Коноваленко Сергей Александрович – анализ эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению и раскрытию экономической преступности на примере деятельности ЭБиПК территориальных органов МВД России по Рязанской области.

Трофимов Михаил Николаевич – рассмотрение способов и мер повышения эффективности выявления и раскрываемости преступлений экономической направленности

Статья получена: 25.10.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.1
DOI: 10.37973/KUI.2023.19.48.013



**ЛИЦО, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ
ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР
МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
И НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Вадим Сагитьянович Латыпов,
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,
Vadi-latypov@yandex.ru

Аннотация

Введение: в статье изложено научное представление о процессуальном статусе лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, определении его роли и значении в уголовном судопроизводстве, возможности реализации уголовно-процессуальных функций.

Материалы и методы: в качестве эмпирической основы в статье использованы Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, иные нормативные акты и статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Методологическую базу исследования составили диалектический метод научного познания, логический, сравнительно-правовой, статистический методы, а также наблюдение и другие частные методы исследования правовых явлений.

Результаты исследования: на основании проведенного исследования сформирована авторская позиция относительно процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, а также выделены основные направления совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства, регулирующего порядок участия такого лица в современном уголовном процессе России.

Обсуждение и заключение: представлен авторский вариант определения понятия лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера; высказано мнение о недопустимости отождествления данного участника уголовного судопроизводства с подозреваемым и обвиняемым. Предложено внесение необходимых изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на совершенствование института применения принудительных мер медицинского характера путем регламентации процессуального статуса ключевого участника данного производства. Определены основные процессуальные вопросы, требующие дополнительных научных исследований.

Ключевые слова: содействие правосудию; уголовный процесс; лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера; уголовно-процессуальные функции

© Латыпов В.С., 2023

Для цитирования: Латыпов В.С. Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера: вопросы теории и нормативного регулирования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 102 – 111. DOI: 10.37973/KUI.2023.19.48.013

Scientific article

UDC 343.1

DOI: 10.37973/KUI.2023.19.48.013

**A PERSON IN RESPECT OF WHOM PROCEEDINGS ARE BEING CONDUCTED
ON THE APPLICATION OF COMPULSORY MEDICAL MEASURES:
ISSUES OF THEORY AND REGULATORY MEASURES**

Vadim Sagitianovich Latypov,
the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia,
Vadi-latypov@yandex.ru (Ufa)

Abstract

Introduction: the article covers scientific understanding of the procedural status of a person against whom proceedings are being conducted on the use of compulsory medical measures, determining their role and significance in criminal proceedings, the possibility of implementing criminal procedural functions.

Materials and Methods: the author used Constitution of the Russian Federation, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, other regulatory acts and statistical data of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation for the basis of the study. The methodological basis of the study was the dialectical method of scientific cognition, logical, comparative legal, statistical methods, as well as observation and other private methods of studying legal phenomena.

Results: the study allowed to form an author's position regarding the procedural status of the person against whom the proceedings on the application of compulsory measures of medical nature are conducted, as well as to identify the main directions for improvement of the current criminal procedural legislation governing the participation of such a person in modern criminal proceedings in Russia.

Discussion and Conclusions: the author's version of the definition of the concept of a person against whom proceedings on the use of compulsory medical measures are being conducted is presented. It is argued about the inadmissibility of identifying this participant in criminal proceedings with the suspect and the accused. It is proposed to introduce the necessary amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation aimed at improving the institution of the use of compulsory medical measures by regulating the procedural status of a key participant in this proceeding. The main procedural issues requiring additional scientific research are identified.

Keywords: assistance to justice; criminal proceedings; a person against whom proceedings are being conducted on the application of compulsory medical measures; criminal procedural functions

© Latypov V.S., 2023

For citation: Latypov V.S. A Person in Respect of Whom Proceedings are Being Conducted on the Application of Compulsory Medical Measures: Issues of Theory and Regulatory Measures. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 102 – 111. (In Russ.). DOI: 10.37973/ KUI.2023.19.48.013

Введение

Уголовно-процессуальная деятельность, представляющая собой особый вид государственной деятельности, основана на реализации различными участниками уголовного судопроизводства своих прав и выполнении предписанных законом обязанностей, связанных с возникшим уголовно-правовым спором.

Современное уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потер-

певших от преступлений, а также личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)). При этом само уголовное судопроизводство основано на состязательности сторон, что стало ключевой концепцией судебной реформы, инициированной в России в конце XX в.¹ Конституция Российской Федерации провозгласила права и свободы человека высшей ценностью, а их соблюдение – обязанностью

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации). Однако именно в ходе осуществления уголовного судопроизводства деятельность государственных органов, осуществляющих уголовное преследование, может повлечь ограничение этих прав в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Обзор литературы

Настоящее исследование подготовлено на основе анализа норм действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, а также СССР, утративших юридическую силу, и иных нормативных актов. В ходе подготовки изучены работы по исследуемой проблематике М.Ш. Буфетовой [1], Б.Я. Гаврилова [2], М.М. Горшкова [3], М.Ю. Колбеевой [4], Е.В. Мищенко [5], А.М. Тесленко [6], М.А. Фроловой [7] и др., а также учитывались ранее апробированные исследования автора [8, 9].

Материалы и методы

Применяемые в процессе настоящего исследования частнонаучные методы, такие как системно-структурный, формально-логический, логико-семантический, метод сравнительного правоведения, позволили проанализировать и обобщить вопросы общетеоретической направленности, относящиеся к предмету исследования, а также сформулировать необходимые выводы и предложения.

Материалами исследования послужили положения действующих нормативных правовых актов, регулирующих процессуальный порядок применения принудительных мер медицинского характера, а также соответствующая проблематике юридическая научная литература и статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Результаты исследования

Изучение особенностей регулирования правового статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, в контексте теоретической модели содействия отправлению правосудия обусловлено необходимостью выработки теоретического представления о возможности выделения самостоятельной процессуальной фигуры – лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, соотношении его статуса с подозреваемым и обвиняемым в уголовном судопроизводстве и возможности отнесения его к лицам, оказывающим содействие правосудию.

Законодательство России определяет возможность привлечения к уголовной ответственности лишь вменяемого на момент совершения общественно опасного деяния лица. Кроме того, допустимо привлечь к уголовной ответственности также вменяемое лицо, которое в момент совершения преступления в силу психического расстройства не осознавало фактический характер и общественную опасность своих действий (ст. 21-22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Зачастую возникает необходимость определения факта вменяемости компетентными органами. Безусловно, доля таких уголовных дел невелика, тем не менее, имеет место. Так, согласно статистическим данным, предоставленным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, количество ходатайств о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства экспертизы, поступивших в

Таблица. Количественный показатель рассмотренных ходатайств о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства экспертизы, поступивших в ходе досудебного производства

Table. Quantitative indicator of reviewed applications for placement of a suspect or accused person not in custody in a medical or psychiatric hospital for expert evaluation, received in the course of pre-trial proceedings

Календарный период, год	2017	2018	2019	2020	2021
Количество рассмотренных ходатайств	8576	8722	8554	8082	8149
Количество и процент ходатайств, по которым принято решение об удовлетворении	7846 или 91,48%	8021 или 91,46%	7756 или 90,67%	7212 или 89,23%	7272 или 89,23%
Количество ходатайств, по которым принято решение об отказе	263	246	221	240	221
Количество прекращенных, отозванных, возвращенных, переданных по подсудности	467	455	577	630	656

ходе досудебного производства, за последние 5 лет остается стабильно высоким, но имеет определенные тенденции к понижению¹ (см. таблицу 1).

Выявленная тенденция к снижению может быть объяснена имеющимися процессуальными проблемами, с которыми сталкиваются правоприменители при реализации процессуального положения лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Определим, в чем заключается особенность процессуального положения данного лица и его процессуальное отличие от подозреваемого и обвиняемого. Так, их процессуальный статус регламентирован соответствующими нормами уголовно-процессуального законодательства – ст. 46, 47 УПК РФ. Данные участники уголовного судопроизводства законодателем отнесены к стороне защиты и реализуют соответствующую уголовно-процессуальную функцию.

Закон не содержит определения данных участников, а раскрывает их возникновение в уголовном судопроизводстве через принятые процессуальные решения и составленные процессуальные документы. Уголовное преследование, осуществляемое по подозрению, существенно отличается от преследования по обвинению, равно как обвиняемый по уголовному делу с правовой и процессуальной позиций отличается от подозреваемого, даже если это одно и то же лицо. Выделим основные моменты: во-первых, появление в уголовном судопроизводстве обвиняемого свидетельствует о наличии достаточности собранных доказательств, позволяющих правоохранительным органам определиться с лицом, совершившим преступление, исключив вероятностный характер, имеющийся в рамках уголовного преследования по подозрению; во-вторых, предъявленное обвинение позволяет конкретизировать объем вменяемого конкретного противоправного деяния, что впоследствии образует пределы судебного разбирательства; в-третьих, показания обвиняемого являются самостоятельным видом доказательства по уголовному делу.

Следует отметить, что в современной научной литературе активно исследуется вопрос о необходимости исключения процедуры привлечения лица в качестве обвиняемого в ходе предварительного следствия [2, с. 61; 4]. Высоко оценивая вклад каждого автора, отметим, что осуществление предварительного расследования в форме

следствия проводится, как правило, по деяниям, общественная опасность которых определяется категорией тяжких и особо тяжких преступлений. Считаем, что возможность лица еще в ходе предварительного следствия знать, в чем он обвиняется, позволяет ему своевременно обеспечить право на защиту.

Права указанных участников уголовного судопроизводства законодатель достаточно подробно изложил в ст. 46, 47 УПК РФ.

Возникают процессуально-правовые сложности в определении статуса лица, в случае когда существует вероятность совершения им запрещенного уголовным законом деяния в состоянии невменяемости или наступления психического расстройства, делающего невозможным назначение наказания или его исполнения непосредственно после совершения преступления (ч. 1 ст. 433 УПК РФ).

Итак, **первая проблема** возникает с определением момента появления данного лица.

Согласно действующему законодательству лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, может быть подвергнуто судебно-психиатрической экспертизе при наличии сомнения в его вменяемости либо нуждаемости в стационарном лечении.

Сам факт назначения данного вида экспертизы, который обязателен по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, убийствами, и некоторых других видах преступлений, не является началом производства о применении принудительных мер медицинского характера, но служит непосредственным основанием.

Большая часть всех назначаемых экспертиз данного вида в конечном итоге позволяет сформировать заключение эксперта о вменяемости лица и отсутствии опасности его действий для него самого или окружающих. В таком случае предварительное следствие, исключив факт невменяемости, должно быть продолжено в отношении подозреваемого или обвиняемого в обычном порядке.

Но если следователь получает заключение эксперта, в котором отражено наличие психического расстройства, опасного для него или других лиц, либо возможность причинения им иного существенного вреда, то производство в отношении такого лица должно осуществляться в порядке, предусмотренном гл. 51 УПК РФ. При этом лицо уже не может быть подвергнуто уголовному на-

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения 05.12.2022).

казанию, следовательно, не может являться подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу. Считаем необходимым вынесение соответствующего постановления следователем, осуществляющим предварительное расследование о признании лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, со ссылкой на заключение эксперта. Высказанная позиция находит поддержку и в научной литературе [1, с. 13, 17; 7, с. 94]. В данном вопросе можно проследить некую аналогию с постановлением о признании лица потерпевшим с указанием о причинении ему преступным деянием конкретного вида вреда.

Вынесения постановления подобного рода позволит придать легитимность дальнейшим процессуальным действиям в отношении данного лица и вернуть руководящую роль в расследовании преступления и определении его дальнейшего порядка следователю, а не эксперту.

Вторая проблема – меняющийся перечень лиц, в отношении которых могут быть применены принудительные меры медицинского характера. Действующее уголовное законодательство приводит исчерпывающий перечень таких категорий лиц в ст. 97 УК РФ. Вместе с тем следует отметить существующую динамику в формировании данного перечня. Например, законодатель с принятием действующего УК РФ отнес к такой категории лиц, совершивших преступление и нуждающихся в лечении от алкоголизма и наркомании, но исключил их из перечня в 2003 г.¹ Однако уже в 2012 г. данный список дополнили лица, совершившие «в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости».² Вместе с тем отдельные исследования в указанной области свидетельствуют о существующей необходимости дальнейшего расширения перечня лиц, совершивших преступления и страдающих поведенческими расстройствами, к которым должны быть применены принудительные меры медицинского характера (экзгибиционизм, клептомания и др.) [3, с. 16]. Однако полагаем, что выдвижение законодательной инициативы в данной области требует серьезных научных исследований межотраслевого характера, в том числе с

привлечением специалистов в области судебной психиатрии.

Основной, на наш взгляд, процессуальной проблемой является **отсутствие самостоятельного правового статуса лица**, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. На протяжении достаточно длительного исторического периода законодатель выделял из общего числа лиц, в отношении которых ведется уголовное судопроизводство, данную категорию участников. Так, в УПК РСФСР 1922 г. существовала самостоятельная гл. XVI, посвященная определению психического состояния обвиняемого. Выделим основные моменты правового регулирования участия данного лица в уголовно-процессуальных отношениях. Во-первых, полагалось определить, находилось ли лицо в состоянии невменяемости на момент совершения преступления либо приобрело данную болезнь непосредственно после его совершения. Во-вторых, определение невменяемости осуществлялось путем производства следователем освидетельствования обвиняемого врачом-экспертом, проведения дополнительных исследований, а также с помощью опроса самого обвиняемого или его близких лиц. В-третьих, установление факта невменяемости позволяло должностному лицу, осуществляющему предварительное расследование, направить дело в суд для принятия решения о его прекращении либо приостановлении (в зависимости от тяжести заболевания и наличия данного заболевания в момент совершения преступления). В-четвертых, период нахождения лица, отбывающего наказание в лечебном учреждении в связи с его психическим состоянием, не засчитывался в срок наказания (ст. 472 УПК РСФСР 1922 г.). Однако законодатель, выделяя данного субъекта уголовно-процессуальных отношений в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства, не детализировал его права и обязанности.

УПК РСФСР 1960 г. также содержал отдельную гл. 33, посвященную производству о применении принудительных мер медицинского характера. Примечательно, что данная глава содержала норму, раскрывающую порядок предварительного следствия. Рассмотрим отдельные правила, представляющие процессуальный интерес в рамках проводимого исследования. Во-первых, законодатель дифференцировал интересующую

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних: Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 10. Ст. 1162.

нас категорию участников уголовного судопроизводства на невменяемых, совершивших общественно опасное деяние, и на лиц, заболевших душевной болезнью после совершения преступления. Обращает на себя внимание позиция законодателя, согласно которой в случае совершения лицом запрещенного законом деяния в состоянии невменяемости оно позиционируется в качестве «общественно опасного деяния», а если невменяемость наступила после, то – преступлением. Во-вторых, необходимость выяснения существования душевного заболевания в прошлом, его степень в момент совершения преступления и в ходе расследования уголовного дела. В отличие от УПК РСФСР 1922 г., согласно которому было необходимо проводить освидетельствование, в УПК РСФСР 1960 г. указанные обстоятельства устанавливались в ходе производства судебно-психиатрической экспертизы. В-третьих, завершение предварительного расследования может быть окончено вынесением постановления о прекращении уголовного дела или о направлении в суд для применения принудительных мер медицинского характера. В-четвертых, анализируемый закон от УПК РСФСР 1922 г. положительно отличается то, что время, проведенное в медицинском учреждении, засчитывалось в срок наказания. Однако данный нормативный акт не раскрывал процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, равно как и не содержал самостоятельной нормы о его правах и обязанностях.

Рассматривая же действующее уголовно-процессуальное законодательство, следует отметить, что принятый в 2001 г. УПК РФ, так же как и его предшественники, содержит самостоятельную главу, посвященную производству о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ). В данной главе, в отличие от анализируемых нормативных актов, более детально регламентировано рассматриваемое нами производство. Более того, законодателем принята попытка определения основных процессуальных прав лица, в отношении которого

ведется данный вид производства в рамках ст. 437 УПК РФ. Следует ли признать данную попытку удачной? Полагаем, что нет. Но то, что она несет в себе позитивные начала, однозначно. Итак, детальный анализ указанный нормы позволил выделить отдельные моменты, на которые стоит обратить внимание при определении правового положения лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Но прежде сделаем отсылку к ч. 1 ст. 5 закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», согласно которой «лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией Российской Федерации и федеральными законами»¹. Таким образом, лицо, имеющее заболевание душевного характера, имеет возможность принимать участие в производстве по уголовным делам, вступать в уголовно-процессуальные отношения, если это позволяет состояние его здоровья, определяемое заключением эксперта. В свою очередь, уголовно-процессуальное законодательство с 2010 г. устанавливает, что у данного лица есть право лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные ст. 46, 47 УПК РФ процессуальные права. Другими словами, законодатель не идентифицирует его ни как подозреваемого, ни как обвиняемого, но при этом предоставляет возможность пользоваться их правами.

Данная позиция представляется вполне логичной и соответствует международным актам², положения которых, согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»³, следует учитывать.

Вместе с тем работа российского законодателя не может быть признана завершённой до тех пор, пока лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, не будет выделено в качестве самостоятельного участника уголовного судопро-

¹ О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 30.12.2021) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 33. Ст. 1913.

² Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (приняты 17.12.1991 Резолюцией 46/119 на 75-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.12.2022); рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 818(1977) «О положении психически больных». СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.12.2022); рекомендации Комитета Министров Совета Европы № R(83)2 «Относительно правовой защиты лиц, страдающих психическим расстройством, которые были госпитализированы в принудительном порядке», № R(99)4 «О принципах, касающихся правовой защиты недееспособных взрослых», Rec(2004)10 «Относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическим расстройством». СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.12.2022) и др.

³ О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2011 № 6 (ред. от 03.03.2015) // Российская газета. 2011. № 84.

изводства с непосредственной конкретизацией прав и обязанностей, присущих ему в уголовном процессе, в самостоятельной норме, размещенной в разделе II УПК РФ.

Учитывая существующую систему классификации участников уголовного судопроизводства по их функциональному назначению в зависимости от реализовываемых основных функций [5], следует определить, к какой группе участников возможно отнести данное лицо. Современное уголовное судопроизводство строится на состязательных началах, заключающихся в правовом противостоянии обвинения и защиты. Участники уголовного судопроизводства, реализующие указанные функции, сгруппированы в соответствующих главах 6 и 7 УПК РФ. Учитывая, что лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, не отождествлено законодателем ни с подозреваемым, ни с обвиняемым, возникает закономерный вопрос о возможности отнесения его к иным участникам уголовного судопроизводства (гл. 8 УПК РФ).

Для ответа на этот вопрос следует определиться с тем, что послужило основой для объединения участников уголовного процесса в этой группе «иных».

Согласно разработанной нами теоретической модели оказания содействия правосудию выдвинута рабочая гипотеза о существовании самостоятельной, нейтральной по отношению к основным, уголовно-процессуальной функции содействия оправлению правосудию.

Сущность данной функции заключается в том, что участники уголовного судопроизводства, реализующие ее, выполняют действия, выражающиеся в сообщении и (или) получении доказательственной информации, оказании консультативной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду. Признание существования указанной функции позволяет выделить особую роль этих участников процесса, законодательно отнесенных к иным.

Наличие права сторон на реализацию данной функции путем вовлечения лиц, содействующих правосудию, не наделенных властными правами и не имеющих личной заинтересованности в исходе уголовного дела, позволяет обеспечить равный доступ к правосудию.

Содействие правосудию гарантирует качество собирания доказательственной информации, возможность использования технических средств, получения консультативной, организационной или иной помощи, а также обеспечива-

ет достижение равноправия и состязательности сторон, принятия объективного, справедливого, законного и обоснованного процессуального решения.

Допускается, что, помимо участников уголовного судопроизводства, перечисленных в гл. 8 УПК РФ, содействие правосудию могут оказывать и иные субъекты уголовно-процессуальных правоотношений, среди которых нами выделены педагог, психолог, врач, процессуальный ассистент (статист) и др. В свою очередь, предложено систематизировать их по различным основаниям: наличию у этих участников или отсутствию специальных знаний; процессуального статуса и проч. [6].

Все же отметим, что по формальным признакам мы не можем отнести лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, к категории лиц, оказывающих содействие правосудию, поскольку реализуемая им функция не имеет отношения к оказанию помощи сторонам и суду. Данное лицо не формирует доказательства по уголовному делу, оно не применяет в процессе расследования специальные знания и не оказывает консультативную, техническую или иную помощь. В связи с этим отнесение данного лица к иным участникам уголовного судопроизводства нецелесообразно по функциональным соображениям.

Тогда какую же функцию реализует данный участник в уголовном судопроизводстве? Полагаем, он в процессе расследования защищает свои интересы, как лицо, потенциально совершившее преступление, но нуждающееся в принудительном лечении.

В связи с изложенным целесообразно внесение соответствующих изменений в гл. 7 УПК РФ. В частности, предлагаем дополнить указанную главу самостоятельной нормой – ст. 47¹ УПК РФ «Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера». При этом под таким лицом следует понимать участника уголовного судопроизводства:

1) в отношении которого получено заключение эксперта о наличии у него психического расстройства, связанного с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда;

2) в отношении которого судом вынесено постановление о применении к нему принудительных мер медицинского характера.

Кроме того, указанная норма должна содержать, помимо самого определения данного лица, также его права с отсылкой на ст. 46, 47 УПК РФ,

а также иные права предусмотренные законодательством Российской Федерации. Особо следует отразить необходимость соблюдения определенных ограничений, предусмотренных процессуальным законодательством для данного лица, а также возможные последствия в случае их нарушения. Полагаем, ограничения и ответственность должны быть связаны с режимом содержания в медицинской организации и соблюдением режима лечения. Следует отметить, что проработка процессуального положения данного участника уголовного судопроизводства с предложением конкретной уголовно-процессуальной нормы должна стать предметом самостоятельного научного исследования.

Самостоятельной исследовательской проработки требует и институт представительства данной категории участников уголовного судопроизводства, а также выделение среди лиц, в отношении которых ведется данный вид производства, самостоятельной категории несовершеннолетних участников. Полагаем, этот вопрос также требует дополнительных исследований, равно как и анализ особенностей предмета доказывания, круга участников процессуальных действий при производстве по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера [7]. Небезынтересным с научной и практической точек зрения является рассмотрение вопроса о самостоятельной форме оказания международной правовой помощи, заключающейся в передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения [8, 9].

В доктрине уголовно-процессуального права остается нерешенным вопрос о достижении назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6 УПК РФ, в случае инициирования производства о применении принудительных мер медицинского характера, поскольку назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. При этом невозможность привлечения к уголовной ответственности виновного лица в связи с производством в отношении него принудительных мер медицинского характера не исключает факт преступного деяния, причинение различного рода вреда потерпевшим. Все это ставит под сомнение неотвратимость наказания и справедливость правосудия.

Обсуждение и заключение

Подводя итог проведенному исследованию, сформулируем основные выводы и предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства.

Российское уголовно-процессуальное законодательство в уголовно-процессуальных кодексах в течение XX века неизменно содержало самостоятельные главы, регламентирующие особенности производства о применении принудительных мер медицинского характера (именуя его по-разному, но передающие идентичный смысл).

На протяжении всего исторического пути развития отечественного уголовного процесса законодатель выделял лицо, нуждающееся в принудительном лечении, не отождествляя его с подозреваемым и обвиняемым. Однако до сих пор процессуальный статус данного лица не регламентирован, равно как и само лицо не отнесено к самостоятельным участникам уголовного судопроизводства, указанным в разделе II УПК РФ.

Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, нуждается в закреплении его процессуального статуса. При этом не следует относить его к иным участникам уголовного судопроизводства, объединенным законодателем в гл. 8 УПК РФ, исходя из реализуемой ими уголовно-процессуальной функции содействия правосудию.

Следует дополнить гл. 7 УПК РФ самостоятельной ст. 47¹ «Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера». При этом под таким лицом следует понимать участника уголовного судопроизводства:

1) в отношении которого получено заключение эксперта о наличии у него психического расстройства, связанного с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда;

2) в отношении которого судом вынесено постановление о применении к нему принудительных мер медицинского характера.

Особенности правового регулирования производства о применении принудительных мер медицинского характера требуют дополнительных самостоятельных исследований, в частности по общетеоретическим вопросам, отраженным в рамках статьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Буфетова М.Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: учеб. пособие. Иркутск, 2006. 112 с.
2. Гаврилов Б.Я. Мифы и реалии института предъявления обвинения: нужен ли он российскому досудебному производству? // Судья. 2018. № 4 (88). С. 57 – 61.
3. Горшков М.М., Гутникова О.И., Едомский Е.А. Исторический обзор формирования в России института принудительных мер медицинского характера // Омский психиатрический журнал. 2020. № 1 (23). С. 13–17. DOI: 10.24411/2412-8805-2020-10102
4. Колбеева М.Ю. Понятие и значение привлечения в качестве обвиняемого в структуре расследования преступлений // Российский следователь. 2010. № 16. С. 19 – 21.
5. Мищенко Е.В., Погорельский А.А. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: проблемы регламентации процесса доказывания // Журнал российского права. 2022. № 8. С. 93–107. DOI: 10.12737/jrl.2022.086
6. Тесленко А.М. Передача лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения как форма международной правовой помощи // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 1. С. 26 – 30.
7. Фролова М.А. Правовые и гуманитарные проблемы передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения в странах СНГ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2010. 197 с.
8. Латыпов В.С., Исмагилов Р.А. Размышления о законодательной классификации участников уголовного судопроизводства / Lex russica. 2021. Т. 74. № 5. С. 103 – 111. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.174.5.103-111
9. Латыпов В.С. Содействие правосудию как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 786 – 796. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(6).786-796

REFERENCES

1. Bufetova M.SH. Proizvodstvo o primenenii prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera: ucheb. posobie. Irkutsk, 2006. 112 s.
2. Gavrilov B.YA. Mify i realii instituta pred"yavleniya obvineniya: nuzhen li on rossijskomu dosudebnomu proizvodstvu? // Sud'ya. 2018. № 4 (88). S. 57 – 61.
3. Gorshkov M.M., Gutnikova O.I., Edomskij E.A. Istoricheskij obzor formirovaniya v Rossii instituta prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera // Omskij psihiatricheskij zhurnal. 2020. № 1 (23). S. 13 – 17. DOI: 10.24411/2412-8805-2020-10102
4. Kolbeeva M.YU. Ponyatie i znachenie privlecheniya v kachestve obvinyaemogo v strukture rassledovaniya prestuplenij // Rossijskij sledovatel'. 2010. № 16. S. 19 – 21.
5. Mishchenko E.V., Pogorel'skij A.A. Proizvodstvo o primenenii prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera: problemy reglamentacii processa dokazyvaniya // ZHurnal rossijskogo prava. 2022. № 8. S. 93 – 107. DOI: 10.12737/jrl.2022.086
6. Teslenko A.M. Peredacha lic, stradayushchih psihicheskimi rasstrojstvami, dlya provedeniya prinuditel'nogo lecheniya kak forma mezhdunarodnoj pravovoj pomoshchi // Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu». 2018. № 1. S. 26 – 30.
7. Frolova M.A. Pravovye i gumanitarnye problemy peredachi lic, stradayushchih psihicheskimi rasstrojstvami, dlya provedeniya prinuditel'nogo lecheniya v stranah SNG: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Moskva, 2010. 197 s.
8. Latypov V.S., Ismagilov R.A. Razmyshleniya o zakonodatel'noj klassifikacii uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva / Lex russica. 2021. T. 74. № 5. S. 103 – 111. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.174.5.103-111
9. Latypov V.S. Sodejstvie pravosudiyu kak samostoyatel'naya ugovno-processual'naya funkciya // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2021. T. 15. № 6. S. 786 – 796. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(6).786-796



Информация об авторе:

Латыпов Вадим Сагитьянович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, ORCID: 0000-0002-3166-8527, ResearcherID: AAQ-2658-2021, Vadi-latypov@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Latypov Vadim S., Candidate of Law (Research doctorate), Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor, ORCID: 0000-0002-3166-8527, ResearcherID: AAQ-2658-2021, Vadi-latypov@yandex.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 09.12.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК: 343.985.4: 343.773
DOI: 10.37973/KUI.2023.12.61.014



ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ФАКТАМ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Евгений Александрович Мунгалов,
Барнаульский юридический институт МВД России,
Барнаул, Россия,
mung@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются вопросы применения технических средств, не входящих в перечень традиционных технико-криминалистических средств, используемых в ходе производства осмотра места происшествия по фактам незаконной рубки лесных насаждений.

Обзор литературы включает современную научную литературу, а также материалы периодических изданий по тематике статьи, изданные с 2010 года.

Материалы и методы: материалами исследования явились научные труды по рассматриваемой тематике, материалы уголовных дел. Проведенное исследование основано на обобщении следственной практики, использовании аналитического, формально-логического, логико-юридического методов.

Результаты исследования: рассмотрены особенности проведения осмотра места происшествия по фактам незаконной рубки лесных насаждений с применением технических средств, не входящих в перечень традиционных технико-криминалистических средств, используемых сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений.

Обсуждение и заключение: предложен исчерпывающий перечень технических средств, применяемых при осмотре места происшествия по фактам незаконной рубки лесных насаждений. К рассмотренным техническим средствам отнесены средства измерения и маркирования, возрастной бур, бензопила и комплектующие, необходимые для ее нормальной работы.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая тактика; осмотр места происшествия; незаконная рубка лесных насаждений; технико-криминалистические средства

© Мунгалов Е.А., 2023

Для цитирования: Мунгалов Е.А. Использование технических средств в ходе осмотра места происшествия по фактам незаконной рубки лесных насаждений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 112 – 117. DOI: 10.37973/KUI.2023.12.61.014

Scientific article
UDC 343.141
DOI: 10.37973/KUI.2023.12.61.014

USE OF TECHNICAL MEANS DURING INSPECTION OF THE SITE OF INCIDENT ON THE FACTS OF ILLEGAL FELLING OF FOREST PLANTS

Evgeny Aleksandrovich Mungalov,
the Barnaul Law Institute of MIA of Russia, Barnaul, Russia, mung@mail.ru

Abstract

Introduction: the article deals with the use of technical means that are not included in the list of traditional technical and forensic means used in the course of the inspection of the scene of an incident on the facts of illegal logging of forest plantations.

Literature Review includes modern scientific literature, as well as materials from periodicals on the subject of this article published since 2010.

Materials and Methods: the research materials are modern literary sources of domestic authors on the subject under consideration, materials of criminal cases. The conducted research is based on the following methods: generalization of investigative practice, analytical, logical, logical and legal.

Results: the author considers the features of the inspection of the scene of the incident on the facts of illegal logging of forest plantations using technical means that are not included in the list of traditional technical and forensic tools used by employees of forensic divisions.

Discussion and Conclusions: an exhaustive list of technical means used in the inspection of the scene of the incident is proposed. The considered technical means include measuring and marking tools, an age drill, a chainsaw and components necessary for its normal operation.

Keywords: forensic; forensic tactics; crime scene investigation; illegal logging of forest plantations; forensic equipments

© Mungalov E.A., 2023

For citation: Mungalov E.A. Use of Technical Means During Inspection of the Site of Incident on the Facts of Illegal Felling of Forest Plants. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 112 – 117. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.12.61.014

Введение

Незаконная рубка лесных насаждений является одной из наиболее острых проблем российского лесного сектора. На незаконную рубку приходится от 10 до 35% всей лесозаготовки в стране. Обозначенные объемы незаконной рубки лесных насаждений, сопутствующий ей нелегальный оборот лесоматериалов оказывают негативное влияние на экологическую и экономическую безопасность государства.

Особенно остро стоит вопрос раскрытия и расследования данной группы преступлений, поскольку они совершаются в малолюдных местах, а преступники используют все доступные способы, чтобы полностью уничтожить следы совершенного преступления. От того, насколько качественно проведен первоначальный осмотр места происшествия, зависит, как будет собран первичный материал, зафиксирована обстановка на месте происшествия, произведена оценка ущерба, что в итоге оказывает значительное влияние на ход раскрытия и расследования преступления.

Обзор литературы

Вопросу раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой леса, отечественные криминалисты уделяют значительное внимание. К этой теме обращались В.А. Косых [1], Е.В. Волков [2], А.Ю. Голобородько [3], С.П. Грибунов [4], С.В. Гончарова [5], В.Д. Иванченко [6], К.С. Малышев [7], А.В. Мандрик [8], В.В. Низова [9], С.В. Унжакова [10], И.А. Фомина [11] и др. Обзор научной литературы позволяет сделать вывод, что тактика проведения осмотра места происшествия по фактам незаконной рубки лесных насаждений в трудах указанных авторов рассмотрена достаточно детально. Однако

требуется уделить особое внимание техническим средствам (помимо традиционных технико-криминалистических средств), применяемым в ходе осмотра места происшествия по факту незаконной рубки леса.

Материалы и методы

Материалами исследования явились научные труды по рассматриваемой тематике, материалы уголовных дел. Проведенное исследование основано на обобщении следственной практики, использовании аналитического, формально-логического, логико-юридического методов.

Результаты исследования

Осмотр места происшествия является следственным действием, которое, согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ст. 176). В современной криминалистике к целям осмотра места происшествия также относят действия, направленные на непосредственное запечатление обстановки на месте происшествия именно на момент производства осмотра.

В соответствии с целями при проведении осмотра места происшествия по преступлениям, связанным с незаконной рубкой леса, должны решаться следующие задачи:

- 1) фиксация месторасположения и границ места преступления – участка, где совершена незаконная рубка лесных насаждений;
- 2) непосредственная фиксация обстановки на месте происшествия;
- 3) мероприятия, направленные на поиск и обнаружение следов преступления, их фиксацию и изъятие;

4) поиск и фиксация следов, способствующих установлению причиненного ущерба лесным насаждениям.

Последняя указанная задача является специфической при проведении осмотра места происшествия по преступлениям, связанным с незаконной рубкой леса. Для ее решения следователю необходимо обеспечить присутствие на проводимом осмотре представителя лесного хозяйства, который участвует в осмотре в статусе специалиста. Таким специалистом может являться сотрудник лесхоза, в ведении которого находится обход участков лесного массива, где совершена незаконная рубка деревьев. Специалист в ходе осмотра места происшествия помогает следователю правильно описать пни и порубочные остатки, что впоследствии позволит определить категории спиленных деревьев: относились ли они к сырорастущим, ветровальным, буреломным или сухостойным. Также специалист квалифицированно производит замеры пней с использованием специального оборудования, по результатам этих измерений производится расчет объема спиленного леса. В совокупности проводимые специалистом мероприятия позволяют установить ущерб, нанесенный лесному хозяйству, и квалифицировать совершенное преступление.

В ряде случаев следователи, не имеющие достаточной подготовки, не уделяют должного внимания описанию порубочных остатков и пней, что приводит к сложностям в определении жизнеспособности спиленных деревьев, а равно и в оценке нанесенного ущерба. Проводимый в таких случаях повторный осмотр места происшествия спустя длительное время уже не позволяет определить, были ли спиленные деревья сухостойными или сырорастущими.

При рассмотрении вопроса об особенностях проведения осмотра места происшествия по факту незаконной вырубке леса особое внимание следует уделить применяемым техническим средствам. Места выявляемых незаконных рубок в большинстве случаев находятся на значительном удалении от населенных пунктов, и повторная поездка за необходимыми техническими средствами может потребовать значительного времени. Следователь на этапе подготовки к осмотру должен иметь полное представление, какой инструментарий технических средств ему необходим и каких специалистов следует привлекать к осмотру.

В ходе осмотра места происшествия по факту незаконной рубки леса производится изъятие образцов древесины спиленных деревьев, на-

пример, поперечных спилов с пней, порубочных остатков, обнаруженных сортиментов древесины для назначения судебной трасологической и судебной ботанической экспертиз. Для этих целей могут использоваться различные пильные инструменты (ручные пилы, ножовки), но наибольшей эффективностью обладает бензопила – ручная цепная пила, снабженная двигателем внутреннего сгорания. К достоинствам использования бензопилы следует отнести ее всепогодную универсальность, возможность применения в различных климатических условиях; компактность, то есть возможность транспортировки в любом транспортном средстве до места осмотра; производительность (по этому показателю бензопила выигрывает в сравнении с ручным пильным инструментом).

Необходимо отметить, что использование бензопилы при осмотре места происшествия требует присутствия человека, обладающего навыками работы с этим инструментом, знающего технику безопасности. Таким человеком традиционно является сотрудник лесхоза, привлекаемый в качестве специалиста при проведении осмотра места происшествия. В случае привлечения к осмотру места происшествия специалиста с бензопилой следователю также необходимо обратить внимание на необходимые компоненты, без которых бензопила работать не сможет, и инструментарий для мелкого ремонта. К ним относятся:

1) топливная смесь для бензопилы, которая готовится из двух составных – масло для двухтактных двигателей и бензин;

2) масло для смазки цепи бензопилы, ее отсутствие приводит к быстрому износу пильной цепи и, соответственно, прекращению пиления;

3) дополнительная цепь для бензопилы или специальная державка с напильником для заточки цепей, поскольку в процессе эксплуатации зубья цепи имеют свойство терять заточку. Особенно критично попадания зуба цепи в металлические объекты в древесине, например, в оставленные гвозди или саморезы, что фактически сразу приводит в негодность цепь бензопилы.

Производимый осмотр места происшествия позволяет получить и зафиксировать необходимые фактические данные для определения размера нанесенного ущерба лесным насаждениям, что необходимо для верной квалификации совершенного преступления. Для этого производится локализация границ вырубки с привязкой к топографии местности и определяется ее площадь, пни срубленных деревьев и порубочные остатки измеряются, описывается их состояние. Выпол-

нение этих действий требует применения технических средств геопозиционирования, измерения и нанесения маркировки.

Для определения границ самого места происшествия и его привязки к местности используются устройства геолокации, ассортимент которых достаточно велик. Таковыми устройствами могут выступать как сотовые телефоны, снабженные функцией геопозиционирования, так и специализированные универсальные навигаторы, использующие современные системы глобальной спутниковой навигации – ГЛОНАСС или NAVSTAR GPS, которые позволяют определять местоположение на земной поверхности с точностью до 1 метра. необходимо предусмотреть использование специальных вешек и ленты или веревки в целях обозначения и ограничения самой территории места происшествия. Для обозначения границ места происшествия достаточно четырех вешек, в качестве которых могут использоваться деревянные или пластиковые прутки, обмотанные яркой изолентой. В качестве примера вехи заводского изготовления можно рассмотреть изделие «Веха ВС-1200 сигнальная дорожная оградительная»¹, используемое при проведении дорожных работ. Использование вех позволяет визуально локализовать участок места происшествия, натянув между вешками или специализированную ограничительную ленту, или веревку. Таким образом, дополнительно решается задача охраны места происшествия, то есть всегда есть возможность контролировать перемещение всех участников осмотра в пределах выделенного участка; также следует отметить удобство использования установленных вешек в качестве отправных точек (реперов) для производства измерений расположения следов в пространстве места происшествия.

Для измерения расстояний на месте происшествия по факту незаконной рубки лесных насаждений стандартные рулетки, входящие в комплект унифицированных криминалистических чемоданов, не подходят в силу своих малых пределов измерения, который составляет 3-5 метров, в таких случаях требуется более длинная геодезическая рулетка (50 метров и более). В настоящее время актуально использование лазерных дальномеров для точного и быстрого измерения.

Для точного измерения диаметра пня используются вилки лесные измерительные. Вилка измерительная представляет собой аналог штангенциркуля, состоит из измерительной штанги и

подвижной рамки. Измерительная штанга свободно передвигается по основанию штанги сообразно величине определяемого диаметра пня. Вилка лесная традиционно входит в инструментарий специалистов в области лесного хозяйства, следовательно также необходимо проконтролировать наличие данного инструмента.

Для нанесения временных и постоянных обозначений на пни срубленных деревьев, порубочные остатки, сортименты древесины и изготавливаемые спилы на месте происшествия используются технические средства маркирования. Временную маркировку объектов на месте происшествия рекомендуется наносить цветным мелом, наносимые обозначения не изменяют свойств осматриваемых объектов и впоследствии легко смываются водой. Для нанесения постоянных маркировочных обозначений спилов, которые изготавливаются при изъятии образцов древесины, необходимо использовать цветные восковые карандаши, вносимые обозначения наносятся на поверхность спила со стороны распила. Восковые карандаши позволяют делать надписи на поверхности спила, которые не смываются водой, не выцветают и хорошо читабельны. В лесном хозяйстве для целей маркировки древесины используются специальные таксационные карандаши, которые являются полным аналогом восковых карандашей.

В ряде случаев после проведения осмотра места происшествия по фактам незаконной рубки леса проводится еще одно следственное действие – отбор проб для сравнительного исследования. Таким образом, отбираются буровые керны с живых деревьев, которые необходимы для производства судебной ботанической экспертизы. Буровые керны – это цилиндрические образцы древесины деревьев, позволяющие увидеть чередование годичных приростов и произвести их последующее измерение. Изготовления кернов производится возрастным буром (бурав Пресслера), которым они высверливаются из живого дерева. Образующееся после изъятия керна отверстие в стволе дерева обрабатывается варом, впоследствии отверстие засмаливается, и растению не наносится вред. Для отбора кернов из сортиментов сухой древесины или древесины срубов строений применяется специальный бур для сухой древесины в виде длинного металлического цилиндра с зубчатой режущей кромкой на торце и диаметром 10-12 мм, приводимый в движение дрелью. Таким образом, следовательно, предвосхищая процедуру

¹ Веха ВС-1200 сигнальная дорожная оградительная. URL: <https://shosse.su/product/vekha-signalnaya/vekhi-dorozhnye-signalnye/vekha-signalnaya-dorozhnaya/> (дата обращения: 03.11.2020).

отбора проб для сравнительного исследования, которая логически вытекает из проводимого осмотра места незаконной рубки леса, также должен проконтролировать наличие возрастного бура у привлекаемого специалиста.

Обсуждение и заключение

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что при подготовке к осмотру места происшествия по факту незаконной рубки лесных насаждений особое внимание следует уделить применяемым техническим средствам. Следовательно следует заранее определиться, какой ин-

струментарий технических средств необходим для производства осмотра места происшествия, и проконтролировать его наличие.

Помимо традиционных технико-криминалистических средств, входящих в комплектацию экспертно-криминалистического чемодана, используемых в ходе осмотра места происшествия по преступлениям, связанным с незаконной рубкой лесных насаждений, необходимо наличие иных технических средств, таких как средства измерения и маркирования, возрастного бура, а также бензопила и ее комплектующие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Косых В.А. Незаконный оборот леса и лесоматериалов в Российской Федерации: сущность, детерминация, проблемы противодействия. URL: https://mvd.ru/upload/site125/dissertaciya/uridich_nauki/2020/kosykh_v_a/kosykh_diss_12.00.08.pdf (дата обращения: 28.11.2020).
2. Волков Е.В. Особенности осмотра места происшествия по фактам незаконной рубки лесных насаждений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 180 – 185.
3. Голобородько А.Ю. Особенности осмотра места происшествия по делам о незаконной рубке лесных насаждений // Современный взгляд на науку и образование: сборник научных статей. Москва, 2019. С. 180 – 183.
4. Грибунов С.П. Тактические особенности проведения осмотров при расследовании приобретения, хранения, перевозки заведомо незаконно заготовленной древесины // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 22 – 25.
5. Гончарова С.В. Комплекс мер по раскрытию и расследованию незаконной рубки лесных насаждений на первоначальном этапе // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 3 (96). С. 136 – 144.
6. Иванченко В.Д. Особенности производства отдельных следственных действий при расследовании незаконной рубки лесных насаждений // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 6-1. С. 138 – 145.
7. Малышев К.С. Следственное действие как источник получения доказательств: незаконная рубка леса // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2019. С. 103 – 107.
8. Мандрик А.В. Некоторые особенности осмотра места происшествия по уголовным делам о незаконной рубке леса // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2010. № 1 (35). С. 189 – 192.
9. Низова В.В. Тактико-криминалистические аспекты осмотра места происшествия по фактам незаконной рубки лесных насаждений // Курсантские исследования: сборник научных работ. Могилев, 2016. С. 85 – 87.
10. Унжакова С.В. Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании незаконной рубки лесных насаждений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 449-455.
11. Фомина И.А. Возможности использования специальных познаний при расследовании незаконной рубки лесных насаждений // Сибирский юридический вестник. 2011. № 2 (53). С. 122 – 128.

REFERENCES

1. Kosyh V.A. Nezakonnij oborot lesa i lesomaterialov v Rossijskoj Federacii: sushchnost', determinaciya, problemy protivodejstviya. URL: https://mvd.ru/upload/site125/dissertaciya/uridich_nauki/2020/kosykh_v_a/kosykh_diss_12.00.08.pdf (data obrashcheniya: 28.11.2020).
2. Volkov E.V. Osobennosti osmotra mesta proisshestviya po faktam nezakonnoj rubki lesnyh nasazhdenij // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2018. № 3 (45). S. 180 – 185.

3. Goloborod'ko A.YU. Osobennosti osmotra mesta proisshestviya po delam o nezakonnoj rubke lesnyh nasazhdenij // *Sovremennyy vzglyad na nauku i obrazovanie: sbornik nauchnyh statej*. Moskva, 2019. S. 180 – 183.
4. Gribunov S.P. Takticheskie osobennosti provedeniya osmotrov pri rassledovanii priobreteniya, hraneniya, perevozki zavedomo nezakonno zagotovlennoj drevesiny // *Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie problemy bor'by s prestupnost'yu: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. 2017. S. 22 – 25.
5. Goncharova S.V. Kompleks mer po raskrytiyu i rassledovaniyu nezakonnoj rubki lesnyh nasazhdenij na pervonachal'nom etape // *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2020. T. 1. № 3 (96). S. 136 – 144.
6. Ivanchenko V.D. Osobennosti proizvodstva otdel'nyh sledstvennyh dejstvij pri rassledovanii nezakonnoj rubki lesnyh nasazhdenij // *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2019. T. 9. № 6-1. S. 138 – 145.
7. Malyshev K.S. Sledstvennoe dejstvie kak istochnik polucheniya dokazatel'stv: nezakonnaya rubka lesa // *Aktual'nye problemy teorii i praktiki ugolovnogo processa: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. 2019. S. 103 – 107.
8. Mandrik A.V. Nekotorye osobennosti osmotra mesta proisshestviya po ugovolnym delam o nezakonnoj rubke lesa // *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii*. 2010. № 1 (35). S. 189 – 192.
9. Nizova V.V. Taktiko-kriminalisticheskie aspekty osmotra mesta proisshestviya po faktam nezakonnoj rubki lesnyh nasazhdenij // *Kursantskie issledovaniya: sbornik nauchnyh rabot*. Mogilev, 2016. S. 85 – 87.
10. Unzhakova S.V. Osobennosti proizvodstva osmotra mesta proisshestviya pri rassledovanii nezakonnoj rubki lesnyh nasazhdenij // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2016. № 3-2. S. 449-455.
11. Fomina I.A. Vozmozhnosti ispol'zovaniya special'nyh poznaniy pri rassledovanii nezakonnoj rubki lesnyh nasazhdenij // *Sibirskij yuridicheskij vestnik*. 2011. № 2 (53). S. 122 – 128.



Информация об авторе:

Мунгалов Евгений Александрович, старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, mung@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Mungalov Evgeny A., Senior Lecturer of the Department of Criminalistics, Barnaul Law Institute of MIA of Russia, mung@mail.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 14.09.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК: 343.721
DOI: 10.37973/KUI.2023.58.37.015



МЕТАВСЕЛЕННАЯ – НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Айнур Тагирович Мурсалимов,
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,
bagautdinov93@yandex.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются проблемы уголовно-законодательного урегулирования новых правоотношений в цифровом пространстве и перспективы развития отношений в сфере кредитования в метавселенной.

Материалы и методы: нормативной основой исследования явились правовые нормы, регулирующие правоотношения, возникшие в цифровом пространстве в сфере собственности, электронного денежного оборота и виртуальных валют применительно к сфере кредитования.

Результаты исследования: рассмотрена авторская позиция правового регулирования общественных отношений в сфере кредитования с точки зрения противодействия мошенничеству в виртуальном пространстве в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Обсуждение и заключение: мошенничество в сфере кредитования в цифровом пространстве создает угрозу дальнейшей модернизации экономики, развитию промышленного и научного потенциала, ведя к стагнации Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации и Национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации». Создание суверенного цифрового пространства открывает для правоохранительных органов инструментарий эффективного противодействия преступности с использованием дистанционных технологий, не позволяя иностранным государствам укрывать преступников, используя санкционную политику.

Ключевые слова: мошенничество в сфере кредитования; виртуальное пространство; противодействие преступности; киберпреступность; теневая экономика; национальная безопасность; метавселенная

© Мурсалимов А.Т., 2023

Для цитирования: Мурсалимов А.Т. Метавселенная – новое пространство совершения мошенничества в сфере кредитования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 118 – 123. DOI: 10.37973/KUI.2023.58.37.015

Scientific article
UDC: 343.721
DOI: 10.37973/KUI.2023.58.37.015

METAUNIVERSE – A NEW SPACE FOR COMMITTING FRAUD IN THE FIELD OF LENDING

Ainur Tagirovich Mursalimov,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, bagautdinov93@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article deals with challenges of criminal and legislative regulation of new legal relations in the digital space and the prospects for the development of relations in crediting area in the metauniverse.

Materials and Methods: the normative basis for the study was the legal norms governing legal relations that have arisen in the digital space in the field of property, electronic money circulation and virtual currencies, in relation to the field of lending.

Results: the author's position on the legal regulation of public relations in the field of lending is considered from the point of view of countering fraud in the virtual space in order to ensure the national security of the Russian Federation.

Conclusions and Conclusions: credit fraud in the digital space poses a threat to further modernization of the economy, the development of industrial and scientific potential, leading to stagnation of the Strategy for the Development of Information Society in the Russian Federation and the National Program "Digital Economy of the Russian Federation". The creation of a sovereign digital space opens up prospects for law enforcement agencies to effectively counteract crime using remote technologies, preventing foreign states from harboring criminals by using sanctions policy.

Keywords: credit fraud; virtual space; crime prevention; cybercrime; shadow economy; national security; metaverse

© Mursalimov A.T., 2023

For citation: Mursalimov A.T. Metaverse – a New Space for Committing Fraud in the Field of Lending. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 118 – 123. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.58.37.015

Введение

Развитие инновационных технологий способствует поиску необходимой информации в цифровой среде, заключению договоров купли-продажи, поддержанию социальных связей, осуществлению трудовой деятельности, использованию достижений онлайн-банкинга для электронного денежного оборота, созданию виртуальных электронных кошельков, расширению оборота виртуальной валюты и осуществлению иных действий.

Цифровое пространство является более удобной площадкой для реализации взаимодействия с органами государственной власти, юридическими и физическими лицами. В качестве положительных аспектов использования цифрового пространства следует отметить кратно меньшие временные, материальные издержки, а также возможность одновременного осуществления коммуникации с широким кругом субъектов общественных отношений, находящихся в разных странах и даже континентах. Наличие цифровых средств автоматического перевода поступающей голосовой и письменной информации на любые языки мира позволяет стирать и языковые барьеры в построении взаимоотношений личности, общества, органов государственной власти независимо от территориального расположения.

Обзор литературы

Дефиниция «метавселенная» вошла в научный оборот в 2021 году, однако унифицированное определение до сих пор не сформулировано [1]. Правовая регламентация возникающих новых правоотношений, связанных с метавселенными, также отсутствует. Некоторые правоотношения трансформируются в цифровой среде, сохраняя

свою аналогию с реальными отношениями, поэтому не требуют кардинального пересмотра. Так, например, 1 июня 2021 года Интерфакс сообщил о регистрации Росреестром права собственности на недвижимый объект, который был заверен дистанционно двумя нотариусами, что свидетельствует о продолжаемой трансформации экономических отношений¹.

Материалы и методы

Нормативной основой исследования явились правовые нормы, регулирующие правоотношения, возникшие в цифровом пространстве в сфере собственности, электронного денежного оборота и виртуальных валют применительно к сфере кредитования. Согласно исследованиям научного технического центра «Главный радиочастотный центр» при Роскомнадзоре, в метавселенной стираются границы. Доминирование цифровых валют в виртуальном мире будет способствовать нарушению политических границ, поскольку текущие налоговые кодексы и правила не могут регулировать цепочки продаж в метавселенной. Проблема идентификации аватаров также делает уязвимыми личность и личные данные для копирования, стирания и манипулирования².

Полагаем, существование криптовалют таит в себе условия для создания виртуальных магазинов, занимающихся реализацией запрещенных или ограниченных в обороте веществ, услуг и неконтролируемого распространения персональных данных, возможности их копирования.

В рамках исследования осуществлен правовой анализ регулирования общественных отношений, возникающих в виртуальном пространстве, и судебной практики разрешения возникших споров,

¹ В РФ заключена первая сделка с недвижимостью, дистанционно заверенная нотариусами // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/769848> (дата обращения: 06.02.2023).

² Каспарьянц Д. Метавселенная: возможности и риски новой реальности: Научно-технический центр ФГУП «Главный радиочастотный центр». URL: <https://rdc.grfc.ru/2022/02/metaverse/> (дата обращения: 06.02.2023).

изучены исследования научного технического центра «Главный радиочастотный центр», собрана информация о распространенности общественных отношений в метавселенных из официальных источников СМИ.

В настоящее время цифровая среда продолжает расширяться, трансформируясь в метавселенную. Согласно мнению компании ESET, под метавселенными следует понимать общий цифровой мир, объединяющий физическую, дополненную и виртуальную реальности¹. Именно в границах, охватываемых данной терминологией, будет рассмотрена проблема распространения преступности в цифровой среде.

Результаты исследования

Процесс сбора информации о лицах, находящихся на территории иностранного государства и осуществляющих противоправную деятельность на территории России, зачастую является достаточно затруднительным для правоохранительных органов. Это связано с определенными трудностями в межгосударственном взаимодействии, отсутствием международных соглашений и договоров с отдельными государствами, а также в открытом или скрытом противодействии в связи с проводимой межгосударственной политикой.

Создание метавселенной усугубит ситуацию с контролем со стороны участников гражданско-правовых отношений и правоохранительных органов сделок, заключаемых в цифровом пространстве, приводя к увеличению количества мошеннических проявлений.

По мнению автора, наличие возникших экономических отношений в метавселенной создает фундамент для трансформации и адаптации всех типов отношений в виртуальной среде. Отсутствие правовой регламентации в метавселенной предоставляет возможность для создания инструментов по кредитованию с использованием криптовалют для получения благ и услуг, реализуемых в цифровом пространстве, и вывода их в материальную среду в виде реальных денежных средств, продукции, услуг, имеющих в обращении современного общества.

Подтверждением наличия оборота денежных средств или криптовалюты в цифровом пространстве является факт реализации виртуальной недвижимости и виртуальной продукции. Согласно исследованию Роскомнадзора, цифровой дом

моды The Fabricant продал платье за 9500 долларов США². Кроме того, в метавселенной возможно проведение виртуальных концертов, проведение виртуальных корпоративов, ведение виртуального бизнеса, оказание цифровых юридических услуг и многое другое.

Система информационной безопасности России в условиях агрессивной санкционной политики не готова к такой широкомасштабной трансформации и расширению экономики. Разработчики метавселенных могут умышленно создать условия для подрыва экономической безопасности государства, как в случае легализации и урегулирования общественных отношений в виртуальном пространстве, так и в случае игнорирования фактов существования цифровых инструментов подмены денежного оборота виртуальными платежными средствами.

Запуск виртуального пространства в Российской Федерации приведет к неконтролируемым фактам инвестирования со стороны малых и средних субъектов предпринимательства, а также физических лиц, создавая риск утраты инвестированных средств. Наличие инструмента кредитования в виртуальном пространстве лишь увеличивает количество имущественного ущерба, в случае нерентабельности запущенной в метавселенной деятельности.

В отношении субъектов малого и среднего бизнеса в метавселенной, запущенной на кредитные средства, может быть применен преступный метод захвата управления (цифровое рейдерство, хищение компьютерной информации). Аналогично выдача кредита внутри метавселенной таит возможность финансирования деятельности, подрывающей конституционный строй страны, хищение инвестированного залогового имущества, уклонение от дополнительного лицензирования деятельности и налогообложения.

В судебной практике уже имеются факты уклонения от налогообложения за доход, полученный в цифровом пространстве. Согласно определению Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2015 года по делу № А40-91072/2014, общество с ограниченной ответственностью «Мэйл.РуГеймз» наделило пользователей возможностью использования дополнительного функционала игры за отдельную плату и компенсируемую путем перечисления денежных средств через агрегаторы платежей³.

¹ Только четверть опрошенных россиян знает, что такое метавселенная: ТАСС. МОСКВА. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13407947> (дата обращения: 06.02.2023).

² Каспарьянц Д. Метавселенная: возможности и риски новой реальности : Научно-технический центр ФГУП «Главный радиочастотный центр». URL: <https://rdc.grfc.ru/2022/02/metaverse/> (дата обращения: 06.02.2023).

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2015 по делу № А40-91072/2014 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/vsrfd/doc/cgF6SCz4z9NP> (дата обращения: 06.02.2023).

При осуществлении Федеральной налоговой службой России камеральной проверки установлена необходимость начисления налога на добавленную стоимость в размере 18%. Суды всех инстанций признали необходимость уплаты налога, подтвердив, что реализация услуг в цифровом пространстве ничем не отличается от общественных отношений, возникающих в реальном мире на территории Российской Федерации.

Однако наличие пространства в метавселенной, стирая границы, не позволяет эффективно осуществлять контроль за всеми субъектами, получающими доступ, в том числе анонимный, из-за пределов Российской Федерации, уклоняясь от налогов, нарушая законодательство государства и не опасаясь за последствия от своих действий.

Возникает проблема соотношения метавселенных и государства. Связано это, в первую очередь, с отсутствием эффективного правового регулирования новых возникших отношений. В.Ю. Приймак приводит две теории регулирования взаимодействия между метавселенными и государством [2]. В рамках рассуждения он считает, что создание в метавселенной законодательства приведет к наличию двойного законодательства. Например: суд в метавселенной и суд в реальности. То, какой из них будет иметь высшую юридическую силу, а также порядок соотношения и взаимодействия органов в метавселенной и в реальности станет вызовом времени будущих правоотношений.

В настоящее время оборот средств в метавселенной происходит в трех формах: традиционные, централизованные и децентрализованные финансы. Доля децентрализованных финансовых средств очень часто используется для осуществления кредитования и реализации протоколов для криптоферм.

Канадская компания TerraZero уже заключила первый договор ипотечного кредитования на недвижимое имущество в метавселенной¹. При этом имущество, приобретенное в метавселенной, так же как и имущество в реальном мире, может быть использовано для любых целей, в том числе и заработок путем сдачи в аренду, перепродажи, дарения и т.п. О возможностях заключения договора

кредитования заговорили и другие организации, занимающиеся созданием метавселенных².

Несмотря на то, что в настоящее время, по нашим сведениям, отсутствуют факты обращения в полицию о мошеннических действиях в метавселенных, в виртуальном мире уже зафиксированы случаи совершения деяний, которые бы в реальном мире квалифицировались как преступные.

Так, в отчете правозащитной группы SumOfUs – работе Metaverse: Another Cesspool of Toxic Content («Метавселенная: очередная выгребная яма для токсичного контента») – описан случай нападения на аватара-женщину. По данным исследования, сотрудница занималась изучением поведения пользователей в онлайн-игре на платформе. Спустя час после подключения к игре сотрудницу группы пригласили на частную вечеринку в метавселенной. Там несколько пользователей попросили ее отключить настройку безопасности, которая не позволяет аватарам приближаться друг к другу на расстояние менее 1,2 метра³. После этого в отношении аватара были совершены действия, которые в реальном мире могли бы быть квалифицированы на территории Российской Федерации по статье 131 Уголовного кодекса Российской Федерации (изнасилование)⁴.

Хотя Верховный Суд Российской Федерации и придерживается проведения аналогии между реальным миром и виртуальным, отсутствуют судебная практика, а также реальные возможности привлечения виновных лиц к уголовной ответственности в силу большого объема данных, наличия организационных проблем в получении информации о транзакциях из-за рубежа, санкционной политики отдельных государств.

Существует также и проблема квалификации отдельных деяний, совершенных в метавселенной. Например, привлечение к ответственности за совершение угона виртуального автомобиля, приобретенного в кредит; совершение покушения на убийство, совершение хулиганства и многое другое.

Обсуждение и заключение

Проникновение метавселенных в цифровое пространство России в силу отсутствия границ

¹ Трубилина М. Взять ипотеку на виртуальную недвижимость смогут «жители» метавселенных // Российская газета. 2022. 8 февраля. URL: <https://rg.ru/2022/02/08/vziat-ipoteku-na-virtualnuiu-nedvizhimost-smogut-zhiteli-metavselennyh.html> (дата обращения: 06.02.2023).

² Черноусов И. Что такое метавселенная? // Российская газета. 2022. 8 февраля. URL: <https://rg.ru/2022/02/08/vziat-ipoteku-na-virtualnuiu-nedvizhimost-smogut-zhiteli-metavselennyh.html> (дата обращения: 06.02.2023).

³ Мамиконян О. Исследовательница рассказала об изнасиловании ее аватара в метавселенной. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/467175-issledovatel-nica-rasskazala-ob-iznasilovanii-ee-avatara-v-metavselennoj> (дата обращения: 06.02.2023).

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ; принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 24.05.1996; одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 05.06.1996 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.12.2022).

позволяет совершать мошенничества в сфере кредитования в виртуальном пространстве, подрывая экономическую безопасность страны. Комиссия по регулированию банковской и страховой деятельности Китая уже выпустила предупреждение о рисках для населения в отношении мошеннических проектов метавселенной.

Следует отметить, что общественные отношения в метавселенной в настоящее время должным образом не урегулированы. Отсутствие цифровых границ угрожает национальным интересам государства: благосостоянию граждан; защите конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности; укреплению законности; искоренению коррупции; защите граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств; развитию механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; развитию безопасного информационного пространства; защите российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; устойчивому развитию российской экономики на новой технологической основе.

Обращаясь к возможности противодействия мошенничеству в сфере кредитования и иным преступлениям в виртуальном пространстве, предлагаем:

1. Внести изменения в законодательство Российской Федерации о допустимости проведения аналогии в регулировании общественных отношений в реальности и виртуальном пространстве.

2. Разработать суверенные цифровые границы государства и запретить свободный доступ в цифровое пространство России зарубежных пользователей Интернетом вне выделенных квот по аналогии с Китайской Народной Республикой, которая доказала свою эффективность¹, но на более демократических условиях.

3. Создать при пограничной службе ФСБ России подразделение по контролю цифровых границ государства.

4. Разработать и принять федеральные законы «О правовом положении иностранных Интернет-пользователей в цифровом пространстве России» и «Об учете иностранных Интернет-пользователей в цифровом пространстве России» в целях демократизации доступа к российской сети Интернет по аналогии с пребыванием на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства. Учет пребывания иностранных граждан на территории России является бесспорным. Аналогично и учет пребывания иностранных пользователей Интернетом эффективно отразится на оздоровлении общественных отношений в метавселенной.

5. Предусмотреть возможность привлечения к уголовной и административной ответственности за нарушение цифровых границ государства, так как отсутствие ответственности не позволяет проводить эффективный контроль за общественными отношениями.

6. Вести реестр недобросовестных иностранных пользователей Интернетом, создающих угрозу национальным интересам государства, по аналогии с Единым реестром иностранных агентов. Ведение реестра иностранных агентов доказало свою эффективность в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации.

Подводя итог, следует отметить, что мошенничество в сфере кредитования в цифровом пространстве создает угрозу дальнейшей модернизации экономики, развитию промышленного и научного потенциала, ведя к стагнации Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы и Национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации». Создание суверенного цифрового пространства открывает для правоохранительных органов инструментарий эффективного противодействия преступности с использованием дистанционных технологий, не позволяя иностранным государствам укрывать преступников, используя санкционную политику.

¹ Ширяева П. Самый безопасный в мире Интернет. От чего «Золотой щит» оберегает китайского пользователя? URL: <https://ekd.me/2019/11/ot-chego-zolotoj-shhit-uberegaet-kitajskogo-polzovatelya-rasskazyvaem-o-samom-bezopasnom-internete-v-mire/> (дата обращения: 06.02.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алабина Т.А., Дзангиева Х.С., Юшковская А.А. Метавселенная как глобальный тренд экономики // Экономика, профессия, бизнес. 2022. № 1. С. 5 – 8. DOI: 10.14258/epb202201
2. Приймак В.Ю. Электронное государство и метавселенная: к вопросу о соотношении понятий // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. Т. 5. Казань, 2022. С. 215.

REFERENCES

1. Alabina T.A., Dzangieva H.S., YUshkovskaya A.A. Metavselennaya kak global'nyj trend ekonomiki // Ekonomika, professiya, biznes. 2022. № 1. S. 5 – 8. DOI: 10.14258/epb202201
2. Prijmak V.YU. Elektronnoe gosudarstvo i metavselennaya: k voprosu o sootnoshenii ponyatij // Cifrovye tekhnologii i pravo. Sbornik nauchnyh trudov I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. T. 5. Kazan', 2022. S. 215.



Информация об авторе:

Мурсалимов Айнур Тагирович, старший преподаватель кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России, bagautdinov93@yandex.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Mursalimov Ainur T., Senior Lecturer of the Department of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, bagautdinov93@yandex.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 26.12.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.98
DOI: 10.37973/KUI.2023.40.77.016



О НЕОБХОДИМОСТИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Рамиль Рашитович Рахматуллин,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
ramil_crim@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматривается концепция раскрытия преступлений.

Материалы и методы: нормативной правовой основой исследования стали отдельные положения Конституции Российской Федерации, уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства. Теоретико-методологическую основу исследования составили работы ученых – специалистов в области криминалистики, уголовного процесса и теории оперативно-розыскной деятельности. Были использованы официальные статистические данные ГИАЦ МВД России и иные сведения о результатах работы правоохранительных органов России по раскрытию преступлений. Разработан методологический подход, базирующийся на различных научных методах: диалектики и формальной логики, информационных, управленческих, правового регулирования, системного и ситуационного анализа, а также социологических методах.

Обзор литературы включает нормативные правовые акты федерального уровня, научную литературу, а также научную периодику.

Результаты исследования: помимо концепции, раскрытие преступлений как социальная деятельность требует более значимых (специально созданных) теоретических построений, являющихся результатом познания и одновременно отражением в идеальной форме сущности этой деятельности. Таким теоретическим построением может стать научная теория о раскрытии преступления.

Обсуждение и заключение: представлена теоретическая модель раскрытия преступления, что является существенным шагом по формированию концептуальных основ криминалистической теории о раскрытии преступлений.

Ключевые слова: криминалистика; фундаментальное исследование; концепция; теория; методология; раскрытие; расследование; противодействие; нейтрализация

© Рахматуллин Р.Р., 2023

Для цитирования: Рахматуллин Р.Р. О необходимости фундаментального исследования проблем раскрытия преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 124 – 131. DOI: 10.37973/KUI.2023.40.77.016

Scientific article
UDC 343.98
DOI: 10.37973/KUI.2023.40.77.016

ON THE NEED FOR FUNDAMENTAL RESEARCH OF THE CHALLENGES IN CRIME DETECTION

Ramil Rashitovich Rahmatullin,
the Kazan (Volga Region) Federal University, ramil_crim@mail.ru

Abstract

Introduction: the author considers the concept of crime detection.

Materials and Methods: the normative legal basis of the study were certain provisions of the Constitution of the Russian Federation, criminal, the criminal procedure and investigative legislation. The theoretical and

methodological basis of the study was the work of scientists – specialists in criminology, criminal procedure and the theory of investigative activities. The official statistical data of the Main Informational and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and other information on the results of the work of Russian law enforcement agencies in solving crimes were used. A methodological approach based on various scientific methods has been developed: dialectics and formal logic, information, management, legal regulation, system and situational analysis, as well as sociological methods. The theoretical and methodological basis for the study was the work of scientists – specialists in the area of criminology, criminal procedure and the theory of investigative activities.

The literature review includes regulatory legal acts of the federal level, scientific literature, as well as materials of periodicals.

Results: the conceptual foundations of the theory of crime detection are considered.

Discussion and Conclusions: a new legal and scientific approach to the term "crime detection" can become an essential step in the formation of the conceptual foundations of criminalistic teaching on countering the disclosure and investigation of crimes and measures to neutralize it.

Keywords: criminalistics; fundamental research; concept; theory; methodology; disclosure; investigation; counteraction; neutralization

© Rahmatullin R.R., 2023

For citation: Rahmatullin R.R. On the Need for Fundamental Research of the Challenges in Crime Detection. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 124 – 131. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.40.77.016

Введение

Качественное расследование уголовных дел во многом предопределяется своевременным и быстрым раскрытием преступлений. Термин «раскрытие преступлений» стал общепотребляемым и, на наш взгляд, уже незаменимым в науке и практике. Вместе с тем статистика раскрываемости преступлений вызывает тревогу. По данным уголовной статистики, за январь-декабрь 2021 года совершено 2004,4 тыс. преступлений, их раскрываемость составляет 52,5%¹. Полагаем, уместно провести сравнение этих показателей с аналогичными показателями раскрываемости преступлений в СССР за 1985 год, т.е. до начала судьбоносных для России и государств на всем постсоветском пространстве изменений. Так, в 1985 году в СССР было совершено примерно столько же преступлений (2083,5 тыс.), а раскрываемость составила 86,2%², что свидетельствует о весьма эффективной работе правоохранительных органов по раскрытию преступлений.

Некоторые исследователи объясняют высокие показатели раскрываемости в СССР господством тотального социального контроля, высокой латентностью преступности, искусственным лакированием показателей раскрываемости и др. Здесь широкое поле для исследования, прежде всего криминологов, изучающих закономерности развития преступности и факторов, ее детерминирующих. Задача же криминалистики заключается в изучении деятельности преступников по

совершению преступлений и противодействию их раскрытию, а также конкретной деятельности следователя (оперативного сотрудника) по раскрытию преступлений.

В юридической литературе существуют различные позиции в отношении интерпретации термина «раскрытие преступлений», однако при всем многообразии подходов пророческими оказались слова известного современного криминалиста В.П. Лаврова о том, что раскрытие преступлений «есть и будет одним из основных, приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов как в советской, так и в современной России» [1, с. 3]. Сегодня показатель «раскрываемость преступлений» продолжает оставаться одним из основных критериев оценки работы правоохранительных органов. Зачастую именно он в настоящее время мотивирует сотрудников правоохранительных органов к более активной работе по своевременному выявлению преступлений, а также качественному и всестороннему их расследованию.

В соответствии с УПК РСФСР 1961 года задачей уголовного судопроизводства являлось быстрое и полное раскрытие преступлений (ст. 2). Несмотря на то что в современном законодательстве такой задачи нет, тенденции к более четкому определению правового статуса термина «раскрытие преступлений» имеются. Так, термин «раскрытие» стал чаще употребляться в нормах материального и процессуального уголовного права (п. «и» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса

¹ Генеральная Прокуратура Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 13.10.2022).

² Преступность в СССР. URL: <http://su90.ru/crime.html> (дата обращения: 13.10.2022).

Российской Федерации, гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) и др.). Раскрытие преступлений отнесено к задачам оперативно-розыскной деятельности (ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») (ФЗ «Об ОРД»). К основным направлениям (задачам) деятельности полиции отнесено раскрытие преступлений (ст. 2 Федерального закона «О полиции»). Вместе с тем законодатель не дает каких-либо пояснений, что означает «раскрыть преступление», а в нормах права отсутствует разъяснение понятия и сущности раскрытия. Имеются лишь узковедомственные разъяснения о том, с какого момента и при установлении каких обстоятельств преступление следует считать раскрытым. Полагаем, определение понятия и сущности раскрытия преступления на нормативном уровне способствовало бы более единообразному пониманию и толкованию категории «раскрытие преступлений».

Для обоснования необходимости законодательного разъяснения данной категории и совершения научного прорыва по такому важному направлению борьбы с преступностью, как раскрытие и расследование преступлений, следует осуществить фундаментальное исследование, которое позволит тотально (целостно, всеохватно) подойти к изучению проблемы и предложить инновационный метод решения проблем раскрытия преступлений.

Фундаментальные исследования как комплекс действий порождают новые идеи, принципы и теории, которые могут быть использованы в практике раскрытия и расследования преступлений не сразу, тем не менее они стимулируют исследователей к новым умозаключениям, ведущим к прогрессу в данном направлении. Автор предполагал, что в ходе исследования могут быть получены конкретные сведения, подтверждающие или опровергающие основную выдвигаемую гипотезу: раскрытие преступлений – это длящийся, порой непрекращающийся процесс, осуществляющийся в подавляющем большинстве случаев в условиях противодействия установлению истины. Данная гипотеза проверялась двумя способами: на теоретическом (с помощью анализа уже имеющихся знаний о научной категории раскрытия преступления) и практическом (при помощи эмпирического исследования) уровнях.

Основное внимание в ходе фундаментального исследования уделялось поддержке и использованию имеющихся криминалистических теорий (теории следственных ситуаций, прогнозирования, криминалистических версиях и планирова-

ния и др.) при исследовании проблем раскрытия преступлений. В настоящее время основательно сформирована частная криминалистическая теория противодействия расследованию преступлений и меры по его преодолению. Многие знания, полученные в ходе исследования в ее рамках, активно применяются в практической деятельности правоохранительных органов, имеют эвристическое и поисковое значение в ходе раскрытия преступлений.

Практика убедительно подтверждает, что противодействие установлению истины по уголовному делу усиливается с началом активных действий по раскрытию преступления. В свою очередь, противодействие, выявленное следователем, ведет к более интенсивным и планомерным действиям по раскрытию преступления, ориентирует на активный и целенаправленный поиск информации о преступлении.

Изучение востребованных научных и практических разработок по проблемам раскрытия преступлений, прошедших апробацию и активно используемых на практике, свидетельствует, что субъекты раскрытия в своей деятельности часто используют схожие средства и методы для установления события преступления и лица, его совершившего, то есть речь идет об относительно устойчивой и регулярной взаимосвязи элементов этой деятельности (закономерностях).

Однако раскрытие преступлений как социальное явление не имеет теоретической базы в форме самостоятельной частной теории, где бы излагались наиболее значимые теоретические построения, основанные на результатах изучения закономерностей этого вида деятельности. Поэтому исследователям следует задуматься о необходимости разработки самостоятельной частной криминалистической теории раскрытия преступлений, ее глубоком и всестороннем обосновании, а также поэтапной реализации.

Обзор литературы

Обзор отечественной научной литературы свидетельствует об отсутствии специальных исследований по проблемам раскрытия преступлений на монографическом уровне. В частности, автором не обнаружено ни одного диссертационного исследования в рамках рассматриваемого направления. Однако вопросы раскрытия преступлений всегда были предметом пристального внимания ученых, представляющих «криминалистический» блок. Особенно активно интерес к данной проблеме стал проявляться в последние годы [2, 3, 4, 5].

Автором были изучены точки зрения многих известных ученых-криминалистов, а также

специалистов в области уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности по вопросам раскрытия преступлений.

Так, одним из предметов для дискуссий стал вопрос о признании преступления раскрытым в зависимости от установления круга обстоятельств, подлежащих доказыванию. А.И. Михайлов, А.И. Сергеев, Ф.Н. Фаткуллин, В.Д. Зеленский, В.Г. Танасевич считали, что для признания преступления раскрытым необходимо установить все обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу; С.П. Митричев, А.Н. Васильев, А.М. Ларин, Ф.Ю. Бердичевский – событие преступления и лицо, его совершившее; Л.Я. Драпкин, И.М. Лузгин – обстоятельства, указанные в п. 1-4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Важным представляется решение вопроса, с какого момента считать преступление раскрытым: с момента появления фигуры подозреваемого, предъявления обвинения (А.К. Гаврилов, И.Ф. Герасимов, С.П. Ефимичев, Л.И. Лавдаренко и др.), вынесения обвинительного заключения (А.И. Михайлов, А.Ф. Волынский, В.Ф. Статкус и др.), вступления приговора суда по делу в законную силу (Н.П. Яблоков, О.Я. Баев, В.Е. Розенцвайг, А.Г. Лекарь, В.С. Овчинский, К.К., Горянов и др.).

Следует понимать, что каждая обозначенная позиция – это плод долгих и обдуманных размышлений, направленных на скорейшее и наиболее полное установление главных обстоятельств по уголовному делу с целью быстрого изобличения виновных в совершении преступлений. Именно изучение точек зрения и иных суждений в совокупности составило основу сформулированной нами теоретической модели раскрытия преступлений.

Материалы и методы

Нормативной правовой основой исследования стали отдельные положения Конституции Российской Федерации, уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства. Теоретико-методологическую основу исследования составили работы ученых – специалистов в области криминалистики, уголовного процесса и теории оперативно-розыскной деятельности.

Были использованы официальные статистические данные МВД России и иные сведения о результатах работы правоохранительных органов России по раскрытию преступлений; информационно-аналитические обзоры о деятельности след-

ственных подразделений по субъектам Российской Федерации за 2017-2022 гг.¹.

При формировании криминалистической теории о раскрытии преступлений следует исходить из базовых методологических начал. Методологическую основу исследования составили общедиалектический метод научного познания, системный и ситуационный подходы, а также сравнительно-правовой и историко-правовой методы исследования.

Базовой является и философская теория истины. Современный уровень развития общества, крупные научно-технические достижения, особенно в области цифровых технологий, ярко демонстрируют очевидную относительность наших знаний. Постоянный процесс перехода от одних относительных форм объективной истины к другим – важнейшее проявление развития процесса познания в ходе раскрытия преступления.

Обращение к ситуационной парадигме и ее объединение с ранее господствовавшей системной выводит на новый уровень практический смысл и необходимость создания новой теории о раскрытии преступлений. Эта теория рассматривает доследственные, следственные и судебные ситуации в тесном единстве, а раскрытие – как непрерывный процесс для их разрешения.

О наличии правовой базы теории раскрытия преступлений свидетельствуют отдельные нормы законодательных и иных нормативных актов, прежде всего речь идет о нормах уголовно-процессуального (ч. 2 ст. 21 УПК РФ и др.) и оперативно-розыскного законодательства (ст. 2 ФЗ «Об ОРД» и др.).

Результаты исследования

Фундаментальное исследование позволило определить актуальную и до сих пор не решенную проблему, связанную с неоднозначным пониманием раскрытия преступлений в науке и практике правоохранительных органов, выявить «ядро» исследования и определить круг решений.

Анализ различных представлений о научной категории «раскрытие преступлений» дает основание утверждать, что она являлась предметом исследования криминалистов и специалистов в области оперативно-розыскной деятельности, проявляют к ней интерес и ученые-процессуалисты.

Результаты исследования свидетельствуют, что наиболее полно закономерности такой деятельности, как раскрытие преступлений, в качестве предмета своего исследования изучила криминалистика. Более того, имелись отдельные попытки

¹ Сайт МВД России. Раздел «Статистика и аналитика». URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 11.02.2023).

по разработке криминалистической теории раскрытия преступления. Особую активность здесь проявили представители Уральской школы криминалистов. Так, один из наиболее известных ее представителей И.Ф. Герасимов в качестве одного из способов обновления криминалистической науки предполагал формирование в ее структуре нового раздела с предположительным названием «Общая теория раскрытия преступлений». В создании данной теории он видел путь совершенствования целостной системы деятельности, осуществляемой в этих целях [6, с. 3].

Полагаем, речь шла об интеграции не только научных криминалистических, но и уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, оперативно-розыскных, организационных и иных знаний в практику правоохранительных и правоприменительных органов. На наш взгляд, в период активной дифференциации наук «антикриминального» цикла реализация предлагаемой И.Ф. Герасимовым идеи о создании нового раздела в криминалистике привела бы в тот период к неоправданным и во многом бесполезным усилиям криминалистической науки. Поэтому данная идея в то время не могла занять достойное место в криминалистике.

В настоящее время идея целостной системы деятельности по раскрытию преступлений вновь востребована. При этом криминалистика, являясь во многом практико-ориентированной наукой, служит основным каналом переноса научных знаний в практику правоохранительных и правоприменительных органов. Именно ученые-криминалисты разрабатывали методики раскрытия и расследования преступлений на различных этапах, с учетом специфики каждой из них.

Первый этап раскрытия преступлений ассоциируется с *оперативно-розыскной деятельностью по выявлению преступления*. Именно методы ОРД позволяют выявить планы и намерения преступников, сделать первые шаги по установлению события преступления и лица, его совершившего. Полагаем, время жестких ограничений доступа следователя ко многим направлениям в ОРД прошло, современные потребности практики диктуют необходимость новых научных разработок по осуществлению синтеза следственной и оперативно-розыскной деятельности, что неоднократно отмечали в своих работах ученые-юристы (А.П. Попов, А.Ф. Волынский, Н.Н. Ковтун, С.Ф. Шумилин и др.).

На втором этапе – *при предварительной проверке сообщения о преступлении* – возможности компетентных органов и их должностных

лиц по раскрытию преступлений в последние годы расширились вследствие дополнения перечня проверочных действий, которые разрешено проводить до возбуждения уголовного дела (новая редакция ст. 144 УПК РФ от 4 марта 2013 г.) (В.Н. Григорьев, А.Н. Ильин, Л.А. Савина и др.).

Более подробно в научной литературе рассмотрен процесс раскрытия преступлений на 3, 4, 5 и 6 этапах, а именно: на третьем этапе – *в ходе расследования по горячим следам*; на четвертом этапе – *на последующем (основном) периоде расследования* – установление события преступления и лица, его совершившего, вплоть до составления обвинительного заключения; на пятом этапе (факультативном) – *в ходе работы по приостановленным делам о нераскрытых преступлениях*; на шестом этапе (факультативном) – *при расследовании по возобновленному делу*.

На седьмом этапе – *в ходе судебного следствия* – фактически продолжается следствие (судебное), в ходе которого предпринимаются дополнительные меры по установлению полной картины события преступления и лиц, причастных к его совершению, о чем также писали известные ученые-юристы (М.В. Беляев, В.Г. Ульянов, А.А. Корчагин и др.). Нередко информация о новых обстоятельствах по рассматриваемому в суде делу выявляется в ходе оперативно-розыскного сопровождения, осуществляемого в рамках Федерального закона об ОРД [7].

Результаты изучения различных взглядов и суждений специалистов в сфере уголовно-процессуального права, теории ОРД, криминалистики в совокупности позволяют заявить о фактически сформировавшейся теоретической модели научной категории «раскрытие преступлений», т.е. относительно целостной, структурированной системе взглядов и представлений о нем. Также потребностями практики вызваны разработки по методике раскрытия преступлений на семи ее этапах, большинство которых широко и эффективно применяются в практике правоохранительных органов.

Все эти усилия привели к созданию предпосылок для формирования общей концепции раскрытия преступлений. Известно, что концепция отличается от идей и различных предположений аргументированностью, доказанностью. Последнее предполагает логику рассуждений, результаты которых максимально объективно отражают процесс раскрытия преступлений в условиях противодействия их выявлению и расследованию.

Данная концепция, по мнению автора статьи, предусматривает:

- неочевидность преступлений, подлежащих раскрытию;
- нацеленность следователя и иных компетентных субъектов на выявление, прежде всего, события преступления и лица, его совершившего;
- своевременность выявления и быстрое предварительное раскрытие преступления;
- уголовно-процессуальное обеспечение предварительно раскрытого преступления;
- длительность и цикличность процесса раскрытия преступления;
- плановость работы по раскрытию преступления, комплексность принимаемых мер;
- взаимодействие следователя с оперативными работниками на основе сочетания гласных и негласных мер, постоянное оперативно-розыскное сопровождение расследования по уголовному делу;
- законность, допустимость принимаемых мер по раскрытию преступлений;
- проведение следственных, оперативно-розыскных, организационных и иных мер в рамках тактических операций;
- своевременное выявление признаков (способов) и факторов противодействия раскрытию преступлений и принятие мер по его нейтрализации;
- использование международного сотрудничества и опыта.

В настоящее время возникла необходимость объединения разрозненных знаний о раскрытии преступлений в целостную систему, где наиболее полно будет показана логическая зависимость одних элементов от других. Иными словами, помимо концепции, данная социальная деятельность требует более широких и значимых (специально созданных) теоретических построений, являющихся результатом познания и одновременно отражением в идеальной форме сущности этой деятельности. Таким теоретическим построением может стать научная теория. Однако ни одна наука до сих пор не взялась за разработку такой важной теории.

Раскрытие преступлений как элемент социальной реальности обладает полнотой социальных свойств и признаков – повторяемостью, типичностью, общественной значимостью. Поэтому полное научное понимание раскрытия преступлений становится доступным только той науке, которая перешла к изучению закономерностей организации и осуществления раскрытия, которые обусловлены в свою очередь закономерностями механизма преступлений определенного вида и складывающимися следственными ситуациями.

Эти закономерности способны, в соответствии с требованиями процессуального и оператив-

но-розыскного законодательства, управлять процессом разработки научно обоснованных рекомендаций по наиболее эффективному раскрытию преступлений, совершенствования средств и приемов раскрытия преступлений, а также устанавливают тенденции их развития в будущем.

По нашему мнению, наука криминалистика наиболее полно изучила эти закономерности. Все это открывает широкое поле деятельности для разработки частной криминалистической теории о раскрытии преступлений, которая может стать важной методологической базой исследования и разработки средств, приемов и методик раскрытия и расследования преступлений.

Безусловно, предлагаемая теория не предполагает абсолютно твердой и неизменной системы, а должна находиться в постоянном развитии и совершенствовании достигнутого научного знания о раскрытии преступлений. Иными словами, криминалистическая теория о раскрытии преступлений должна быть динамичной и гибкой. Неотъемлемыми признаками теории явились системность и внутренняя упорядоченность, взаимная обусловленность ее положений.

Формированию указанных признаков и свойств способствует методология научного исследования, включающая основные принципы, соответствие структуры и содержания задачам исследования проблем раскрытия преступлений, а также проверку истинности исследования и др. В частности, основу криминалистической теории о раскрытии преступлений могут составить предмет, объект, методы, структура, своя терминология и направления реализации данной криминалистической теории.

Предметом исследования данной теории являются закономерности деятельности правоохранительных органов по установлению события преступления и лиц, совершивших общественно опасное деяние. Эти закономерности основаны на методах и средствах раскрытия преступлений, апробированных и доказавших свою состоятельность на практике.

Объектом исследования теории являются общественные отношения, связанные с деятельностью преступников по совершению преступлений и противодействием их раскрытию, а также с деятельностью правоохранительных органов по раскрытию преступлений в условиях противодействия их выявлению и расследованию преступлений на различных ее этапах. Автор в ходе исследования пришел к выводу, что раскрытие преступления представляет собой длинный и циклический процесс, что непосредственно связа-

но с противодействием выявлению и расследованию преступлений на различных этапах как досудебного, так и судебного производства.

Терминология криминалистической теории о раскрытии преступлений основывается на понятийном аппарате ряда юридических и иных наук.

Например, базовым методологическим началом теории является философская теория истины. Также практически невозможно раскрыть преступление без должного взаимодействия следователя с другими участниками этого процесса, что позволяет генерировать их криминалистически значимые идеи. Основы взаимодействия разработаны в недрах науки управления, рассматривающей взаимодействие как согласованную по задачам, времени, месту и исполнителям определенную социально полезную деятельность. Прогностическая деятельность по упреждению противодействия раскрытию преступлений учитывает положения прогностики, научной дисциплины о закономерностях разработки прогнозов.

Разработан *методологический подход*, базирующийся на различных научных методах: диалектики и формальной логики, информационных, управленческих, правового регулирования, системного и ситуационного анализа, а также социологических методах.

Диалектический метод познания позволяет рассматривать явления в процессе изменений, развития, в единстве и разнообразии их свойств, во взаимосвязи противоположных сторон. Именно в процессе раскрытия преступлений в условиях противодействия проявляется взаимосвязанность и взаимообусловленность таких противоположностей, как раскрытие и противодействие.

Системный подход предполагает рассмотрение раскрытия преступлений как целостную совокупность различных элементов его механизма (комплексность), взаимодействующих между собой и окружающей средой. *Ситуационный подход* имеет большое значение в практической деятельности в условиях недостаточности и противоречивости исходной информации. При этом следственные, следственные и судебные ситуации рассматриваются в тесном единстве, а раскрытие как непрерывный процесс для их разрешения.

Четкое распределение и *структуризация* накопленного материала позволяет разрабатывать наиболее полно и системно научные рекомендации по раскрытию преступлений в условиях противодействия их выявлению и расследованию, отвечающих потребностям практики. В теории

о раскрытии преступлений следует выделять общую часть – совокупность знаний, относящихся к предмету, объекту, методам и принципам, составляющих основу деятельности по раскрытию преступлений; и особенную часть – совокупность знаний, связанных с раскрытием преступлений на различных его этапах, а также при раскрытии преступлений отдельных видов.

К *направлениям реализации* данной криминалистической теории можно отнести совершенствование имеющихся разработок по теории ситуаций (особенно конфликтных, тактического риска и др.), операций (с использованием рефлексивного мышления и др.), версий и планирования, противодействия расследованию и мер по его преодолению.

Обсуждение и заключение

Любое фундаментальное исследование призвано проверить ту или иную гипотезу, выдвинутую исследователем, определить степень ее «правильности и правдивости», возможность использования в практической деятельности, оценить ее эффективность и пр. Автор выдвинул свою гипотезу, основываясь на собственных теоретических знаниях и богатом практическом опыте. Предположение базировалось на том, что в ходе исследования могут быть получены конкретные сведения, подтверждающие или опровергающие основную гипотезу автора, а именно: раскрытие преступлений – это длящийся, порой непрерывающийся процесс и осуществляемый в подавляющем большинстве случаев в условиях противодействия установлению истины. Прорывом в разрешении проблем раскрытия преступлений может стать (стало) обращение к фундаментальным разработкам ученых по проблемам нейтрализации противодействия раскрытию и расследованию преступлений.

Для проверки гипотезы был осуществлен сбор данных, затем были изучены и проанализированы материалы и на их основании сформированы рекомендации и выводы. Автором статьи сформулирована теоретическая модель раскрытия преступления, что является существенным шагом для разработки частной криминалистической теории о раскрытии преступлений, которая может стать важной методологической базой исследования и разработки средств, приемов и методик раскрытия и расследования преступлений и иметь чрезвычайно важное значение для практики борьбы с преступностью. В целом разработка полноценной криминалистической теории раскрытия преступлений позволит уйти от волонтаристского многообразия в рассматриваемом вопросе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лавров В.П. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет: учебное пособие. Москва: Академия управления МВД России, 2013. 72 с.
2. Токманцев Д.В. Разграничение понятий «раскрытие преступлений» и «расследование преступлений» // Законность. 2019. № 11 (1021). С. 50-52.
3. Сотников К.И. Реальные возможности криминалистики в раскрытии преступлений // Журнал юридических исследований. 2022. Т. 7. № 4. С. 84-90.
4. Виноградов А.А. Расследование и раскрытие преступления // Теория и практика расследования преступлений: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2020. С. 164-169.
5. Чупилкин Ю.Б. Содержание категорий «расследование», «раскрытие» и «раскрываемость» преступлений в российском законодательстве. Российская юстиция. 2019. № 4. С. 32-35.
6. Герасимов И.Ф. О перспективах развития и структуре криминалистики // Перспективы развития криминалистики: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1991. С. 3-13.
7. Кудрявицкий А. С. Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение судебного разбирательства дел о преступлениях, совершаемых организованными преступными сообществами: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Тюмень, 2011. 228 с.

REFERENCES

1. Lavrov V.P. Rassledovanie neraskrytyh prestuplenij proshlyh let: uchebnoe posobie. Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2013. 72 s.
2. Tokmancev D.V. Razgranichenie ponyatij «raskrytie prestuplenij» i «rassledovanie prestuplenij» // Zakonnost'. 2019. № 11 (1021). S. 50-52.
3. Sotnikov K.I. Real'nye vozmozhnosti kriminalistiki v raskrytii prestuplenij // ZHurnal yuridicheskikh issledovanij. 2022. T. 7. № 4. S. 84-90.
4. Vinogradov A.A. Rassledovanie i raskrytie prestupleniya // Teoriya i praktika rassledovaniya prestuplenij: materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodar, 2020. S. 164-169.
5. CHupilkin YU.B. Soderzhanie kategorij «rassledovanie», «raskrytie» i «raskryvaemost'» prestuplenij v rossijskom zakonodatel'stve. Rossijskaya yusticiya. 2019. № 4. S. 32-35.
6. Gerasimov I.F. O perspektivah razvitiya i strukture kriminalistiki // Perspektivy razvitiya kriminalistiki: mezhvuz. sb. nauch. tr. Sverdlovsk, 1991. S. 3-13.
7. Kudryavickij A. S. Operativno-rozysknoe i kriminalisticheskoe obespechenie sudebnogo razbiratel'stva del o prestupleniyah, sovershaemyh organizovannymi prestupnymi soobshchestvami: dis. ...kand. yurid. nauk: 12.00.09. Tyumen', 2011. 228 s.

Информация об авторе:

Рахматуллин Рамиль Рашитович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, ramil_crim@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Rahmatullin Ramil Rashitovich, Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Assistant Professor of the Department Of Criminal Procedure And Criminalistics of Kazan (Volga Region) Federal University, ramil_crim@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 14.10.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.85
DOI: 10.37973/KUI.2023.14.33.017



КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Евгения Викторовна Рогова,
Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
Иркутск, Россия, rev-80@yandex.ru,
Елизавета Сергеевна Качурова,
Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия,
kachurova_ls@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена анализу криминологических особенностей насильственной ювенальной пенитенциарной преступности в России, рассмотрению проблем распространения насилия в воспитательных колониях, изучению факторов, способствующих насилию несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы.

Материалы и методы: при написании статьи использовались методы статистического анализа данных о насильственных пенитенциарных преступлениях, несовершеннолетних осужденных; криминологического прогнозирования; диалектический метод. Эмпирическая основа исследования представлена статистическими данными ФСИН России, научными работами, интернет-источниками.

Результаты исследования: на основании результатов исследования криминологических особенностей пенитенциарных насильственных преступлений несовершеннолетних авторы пришли к выводу о необходимости повышения эффективности системы мер предупреждения криминальной агрессии осужденных воспитательных колоний, что требует изменения условий их содержания в местах лишения свободы.

Обсуждение и заключение: с учетом результатов исследования пенитенциарного насилия несовершеннолетних, характеризующегося определенным уровнем латентности, особенностями личности несовершеннолетних осужденных, а также спецификой системы отбывания наказания в виде лишения свободы, обосновывается необходимость внедрения эффективной индивидуальной предупредительной работы с осужденными, усиления психологического контроля динамики состояния несовершеннолетних на всех этапах отбывания наказания, формирования системного персонального подхода к процессу их ресоциализации.

Ключевые слова: пенитенциарная насильственная преступность; предупреждение преступлений; преступность несовершеннолетних; осужденные к лишению свободы; воспитательные колонии; латентность

© Рогова Е. В., Качурова Е.С., 2023

Для цитирования: Рогова Е.В., Качурова Е.С. Криминологические особенности насильственных пенитенциарных преступлений несовершеннолетних // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 132 – 137. DOI: 10.37973/KUI.2023.14.33.017

Scientific article
UDC 343.85
DOI: 10.37973/KUI.2023.14.33.017

CRIMINOLOGICAL FEATURES OF FORCED PENITENTIARY CRIMES OF MINORS

Evgenia Viktorovna Rogova,
the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russia, rev-80@yandex.ru,
Elizaveta Sergeevna Kachurova,
the Baikal State University, Irkutsk, Russia, kachurova_ls@mail.ru

Abstract

Introduction: the authors focus on the analysis of criminological features of violent juvenile crime in Russia, consider the growing crime rate in correctional facilities, study factors that contribute to violence of juveniles sentenced to imprisonment.

Materials and Methods: the authors use the method of statistical analyses of data on violent juvenile crimes committed by the under age detainees, the method criminological prognosis, dialectical method. Statistical data of the Russian Federal Penitentiary Service, scientific works, and Internet sources are the empirical bases for the study.

Results: based on the results of a study of the criminological features of penitentiary violent crimes of minors authors come to the conclusion that it is necessary to improve the system of measures to prevent criminal aggression of convicted educational colonies, which requires changing the conditions of their detention in places of deprivation of liberty.

Discussion and Conclusions: taking into account the results of a study of juvenile penitentiary violence, characterized by a certain level of latency, personality traits of juvenile convicts, as well as the specifics of the system of serving a sentence of imprisonment, the need to introduce effective individual preventive work with convicts, to strengthen psychological control over the dynamics of the state of minors at all stages of serving a sentence, is substantiated, formation of a systematic personal approach to the process of their resocialization.

Keywords: penitentiary violent crime; crime prevention; juvenile delinquency; sentenced to imprisonment; educational colonies; latency

© Rogova E. V., Kachurova E. S., 2023

For citation: Rogova E.V., Kachurova E.S. Criminological Features of Violent Penitentiary Crimes of Minors. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 132 – 137. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.14.33.017

Введение

Вопрос о том, возможно ли снизить уровень пенитенциарного насилия среди осужденных в воспитательных колониях, является важным, поскольку он коррелирует с проблемами предупреждения преступности нескольких криминологических направлений – профилактика пенитенциарных преступлений, преступлений несовершеннолетних и насильственной преступности. Таким образом, анализ факторов, способствующих распространению таких преступлений, является симбиозом объемного изучения негативных условий микросреды режимных исправительных учреждений для несовершеннолетних, индивидуальных и групповых особенностей девиаций таких осужденных, их личностных характеристик, а также специфики криминальной субкультуры, определяющей на-

силе как норму поведения в воспитательных колониях.

Обзор литературы

Изучению данной проблемы посвящены работы, которые условно можно разделить на несколько сегментов. В первую очередь необходимо выделить исследования Ю.М. Антоняна, Г.Ф. Хохрякова, О.В. Старкова, И.В. Шмарова и других авторов, раскрывающие понятие преступности в местах лишения свободы, определяющие ее виды и меры предупреждения.

Непосредственно пенитенциарное насилие стало объектом исследования в трудах Е.А. Бирюковой, А.О. Буянова, Е.А. Минковой, Л.Б. Смирнова и др.

Вопросам изучения насильственной преступности несовершеннолетних посвящены работы Д.А. Шестакова, Р.А. Базарова, Г.Н. Доронина,

А.В. Двойменного, И.Ю. Колосковой, В.Г. Рудь, С.В. Федяева, Е.А. Писаревской.

При этом изучение насильственной пенитенциарной преступности несовершеннолетних является актуальным, поскольку объединяет в себе несколько направлений криминологических исследований, детализируя специфику рассматриваемых преступлений.

Материалы и методы

Исследование вопросов, связанных с пенитенциарным насилием несовершеннолетних осужденных, осуществлено при помощи логического метода научного исследования, методов анализа и синтеза, дедукции и индукции, статистического анализа.

Материальную основу исследования составили нормативные правовые акты, содержащие нормы отечественного и международного права (законы, конвенции, положения и др.), статистические данные ФСИН России за период с 2017 по 2022 г.¹, результаты интервьюирования экспертов – сотрудников ФСИН и прокуратуры Иркутской области, материалы интернет-источников, а также ряд доктринальных источников российского уголовного и уголовно-исполнительного права.

Результаты исследования

Для более эффективного формирования системы мер пенитенциарного предупреждения насильственных преступлений в воспитательных колониях необходимо изучить криминологическую специфику отдельных элементов насилия несовершеннолетних в местах лишения свободы, определить особые причины и условия, способствующие совершению насильственных преступлений несовершеннолетними осужденными, выявить негативные криминологические факторы влияния на осужденных подростков.

Пенитенциарное насилие несовершеннолетних указывает на несостоятельность исправительной системы, исключает возможность реализации соответствующих воспитательных мероприятий и приводит в дальнейшем к утрате для осужденного шанса на ресоциализацию, поскольку агрессивные реакции и применение насилия в отношении других становится для него нормой коммуникации. Воспитательно-исправительный процесс в колониях для несовершеннолетних имеет ряд особенностей, связанных как с возрастом осужденных, влияющих на пубертатное восприятие изолированной среды и чрезмерные агрессивные реакции, так и целями такого наказания, которое

для несовершеннолетних является исключительным и максимально строгим.

Либерализация и гуманизация всей системы наказаний дополнительно расширяют круг прав несовершеннолетних преступников, а лишение несовершеннолетних свободы является крайней мерой государственного принуждения, когда в арсенале не остается иных средств и способов влияния на несовершеннолетнего, что способствует минимизации репрессивных мер принуждения, однако также влечет за собой концентрацию на территории колоний наиболее агрессивных несовершеннолетних, что приводит к росту пенитенциарной криминальной активности. Несмотря на то, что лишение свободы не является приоритетным видом наказания в отношении несовершеннолетних, оно остается необходимым.

Попадая в условия изоляции, несовершеннолетние, уже, как правило, имеющие ряд социально-психологических девиаций, не способны противостоять стрессу и вынуждены либо защищаться от нападков других осужденных, либо стремиться стать лидерами неформальных групп с помощью демонстрации своей силы в результате применения насилия в отношении других [1]. Такое поведение становится нормой, а некоторые осужденные, страдающие различными формами психопатии, шизофренией и иными психическими расстройствами, не исключая вменяемости, совершают насильственные действия регулярно, без страха наказания, поскольку уже находятся в местах лишения свободы. При характеристике осужденных несовершеннолетних важно выделить тех, кто страдает алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией и нуждается в повышенном контроле со стороны штатных психологов, поскольку в зависимости от расстройства они склонны к проявлению агрессии, аутоагрессии, могут совершать насильственные действия в отношении других осужденных.

Изоляция несовершеннолетних осужденных оказывает негативное влияние на неустойчивую психику подростков, в некоторых случаях вызывает аутоагрессию и другие психические негативные реакции, особенно на первоначальном адаптационном этапе отбывания наказания. Такое психическое состояние осужденных создает негативный климат, влияющий на повышенную криминогенность пенитенциарной обстановки в воспитательных колониях.

¹ Об утверждении формы статистической отчетности ФСИН-1 «Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы» и инструкции по ее заполнению и представлению» (с изменениями и дополнениями). Приложение № 1. Форма ФСИН-1 (квартальная) «Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы»: приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 01.08.2014 № 398. URL: <https://base.garant.ru/71198336/?ysclid=ld4g31xf41949764975> (дата обращения: 27.12.2022).

По данным официальной статистики ФСИН России, по состоянию на 1 октября 2022 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы в 14 воспитательных колониях для несовершеннолетних содержится 830 подростков, что на 12 меньше, чем в январе 2022 г.

По данным прокуратуры, в воспитательной колонии г. Ангарска Иркутской области за последние 3 года не зарегистрировано насильственных преступлений, что может свидетельствовать как об улучшении режимной обстановки, так и о латентности насилия несовершеннолетних осужденных. Снижение численности осужденных позволяет их контролировать и реализовывать индивидуальную воспитательную работу. С учетом позитивных изменений необходимо отметить по-прежнему недостаточный уровень индивидуальной психологической работы с несовершеннолетними в процессе отбывания наказания, поскольку именно условия изоляции могут сделать такую коррекцию регулярной и действенной, что приведет весь процесс к цели – исправлению несовершеннолетнего осужденного, его личностному росту, изменениям ценностных ориентаций и осознанностью реакций на внешние раздражители.

При этом нельзя исключать и долю латентности насилия в воспитательных колониях, влияющую на данные официальной статистики, поскольку случаи обращения осужденных с различными травмами все же присутствуют, хотя и проверяются сотрудниками исправительных учреждений [2]. Такие факты применения насилия скрываются самими осужденными, стремящимися соблюдать традиции тюремной субкультуры, предписывающие необходимость скрывать конфликты от администрации колонии. Некоторые подростки буквально заражены криминальной идеологией, испытывают желание «подняться» по тюремной иерархии до взрослых колоний и всячески препятствуют воспитательной работе. В воспитательных колониях остался ритуал «прописки», когда вновь прибывший осужденный проходит определенные испытания, чтобы зарекомендовать себя. При этом отрицательно характеризующиеся осужденные, как правило, объединяются в группы, задавая общий агрессивный тон пенитенциарной коммуникации подростков и совместно совершая насильственные преступления [3, с. 4]. Такие осужденные способны влиять на остальных несовершеннолетних, требуют повышенного внимания со стороны сотрудников, именно персональная работа квалифицированных психологов, специализирующихся на ювенальной девиации, способна изменить приверженность подростка криминальной субкультуре путем разо-

блечения лжеидеологии и привития истинных человеческих ценностей – воспитание патриотизма, великодушия и уважения к правилам человеческого общежития. Именно в процессе отбывания наказания подростки должны приобрести навыки законопослушного поведения и возможность социализации после отбывания лишения свободы.

Жертвами пенитенциарного насилия, как правило, становятся несовершеннолетние, не являющиеся приверженцами криминальной субкультуры, не знающие особые правила, криминальные традиции и ритуалы, которые могут из чувства страха, безысходности, вести себя безынициативно, в случае угрозы личной безопасности – опасаясь сообщить сотрудникам администрации, длительное время терпеть насилие [4, с. 20].

Подростки, осужденные к лишению свободы, отличаются импульсивностью, повышенной эмоциональностью, склонны к демонстрационному поведению и, как правило, не умеют и не хотят контролировать свои агрессивные реакции. В отличие от взрослых, несовершеннолетние осужденные подвержены сложным психологическим состояниям и реакциям, связанным, в том числе, с соответствующими гормональными изменениями, невозможностью во время изоляции общаться с лицами противоположного пола, отсутствием семьи, друзей, правом выбора досуга и режим колонии, определенным распорядком и обязательствами осужденного.

В связи с этим целесообразно стремиться к обеспечению эффективной индивидуальной профессиональной психологической помощи осужденным подросткам, работать с использованием новых методов и средств практической психологии, учетом современных девиаций и способов их корректировки, уходить от формализма в организации воспитательной и психологической работы с осужденными подростками с помощью дополнительных требований к специалистам воспитательных колоний, повышения их статуса [5, с. 80]. Нешаблонный подход к организации воспитательного процесса, планомерная и системная, регулярная работа квалифицированных психологов, сбалансированная система воспитательных мероприятий, приобщение к спорту, развитие духовности и творческого потенциала с использованием всех средств – вот что может помочь осужденным подросткам достичь исправления и не совершать больше преступлений.

Обсуждение и заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости оптимизации процесса исправления осужденных несовершеннолетних в воспитательных колониях с целью своевременного

предупреждения криминального пенитенциарного насилия, с помощью дополнительных мероприятий, включая комплексную индивидуальную психологическую работу по коррекции поведения несовершеннолетнего, с использованием современных методов реабилитации. Насилие и повышенная агрессия на территориях воспитательных колоний являются опасным явлением, свидетельствующим о недостаточности применяемых мер воспитательного воздействия и необходимости внедрения новых мер эффективной профилактики пенитенциарной агрессии несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, что является условием предотвращения формирования в будущем личности профессионального преступника с устойчивым криминальным сознанием. В связи с этим необходимо дополнить систему воспитательной пенитенциарной работы программами

по психологическо-когнитивной адаптации несовершеннолетних, направленными на устранение криминогенных девиаций, например, таких как враждебность, импульсивность, конфликтность, а также антиобщественные установки и приверженность тюремной субкультуре. Применение таких индивидуальных программ должно основываться на комплексном изучении личности осужденного, его прошлого, изучении его реакций во время отбывания наказания. Таким образом, для снижения насилия в воспитательных колониях важно сформировать в процессе отбывания несовершеннолетними наказания правильные установки и навыки контроля в криминогенной ситуации. Такие установки будут способствовать стремлению осужденного к правопослушному поведению и помогут в социальной адаптации после отбывания наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колесников Р.В. Современное состояние преступности несовершеннолетних // Пенитенциарная наука. 2022. № 1 (57). С. 47 – 56. DOI: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.005
2. Уваров А.И. Латентность пенитенциарной преступности: понятие и виды // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/latentnost-penitentsiarnoy-prestupnosti-ponyatie-i-vidy> (дата обращения: 08.11.2022).
3. Фейзуллаев Ф.М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия групповой преступности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Вологда, 2015. 24 с.
4. Репецкая А.Л., Качурова Е.С. Виктимологическая характеристика потерпевшего от насильственных преступлений, совершенных в местах лишения свободы // Всероссийский криминологический журнал. 2008. № 2. С. 17 – 21.
5. Рогова Е.В., Гайдай М.К. Ранняя профилактика преступности несовершеннолетних: сущность, меры и субъекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 4 (91). С. 78 – 87.

REFERENCES

1. Kolesnikov R.V. Sovremennoe sostoyanie prestupnosti nesovershennoletnih // Penitenciarnaya nauka. 2022. № 1 (57). S. 47 – 56. DOI: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.005
2. Uvarov A.I. Latentnost' penitentsiarnoj prestupnosti: ponyatie i vidy // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/latentnost-penitentsiarnoy-prestupnosti-ponyatie-i-vidy> (data obrashcheniya: 08.11.2022).
3. Fejzullaev F.M. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty protivodejstviya gruppovoj prestupnosti nesovershennoletnih osuzhdennyh, otbyvayushchih nakazanie v mestah lisheniya svobody: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Vologda, 2015. 24 s.
4. Repeckaya A.L., Kachurova E.S. Viktimologicheskaya harakteristika poterpevshego ot nasil'stvennyh prestuplenij, sovershennyh v mestah lisheniya svobody // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2008. № 2. S. 17 – 21.
5. Rogova E.V., Gajdaj M.K. Rannyaya profilaktika prestupnosti nesovershennoletnih: sushchnost', mery i sub"ekty // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 4 (91). S. 78 – 87.

Информация об авторах:

Рогова Евгения Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, ORCID: 0000-0002-2524-0241, ResearcherID: AAS-4345-2021, rev-80@yandex.ru

Качурова Елизавета Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета, ORCID: 0000-0001-8014-8299, kachurova_ls@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Rogova Evgenia V., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, ORCID: 0000-0002-2524-0241, ResearcherID: AAS-4345-2021, rev-80@yandex.ru

Kachurova Elizaveta S., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics, Forensic Expertise and Legal Psychology, Baikal State University, ORCID: 0000-0001-8014-8299, kachurova_ls@mail.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Рогова Евгения Викторовна – проведение критического осмысления и структурирование собранных материалов, подготовка окончательного варианта текста статьи, формулировка практических рекомендаций.

Качурова Елизавета Сергеевна – подготовка первоначального варианта статьи, структурирование методической части статьи, обобщение полученных результатов, формулировка выводов, работа с библиографическим аппаратом.

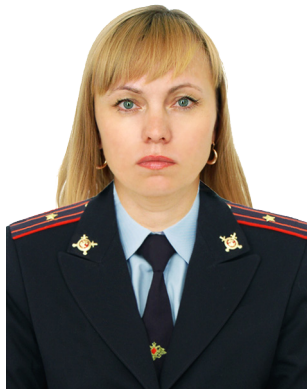
Статья получена: 28.12.2022

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.1
DOI: 10.37973/KUI.2023.57.45.018



ОБ ЭЛЕКТРОННОМ ДОКУМЕНТЕ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Анна Николаевна Савченко,
Омская академия МВД России, Омск, Россия
shilovaanna@inbox.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматривается возможность использования в досудебном уголовном производстве электронных документов, предлагаются авторское понятие электронного документа в досудебном уголовном производстве и классификация электронных документов.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составил метод обработки и систематизации информации, сравнение, анализ законодательной базы, дедукция и индукция. Материальной основой исследования послужили труды ученых-процессуалистов, посвященные проблемам внедрения в уголовный процесс электронных уголовных дел, электронного документооборота и электронных документов.

Результаты исследования: автор приходит к выводу о необходимости использования в досудебном уголовном производстве электронных документов, осуществляет их классификацию.

Обсуждение и заключение: введение электронного документа в досудебное уголовное производство будет способствовать внедрению электронного производства по уголовным делам в уголовный процесс.

Ключевые слова: уголовный процесс; электронный документ; досудебное производство; электронное уголовное дело; копия электронного документа; электронный документооборот

© Савченко А.Н., 2023

Для цитирования: Савченко А.Н. Об электронном документе в досудебном уголовном производстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 138 – 145. DOI: 10.37973/KUI.2023.57.45.018

Scientific article
UDC 343.1
DOI: 10.37973/KUI.2023.57.45.018

ELECTRONIC DOCUMENTS IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Anna Nikolayevna Savchenko,
the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia,
shilovaanna@inbox.ru

Abstract

Introduction: the author considers the possibility of the usage of electronic documents in the pre-trial proceedings, gives their own definition of an electronic document in the pre-trial proceedings, and electronic documents classification.

Materials and Methods: the methodology of the study were methods of systematization and processing of information, analysis of legislation, deduction and induction. The material basis of the study were works of scientists-processualists devoted to the problems of implementation in the criminal process of electronic criminal cases, electronic document management and electronic documents.

Results: the author concludes that it is necessary to use electronic documents in the pre-trial proceedings, classifies them and gives their own definition of electronic documents.

Discussion and Conclusions: the introduction of an electronic document in pre-trial criminal proceedings will facilitate the introduction of electronic proceedings in criminal cases.

Keywords: criminal procedure; electronic document; pre-trial proceedings; electronic criminal case; copy of electronic document; electronic document flow

© Savchenko A.N., 2023

For citation: Savchenko A.N. Electronic Documents in Pre-Trial Criminal Proceedings. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 138 – 145. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.57.45.018

Введение

Развитие современных цифровых технологий сохранения и передачи информации неизбежно затронуло и уголовный процесс. Доказательства останутся доказательствами, а способы их получения и фиксации претерпят изменения. Это неизбежно произойдет в результате внедрения в досудебное уголовное производство электронных документов и электронного делопроизводства. Так, за последние годы уголовный процесс претерпел значительные изменения, направленные на усовершенствование как процесса расследования уголовных дел, так и рассмотрения уголовных дел в суде. Действующим законодательством регламентировано использование электронных документов в деятельности судов, предусмотрено изъятие электронных носителей информации, разрешено проведение следственных действий в системе видео-конференц-связи. Все эти изменения являются серьезной предпосылкой к отказу от бумажного производства и переходу к электронным уголовным делам.

Уголовное дело содержит массу различных документов: документы – доказательства: протоколы следственных и судебных действий, заключение эксперта (специалиста) (ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)); иные документы (ст. 73 УПК РФ), которые могут быть зафиксированы в письменном или другом виде, а также материалы фото-, киносъемки, аудио- и видеозаписи, иные носители информации, полученные, истребованные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ; вещественные доказательства, которые служили средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела, и в то же время документы – решения, предписания, указания и т.д.

Эти документы отличаются по форме, содержанию, источнику происхождения, статусу.

Для того чтобы осуществить планомерный переход от бумажного производства к электронному, необходимо в первую очередь создать порядок формирования электронного документа, его

движения и хранения. В практической деятельности лица, ведущие расследование, не используют электронные документы, а приобщают электронные носители информации в качестве вещественных доказательств; видеозаписи следственных действий служат приложением к бумажному варианту протокола следственного действия.

Обзор литературы

В уголовно-процессуальной науке вопросами перевода уголовных дел в электронный формат изучались С.В. Зуевым [1], П.С. Пастуховым [2], О.В. Качаловой, Ю.А. Цветковым [3]. Использование электронных документов в уголовном процессе в своих работах затрагивали Т.Э. Кукаркина [4], А.Н. Першин [5], В.С. Шишкин [6], Е.П. Шульгин [7] и другие.

Однако комплексных исследований возможности внедрения в досудебное уголовное производство электронных документов для оптимизации расследования не проводилось.

Материалы и методы

Теоретическую основу исследования составили научные труды российских ученых-процессуалистов, посвященные вопросам внедрения в уголовный процесс информационных технологий.

Методологию исследования составили изучение практики использования электронных документов в зарубежных странах, анализ определений электронного документа, содержащихся в законодательных актах и предлагаемых учеными.

Эмпирическая основа исследования представлена результатами анкетирования следователей и дознавателей о возможности использования электронного документа в досудебном уголовном производстве, возможностях перевода досудебного производства в электронный формат.

Результаты исследования

Понятие документа введено в употребление во времена Петра I и на протяжении многих лет претерпевало изменения в связи с развитием информационных технологий. Так, с внедрением автоматизированных систем управления в СССР в 1970 г. зародилось понятие «машинописный документ» [8, с. 269]; документ, который читался с

помощью особых устройств и приспособлений, назывался «технотронным» [9]. К такому документу ученые стали относить не только документы в виде текста, но и кино-, фото-, фоно-, видеодокументы, которые закрепляли информацию любым способом. С появлением компьютеров в 1981 году появляются «документы, проходящие все стадии своего жизненного цикла – от создания до уничтожения в электронном виде. Таким образом, документы, возникшие в результате применения цифровых методов записи информации, стали называть электронными документами» [10, с. 91]. Стремительное развитие информационных технологий не обошло стороной и уголовный процесс. Такие термины, как «видео» (44), «компьютер» (1), «видео-конференц-связь» (13), «электронный» (63), «Интернет» (11), упоминаются в УПК РФ 132 раза, однако УПК Российской Федерации не содержит понятие электронного документа, кроме статьи 474, в которой указано, что процессуальные документы могут быть выполнены электронным способом. Полагаем, что под словом «электронным» законодатель подразумевал создание документа как простой набор текста с использованием персонального компьютера и затем перевод в бумажную форму, но никак не его формирование посредством электронного производства. В настоящее время данная норма более чем актуальна и толковать ее необходимо не иначе как разрешение на изготовление документов в электронном виде, без распечатки на бумажный носитель.

Проанализируем несколько определений электронного документа, представленных в различных нормативных актах. Это «документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах»¹; «документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью и отвечающий требованиям общей инфраструкту-

ры документирования информации в электронном виде»²; «информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью»³.

В настоящее время ни УПК РФ, ни ведомственные приказы не дают определение электронного документа применительно к досудебному производству по делу.

В отличие от российского законодательства, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан в п. 15 ст. 7 закрепляет понятие электронного документа: «это документ, в котором информация предоставлена в электронно-цифровом виде и удостоверена посредством электронной цифровой подписи»⁴.

Аналогичное понятие электронного документа дает п. 57 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики⁵.

Из приведенных понятий следует, что электронным документом можно считать лишь тот документ, который оформлен в установленном порядке и удостоверен электронной подписью. Такого мнения придерживаются Г.В. Костикова [11, с. 471-472], А.В. Ермолаева [12, с. 77-78], Е.И. Трофимов [13, с. 446-447], И.И. Ященко [14, с. 174 – 186]. Для того чтобы электронный документ обладал юридической силой, по утверждению А.Н. Першина, его «неотъемлемыми признаками, которые отличают электронного документ от иных форм электронной информации, являются документированность, т. е. управляемость этой информации, и обязательное значение такого реквизита как электронная подпись. В случае отсутствия у электронной информации указанных признаков речь следует вести об электронном сообщении [5, с. 34 – 38].

В Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под электронным сообщением понимается информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети. Возникает вопрос, почему СМС-сообщение, электронная переписка участников уголовного процесса не могут являться документами. Если

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2022).

² О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 57. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2022).

³ Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.01.2011 № 63-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2022).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V. URL: <http://continent-online.com/Document> (дата обращения 01.04.2022).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 129. URL: <http://continent-online.com/Document>, (дата обращения 01.04.2022).

эта информация не подписана электронной подписью, но может иметь значение для уголовного дела, она приобщается к материалам уголовного дела как иной документ. То же самое можно сказать о приобщении к материалам уголовного дела информации из Информационного центра МВД России о наличии у лица судимости, наказаний за административные правонарушения. Данная информация поступает к лицу, производящему расследование, в электронной форме без удостоверения электронной подписью. Однако следователь переносит эту информацию на бумагу и приобщает к материалам уголовного дела. Это относится и к любым другим электронным данным, которые лицо, производящее расследование, получает из различных баз данных, а также от физических лиц. Полагаем, следует согласиться с С.И. Семилетовым о том, что «база данных как сводный документ является уникальным электронным документом, юридическая сила которого определяется не электронной цифровой подписью, а правовым режимом самой базы данных, специальными законами или иными нормативно-правовыми актами, юридическим статусом держателя базы данных, его полномочиями и ответственностью» [9]. Поэтому понятие электронного документа для уголовного процесса необходимо трактовать гораздо шире, чем понятие электронного документа, предусмотренного федеральными законами Российской Федерации.

Статья 841 Уголовного кодекса Канады раскрывает понятие электронного документа как любого носителя компьютерной системы или другого подобного устройства, где записаны и хранятся данные, которые могут быть прочитаны или восприняты человеком, компьютерной системой или другим устройством. В определение электронного документа включаются также такие признаки, как отображение информации на мониторе, его распечатка или другой вывод данных любого документа, его содержание, истребование, экспонирование, уведомление или любая форма, в которой содержатся данные [1, с. 216].

Уголовно-процессуальный кодекс Сингапура не дает понятия электронного документа, а отсылает правоприменителя к закону об электронных сделках 2011 г., согласно которому, информация не может быть лишена юридической силы, действительности или исковой силы только на том основании, что она представлена в форме электронной записи (п. 7 ч. II Закона об электронных сделках Сингапура). «Электронная запись», в свою очередь, означает запись, сгенерированную,

переданную, полученную или сохраненную электронными средствами в информационной системе или для передачи из одной информационной системы в другую (п. 2 ч. I Закона об электронных сделках Сингапура).

Таким образом, электронная подпись не всегда является признаком электронного документа.

Согласимся с определением электронного документа, предложенным Т.Э. Кукаркиной. По ее мнению, «электронный документ как источник судебных доказательств – объект несущий информацию, имеющую значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу и существующий только в электронной среде в виде доступном для использования в уголовном судопроизводстве» [4, с. 17].

Автор не указывает на необходимость наличия подписи в электронном документе, а выделяет такие признаки, как информативность, значимость для уголовного дела и доступность. Вместе с тем любой документ в уголовном процессе должен быть идентифицирован, то есть должно быть определено лицо, которое создало этот документ. Только тогда документ будет иметь значение для уголовного дела. Источником информации является человек, а документ – это лишь форма выражения человеком этой информации на бумажном или электронном носителе. Таким образом, следует отметить еще один признак электронного документа – идентификацию.

При оценке электронных документов с помощью технических критериев ученые разграничивают документы, созданные человеком и электронной системой.

Рассмотрим электронный документ, созданный электронной системой. Речь идет об истории действий пользователя, или программы, или записи установленной видеокамеры в автоматической режиме. Такие документы содержат информацию об истории состоявшихся сеансах связи, передаваемых сообщений, поиска информации, внесения и изменение документа т.д. Файлы регистрации имеют большое значение в расследовании преступлений (например: дистанционных мошенничеств, приобретении наркотических веществ через интернет-ресурс и т.д.). По нашему мнению, идентифицировать происхождение этих документов-файлов тоже возможно, установив соответствующего провайдера (поставщика интернет-услуг). Контроль за деятельностью любой компании, предоставляющей услуги Интернета, осуществляет человек, что позволяет в результате поисковых действий установить автора (исполнителя) каждого документа (файла).

Кроме того, опыт расследования разных видов преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, позволяет идентифицировать происхождение того или иного документа путем проведения несложных манипуляций в Интернете и с помощью соответствующих судебных экспертиз.

Важным является вопрос об использовании электронных документов в доказывании, то есть придания им юридической силы. Юридическая сила документа «проявляется посредством степени его воздействия на правоотношения через его форму представления и юридического оформления выделенной информации в порядке, установленном законом или иными нормативно-правовыми актами органов государственной власти» [9]. Прежде всего, документ должен отвечать требованиям уголовно-процессуального законодательства – иметь соответствующую форму, при этом отвечать требованиям относимости, достоверности и допустимости. Форма процессуальных документов в уголовном процессе строго не определена, но закон предусматривает обязательные процедуры и реквизиты, характеризующие субъектов, составивших документ, от которых в ряде случаев зависит возможность признания его юридической силы. В уголовном процессе все документы имеют значение в доказывании, так как несут определенную информацию, сведения, имеющие значение для уголовного дела. Несомненно, те документы, которые готовятся должностными лицами, должны иметь юридическую форму, но в уголовном процессе существует ряд документов, которые исходят от гражданских лиц. К этим документам не могут предъявляться те или иные требования, а вот порядок их приобщения должен быть определен законом.

В конце XX века архивисты выделили три группы электронных документов: оцифрованные с помощью сканера электронные документы, современные электронные документы (существующие только в цифровом виде) и электронные документы, которые являются продуктами различных безбумажных технологий (пересылка сообщений в виде файлов по телекоммуникационным каналам) [15, с. 60]. А.С. Глащенко предложил классифицировать все электронные документы с помощью технических критериев: по типу содержимого, способу создания, материальному носителю, форме восприятия, степени защищенности, публичности (доступности), наличию цифровой подписи [16, с. 30]. Данная классификация не в полной мере подходит для электронных документов уголовного процесса, поскольку документы не мо-

гут оцениваться только с технической стороны, в уголовном процессе важно, чтобы все документы имели доказательственное значение. Научный интерес представляет классификация документов, предложенная Г.З. Залаевым, который разделил документы по способу изготовления: на машинных носителях, оцифрованные документы, документы мультимедийной среды и электронные документы делопроизводства [17, с. 13-19]. Данная классификация могла бы быть использована в уголовном процессе и представляет актуальность.

Считаем необходимым все электронные документы досудебного производства разделить на документы, составленные должностными лицами, вовлеченными в процесс расследования, и составленные иными лицами и содержащие сведения, имеющие значение для дела. Предложенная классификация свидетельствует о разных требованиях к этим документам. Так, документы, составленные должностными лицами, вовлеченными в расследование, должны отвечать требованиям уголовно-процессуального законодательства, ведомственным приказам и обладать всеми признаками электронного документа – это решения по делу, протоколы следственных действий, объяснения, справки, указания, рапорты и т.д. Эти документы должны формироваться на электронном носителе, иметь соответствующую форму и содержание, реквизиты, электронную подпись или ее аналог.

Другая группа – документы, составленные иными лицами и содержащие сведения, имеющие значение для дела (иные документы и документы, которые приобретают впоследствии статус вещественных доказательств). К этим документам не могут предъявляться те же требования, что и к электронным документам первой группы. Во-первых, эти документы могут быть изготовлены физическими лицами на электронных и бумажных носителях. При изготовлении на электронных носителях не каждое физическое лицо имеет возможность подписать документ цифровой подписью или ее аналогом. К этой группе документов могут быть отнесены переписка между участниками уголовного процесса, аудио- и видеозаписи, записные книжки, записки, альбомы, дневники и т.д. Кроме того, документы физических и юридических лиц могут быть выполнены и на бумажном носителе и представлены следователю. В этом случае следователь должен придать им электронный вид путем сканирования и помещения в соответствующий файл уголовного дела. Документы данной группы не имеют строгой формы, однако порядок приобщения их к ма-

териалам уголовного дела остается неизменным в соответствии с УПК РФ.

Обсуждение и заключение

Из 43 опрошенных сотрудников подразделений дознания и следствия, проходящих службу в УМВД России по Омской области, 88,37% считают, что внедрение в досудебное уголовное производство электронного документа и электронного документооборота позволит существенно оптимизировать работу следователей и дознавателей по обмену информацией между участниками процесса и должностными лицами и будет способствовать переводу досудебного производства в электронный формат. 9,3% утверждают, что электронный документ и электронный документооборот не требуются в досудебном производстве, и 2,32% опрошенных предложили свой вариант ответа, в котором указали, что электронный документ не может существовать без бумажного оригинала. 58,13% опрошенных считают, что электронный документ на досудебном производстве – это любая информация, имеющая значение для уголовного дела, созданная человеком в электронной среде или помещенная в электронную среду, пригодная для восприятия, передачи и хранения, с возможностью идентификации источника этой информации, 39,53% утверждают, что это документ, созданный на электронном носителе информации и заверенный электронной подписью, и лишь 2,32% предполагают, что это любой документ, выполненный на бумажном носителе и преобразованный в электронный формат в результате сканирования. Научный интерес представляет мнение практиков о формировании электронного протокола следственного действия. В 2021 году нами было опрошено 149 сотрудников полиции, включая руководящий состав (Омской, Тверской, Свердловской, Ульяновской, Мурманской, Ярославской, Томской, Амурской областей, Забайкальского края, Республики Башкортостан, Чувашской Республики), среди которых 67,11% считают, что электронный протокол следственного действия должен быть напечатан на электронном носителе и подписан электронной подписью или ее аналогом, 28,18% предполагают, что электронный протокол следственного действия может быть записан на аудио, видео с фиксацией времени, даты, места составления, без применения печатного текста, 3,3% считают,

что протокол должен быть составлен в бумажном виде и отсканирован и 1,34% категорически отрицают наличие в досудебном производстве электронного протокола следственного действия. Исследование дает основание утверждать, что практические работники допускают появление на досудебном производстве видеопротоколов, и мы полностью согласны с мнением П.С. Пастухова о переводе следственных действий в видеоформат [18, с. 22]. Однако не все практики считают, что видеопротокол подходит для всех следственных действий, а только для тех, которые были проведены с помощью видео-конференц-связи.

На основании изложенного сформулируем ряд выводов.

Под электронным документом в досудебном производстве следует понимать любую информацию, имеющую значение для уголовного дела, созданную человеком в электронной среде или помещенную в электронную среду, пригодную для восприятия, передачи и хранения, с возможностью идентификации источника этой информации.

Все электронные документы в уголовном процессе можно разделить на две группы: 1) составленные должностными лицами, вовлеченными в процесс расследования; 2) составленные иными лицами и содержащие сведения, имеющие значение для уголовного дела.

Документы, составленные должностными лицами, вовлеченными в процесс расследования, в свою очередь, подразделяются на:

а) удостоверенные подписью (электронной, с помощью аналога собственноручной подписи, отпечатка пальца, биометрической системы).

б) полученные из официальных источников, например, из ИЦ УВД – требование о судимости или список нарушений дорожно-транспортной дисциплины (когда происхождение из достоверного источника не требует подписи).

в) аудио-, видеодокументы, которые будут формироваться вместо бумажных и иметь юридическую силу.

г) преобразованные в электронный вид документы, которые были изготовлены на бумажном носителе в единственном экземпляре и отсканированы; аудио-, видеофайлы, скопированные из одного электронного носителя на другой (завещание, договор, расписка и т.д.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зуев С.В. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран: монография. Москва, 2020. 216 с.
2. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: дис... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2015. 454 с.
3. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95 – 101.
4. Кукаркина Т.Э. Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике: автореф. дис. ... канд.юрид. наук: 12.00.09. Воронеж, 2003. 24 с.
5. Першин А.Н. Электронный документ и электронное сообщение: понятие и особенности поиска в электронной среде // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 3. С. 34 – 38.
6. Шишкин В.С. Документы в доказывании при производстве по уголовному делу: дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2012. 238 с.
7. Шульгин Е.П. Правовые и организационные основы деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. Москва, 2021. 262 с.
8. Филенко Е.Н. Развитие понятия «документ» с внедрением новых информационных технологий // Вестник РГГУ. 2008. № 8. С. 269 – 280.
9. Семилетов С.И. Юридическое значение электронных документов // Электронный документ и документооборот: правовые аспекты: сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. отдел правоведения; РАН. ИГП. Центр публичного права. Сектор информационного права; отв. ред. Е.В. Алферова, И.Л. Бачило. Москва, 2003. С. 54 – 74.
10. Ларин М.В. Управление документацией в организациях. Москва, 2002. 288 с.
11. Костикова Г.В. К вопросу о понятиях «электронный образ документа» и «электронный документ» // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2021. С. 471-472.
12. Ермолаева А.В. Электронный документ и электронная подпись: проблемы регламентации и практики применения // Региональная власть, местное самоуправление и гражданское общество: механизмы взаимодействия: сборник научных трудов. Саратов. 2017. С. 77-78.
13. Трофимов Е.И. Электронная подпись как средство защиты электронных документов от подделки // Педагогическое образование на Алтае. 2014. № 2. С. 446-447.
14. Яценко И.И. Понятие, признаки и функции электронного документа в российском законодательстве, науке и уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, 2022. № 1. С. 174 – 186. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.66.59.016
15. Залаев Г.З. Анализ и классификация электронных документов // Вестник архивиста. 1999. № 2. С. 60-68.
16. Глащенко А.С. Понятие и классификация электронных документов // Вопросы экономики и права. 2012. № 9. С. 28 – 31.
17. Залаев Г.З., Цветкова В.А. Электронные документы и современные технологии // Информационные ресурсы России. 2018. № 2. С. 13 – 19.
18. Пастухов П.С. О необходимости замены в уголовном судопроизводстве письменного протокола электронным документом // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 3. С. 21 – 23.

REFERENCES

1. Zuev S.V. Informacionnyye tekhnologii v ugovolnom processe zarubezhnyh stran: monografiya. Moskva, 2020. 216 s.
2. Pastuhov P.S. Modernizaciya ugovolno-processual'nogo dokazyvaniya v usloviyah informacionnogo obshchestva: dis... d-ra yurid. nauk: 12.00.09. Moskva, 2015. 454 s.
3. Kachalova O.V., Cvetkov YU.A. Elektronnoe ugovolnoe delo – instrument modernizacii ugovolnogo sudoproizvodstva // Rossijskoe pravosudie. 2015. № 2. S. 95 – 101.
4. Kukarkina T.E. Elektronnyj dokument v ugovolnom processe i kriminalistike: avtoref. dis. ... kand.yurid. nauk: 12.00.09. Voronezh, 2003. 24 s.

5. Pershin A.N. Elektronnyj dokument i elektronnoe soobshchenie: ponyatie i osobennosti poiska v elektronnoj srede // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2015. № 3. S. 34 – 38.
6. SHishkin V.S. Dokumenty v dokazyvanii pri proizvodstve po ugovolnomu delu: dis. kand. yurid. nauk: 12.00.09. Moskva, 2012. 238 s.
7. SHul'gin E.P. Pravovye i organizacionnye osnovy deyatel'nosti organov dosudebnogo rassledovaniya MVD Respubliki Kazahstan, osushchestvlyayushchih proizvodstvo v elektronnom formate: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.11. Moskva, 2021. 262 s.
8. Filenko E.N. Razvitie ponyatiya "dokument" s vnedreniem novyh informacionnyh tekhnologij // Vestnik RGGU. 2008. № 8. S. 269 – 280.
9. Semiletov S.I. YUridicheskoe znachenie elektronnyh dokumentov // Elektronnyj dokument i dokumentooborot: pravovye aspekty: sbornik nauchnyh trudov / RAN. INION. Centr social'nyh nauch.-inform. issled. otdel pravovedeniya; RAN. IGP. Centr publichnogo prava. Sektor informacionnogo prava; otv. red. E.V. Alferova, I.L. Bachilo. Moskva, 2003. S. 54 – 74.
11. Kostikova G.V. K voprosu o ponyatiyah "elektronnyj obraz dokumenta" i «elektronnyj dokument» // Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdelenij UIS: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Voronezh, 2021. S. 471-472.
12. Ermolaeva A.V. Elektronnyj dokument i elektronnaya podpis': problemy reglamentacii i praktiki primeneniya // Regional'naya vlast', mestnoe samoupravlenie i grazhdanskoe obshchestvo: mekhanizmy vzaimodejstviya: sbornik nauchnyh trudov. Saratov. 2017. S. 77-78.
13. Trofimov E.I. Elektronnaya podpis' kak sredstvo zashchity elektronnyh dokumentov ot poddelki // Pedagogicheskoe obrazovanie na Altae. 2014. № 2. S. 446-447.
14. YAshchenko I.I. Ponyatie, priznaki i funkcii elektronnoho dokumenta v rossijskom zakonodatel'stve, nauke i ugovolno-processual'noj deyatel'nosti. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii, 2022. № 1. S. 174 – 186. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.66.59.016
15. Zalaev G.Z. Analiz i klassifikaciya elektronnyh dokumentov // Vestnik arhivista. 1999. № 2. S. 60 – 68.
16. Glashchenko A.S. Ponyatie i klassifikaciya elektronnyh dokumentov // Voprosy ekonomiki i prava. 2012. № 9. S. 28 – 31.
17. Zalaev G.Z., Cvetkova V.A. Elektronnye dokumenty i sovremennye tekhnologii // Informacionnye resursy Rossii. 2018. № 2. S. 13 – 19.
18. Pastuhov P.S. O neobhodimosti zameny v ugovolnom sudoproizvodstve pis'mennogo protokola elektronnyim dokumentom // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2015. № 3. S. 21 – 23.



Информация об авторе:

Савченко Анна Николаевна, адъюнкт Омской академии МВД России, shilovaanna@inbox.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Savchenko Anna Nikolayevna, Postgraduate of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, shilovaanna@inbox.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 23.09.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343
DOI: 10.37973/KUI.2023.59.95.019



АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРОВОКАЦИИ ВЗЯТКИ И СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Динар Минзеферович Фарахиев,
Управление экономической безопасности и противодействия коррупции
МВД по Республике Татарстан, Казань, Россия,
dfarakhiev@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена исследованию уголовно-правовых аспектов разграничения провокации взятки и иных составов взяточничества.

Материалы и методы: материалами исследования послужили доктринальные источники, посвященные разграничению провокационных действий и иных составов взяточничества, а также статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации. Основными источниками послужили материалы правоприменительной практики по преступлениям, предусмотренным ст. 290, 291 и 304 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В процессе исследования были использованы общенаучные и частнонаучные методы познания; применялся структурно-логический метод, а также метод уголовно-правового и сравнительного анализа.

Результаты исследования: в процессе исследования были проанализированы проблемные аспекты разграничения провокации взятки и оконченного состава получения взятки, покушения на дачу взятки и коммерческого подкупа. На основании изученных материалов правоприменительной практики по исследуемым составам взяточничества подтверждается сложность разграничения провокации и оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», а также деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ.

Обсуждение и заключение: сформулированы выводы о разграничении провокации взятки и смежных составов взяточничества: оконченного состава получения взятки, покушения на дачу взятки и оконченного состава провокации. Автор предлагает внести изменения в диспозицию ст. 304 УК РФ.

Ключевые слова: должностные лица; органы власти; уголовно-правовые аспекты; преступления коррупционной направленности; получение и дача взятки; провокация взятки; разграничение

© Фарахиев Д.М., 2023

Для цитирования: Фарахиев Д.М. Актуальные вопросы разграничения провокации взятки и смежных составов преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 146 – 154. DOI: 10.37973/KUI.2023.59.95.019

Scientific article

UDC 343

DOI: 10.37973/KUI.2023.59.95.019

TOPICAL ISSUES OF DISTINGUISHING THE PROVOCATION OF A BRIBE
FROM RELATED OFFENSES

Dinar Minzeferovich Farahiev,
the Department of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs
for the Republic of Tatarstan, Kazan', Russia,
dfarakhiev@mail.ru

Abstract

Introduction: this study covers criminal law aspects of distinguishing the provocation of a bribe from other elements of bribery.

Materials and Methods: the basic research for this issue were doctrinal sources dealing with the distinction between provocative actions and other elements of bribery and other corpus delicti of bribery as well as statistical data on crime in Russia. The main materials of this study were the materials of law enforcement practice on crimes under Art. 290, 291 and 304 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the process of research, general scientific and particular scientific methods of cognition were used; the structural-logical method was used, as well as the method of criminal law and comparative analysis.

Results: the author analyzed areas of concern in distinguishing the provocation of a bribe from the completed composition of taking a bribe, attempted bribery and commercial bribery. On the basis of the material reviewed the author confirms the difficulty of distinguishing between provocation and investigative work “investigating experiment” as well as the acts which is provided by Articles of the Special Section of the Criminal Code of the Russian Federation.

Discussion and Conclusions: the author formulated conclusions regarding the distinction between the provocation of a bribe from related elements of bribery: the completed composition of taking a bribe, the attempted bribery and the completed composition of provocation. In conclusion, he proposes to amend the disposition of Art. 304 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: officials; government; criminal law aspects; corruption-related crimes; receiving and giving bribes; provocation of a bribe; delimitation

© Farahiev D.M., 2023

For citation: Farahiev D.M. Topical Issues of Distinguishing the Provocation of a Bribe from Related Offenses. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 146 – 154. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.59.95.019

Введение

Согласно официальным статистическим данным МВД России, за последние пять лет доля преступлений коррупционной направленности в общей структуре преступности составляет около 1,5-2%. Следует отметить, что число коррупционных преступлений, в частности взяточничества, за последние пять лет увеличилось на 15%. Статистические данные о взяточничестве подтверждают общественную опасность исследуемой категории преступлений на территории Российской Федерации. В свою очередь, Республика Татарстан стабильно входит в топ-5 регионов по

количеству зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ: в 2021 году в Республике Татарстан было зарегистрировано 169 преступлений исследуемой категории; в период с января по сентябрь 2022 года – 185 преступлений (прирост + 12,1%)¹. В 2021 году в Республике Татарстан было зарегистрировано 197 преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ²; в период с января по сентябрь 2022 года – 323 преступления³.

Согласно данным судебной статистики, с 2011 по 2015 год на территории России к уголовной ответственности за совершение преступления,

¹ Показатели преступности в России. URL: http://crimestat.ru/offenses_rate (дата обращения 01.11.2022).

² Самый высокий показатель дачи взятки среди всех регионов России за январь – декабрь 2021 года.

³ Самый высокий показатель дачи взятки среди всех регионов России за январь – сентябрь 2022 года.

предусмотренного ст. 304 УК РФ, было привлечено пять человек; за 2016 – 2021 гг. – ни одного¹. Однако следует отметить, что сотрудники оперативных подразделений в своей деятельности часто сталкиваются с гранью провокации и законности в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Провокация взятки представляет собой попытку передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, либо лицу, указанному в части первой ст. 200⁵ УК РФ, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа².

Вне зависимости от того, что провокационные действия являются актуальным направлением исследования, в отечественных судах до сих пор не выработан устойчивый подход к уголовно-правовой оценке действий провокатора и спровоцированного (должностного) лица. Как указывает Ю.П. Попова, цель провокатора заключается в получении сведений для использования их в дальнейшем в качестве доказательств по уголовному делу [1, с. 31]. По нашему мнению, Ю.П. Попова в неполном объеме раскрывает цель провокатора, поскольку получение сведений для использования их в дальнейшем должно сопровождаться искусственным созданием доказательств. Взяткополучатель не осведомлен о намерениях провокатора и соглашается получить незаконное вознаграждение.

В то же время проводимые исследования по проблеме провокации взятки не смогли четко разграничить провокацию взятки и получение и дачу взятки, а также иных смежных составов. В юриспруденции доминирует позиция, согласно которой провокационные действия зачастую охватываются действиями, связанными с подстрекательством, со стороны органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Обзор литературы

В своих исследованиях В.П. Котин приходит к выводу, согласно которому законодательное закрепление провокации взятки представляется

весьма сомнительным. По мнению автора, использование словосочетания «без его согласия» затрудняет процесс доказывания по уголовным делам о взяточничестве, в том числе при производстве оперативного эксперимента. Автор считает, что создание искусственных доказательств не является провокацией и это следует квалифицировать как ложный донос [2, с. 84], что, по нашему мнению, является неверной квалификацией содеянного.

Мы согласны с мнением А. Эстрина, который считает, что получение взятки имеет место вне зависимости от провокации со стороны других лиц, поскольку должностные лица должны нести ответственность за преступление, предусмотренное ст. 290 УК РФ [3, с. 45], в силу допущения криминальных коррупционных проявлений.

По мнению А.М. Пинаева, действия провокатора должны квалифицироваться по ст. 304 и 285 УК РФ [4, с. 21-22], что не является оправданным, поскольку провокатором не всегда выступает должностное лицо.

В своих исследованиях Е.В. Фоменко пишет, что формирование доказательственной базы и желаемого результата по уголовным делам придает провокации определенную направленность [5, с. 79]. Содержание поведения провокатора обуславливается тем, что он активно оказывает влияние на должностное лицо, направляет его деятельность на совершение преступлений коррупционной направленности [6, с. 40].

Мы разделяем точку зрения В.В. Демидова, который утверждал, что в случаях когда попытка передачи предмета взятки удалась, действия должностного лица следует квалифицировать как покушение на получение взятки или оконченный состав преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, в силу криминальных коррупционных ориентиров [7, с. 191]. На наш взгляд, сторонников исследуемой позиции больше, чем противников, так как она соответствует основам уголовно-правовой теории.

Большая часть ученых, занимающихся вопросом уголовной ответственности за служебные преступления, редко обсуждали полную или частичную передачу предмета взятки при провокации [8 – 10], однако, по мнению Верховного Суда Российской Федерации: «Преступление, предусмотренное статьей 304 УК РФ, является оконченным с момента передачи хотя бы части

¹ Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 30.10.2022).

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

имущества, либо начала оказания услуг имущественного характера»¹.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил диалектический метод научного познания. В процессе исследования автором использовались структурно-логический метод, а также методы сравнения, уголовно-правового и сравнительного анализа. Эмпирической базой исследования послужили материалы уголовных дел и правоприменительной практики по преступлениям, предусмотренным ст. 204, 286, 290, 291 и 304 УК РФ.

Результаты исследования

Основным фактором, определяющим актуальность исследования, является высокая степень общественной опасности исследуемой категории преступлений, поскольку они касаются вмешательства в оптимальное функционирование государственного аппарата, в результате чего грубо дискредитируют деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, что приводит к росту недоверия гражданского общества [11, с. 48].

Кроме того, большое практическое значение имеет изучение аспектов различия между составами ст. 290, 291 и 304 УК РФ. В связи с динамично меняющимися общественными отношениями, а также активным реформированием антикоррупционного законодательства у сотрудников правоохранительных органов возникают сомнения в положениях, касающихся их использования в предупредительной деятельности [12, с. 224], в частности при производстве оперативного эксперимента. Так, прокуратура предъявила гр. С. и иным сотрудникам Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России обвинение по следующим составам преступления: п. «в» ч. 3 ст. 286, 303, 304 УК РФ – для всех фигурантов дела, а также ч. 3 ст. 210 УК РФ для гр. С. Сотрудники правоохранительных органов обвинялись в провокации взятки по отношению к служащим государственных учреждений, что следует из материалов уголовного дела. В жалобе экс-глава Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России указывал на то, что в действиях фигурантов отсутствует

состав преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ. По словам экс-главы, «невозможно отграничить провокацию преступлений от законного оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент»².

На основе вышеизложенного целесообразно привести мнение А.Е. Чечетина, который считает, что «даже подстрекательские, т. е. незаконные, действия при проведении оперативного эксперимента не могут квалифицироваться как провокация взятки» [13, с. 76]. Однако из анализа правоприменительной практики следует, что сотрудники правоохранительных органов до 2016 года зачастую привлекались к уголовной ответственности за провокацию взятки, превышение должностных полномочий и пр.

Необходимо отметить, что в связи с активной предупредительной антикоррупционной деятельностью становится актуальным устранение не только фактов взяточничества, но и их провокации. Согласно материалам правоприменительной практики, действия лиц чаще всего квалифицируются по иным статьям УК РФ (например, ст. 285, 286, 303 УК РФ и т.д.), однако это не исключает факта провокационных действий³.

Составы преступлений, предусмотренных ст. 290, 291 и 304 УК РФ, отличаются друг от друга. Разграничение исследуемых преступлений осуществляется по признакам состава преступления. Большое внимание при сравнительном анализе данных составов будут иметь такие факультативные признаки субъективной стороны, как цель и мотив.

По нашему мнению, основными отличительными чертами исследуемых преступлений являются объект посягательства и цель преступления. О.А. Мансуров выделяет несколько признаков достижения цели при совершении преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ:

1. Искусственность условий передачи взятки.
2. Дальнейшее изобличение.

По мнению автора, цель дает возможность отграничить провокацию взятки от преступлений, предусмотренных ст. 290, 291, 204 и др. УК РФ [14, с. 167].

На наш взгляд, в процессе анализа составов исследуемых преступлений следует правильно расставлять приоритеты:

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 // Российская газета. 2013. № 154.

² Уголовное дело в отношении Дениса Сугрובה. Досье. URL: <https://tass.ru/info/4825370> (дата обращения: 05.11.2022); Конституционный суд не стал вмешиваться в дело Дениса Сугрובה. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3668747> (дата обращения: 05.11.2022).

³ Суд дал до 12 лет подбросившим Голунову наркотики полицейским. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/05/2021/60b09db79a794722eba41dcf> (дата обращения: 30.10.2022).

1. Основным отличительным признаком преступлений, предусмотренных ст. 290, 291 и 304 УК РФ, является объект. Так, родовым объектом получения и дачи взятки и провокации являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование государственной власти; видовым – общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 290, 291 УК РФ; общественные отношения, обеспечивающие нормальные условия отправления правосудия, применительно к преступлению, предусмотренному ст. 304 УК РФ. По мнению автора, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, являются общественные отношения, возникающие в деятельности органов предварительного расследования, в том числе органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в процессе сбора доказательств по уголовным делам.

В научной литературе встречаются и другие мнения относительно непосредственного объекта провокации взятки. По мнению М.Н. Голоднюка, ст. 304 УК РФ «защищает общественные отношения, связанные с выполнением такой задачи правосудия, как ограждение невиновного от необоснованного осуждения» [15, с. 51]. По мнению же С.В. Ермакова, «права и интересы невиновного образуют только дополнительный объект, поскольку в первую очередь закрепление ст. 304 УК РФ направлено на обеспечение законной правоохранительной деятельности» [16, с. 56].

2. Разграничения прослеживаются и по объективной стороне исследуемых преступлений. Между преступлениями, предусмотренными ст. 290 и 304 УК РФ, усматривается ряд различий, особенно в их внутреннем содержании. Так, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, характеризуется активными действиями, а именно попыткой передать предмет взятки «без его согласия». На наш взгляд, словосочетание «без его согласия» вызывает множество сомнений, поскольку при получении незаконного вознаграждения должностное лицо органа власти все же преследует коррупционные мотивы и цели.

Понятие «попытка» представляет собой действия, направленные на достижение определен-

ного результата вне зависимости от того, была ли достигнута цель. В отношении провокации попытка включает в себя и незавершенность действий (например, передача части предмета взятки¹). Так, из материалов правоприменительной практики следует, что гр. П1, будучи водителем транспортного средства, получил отказ от получения взятки сотрудником ДПС ГИБДД гр. П2 и З. Из материалов уголовного дела следует, что гр. П1, имея умысел на провокацию взятки, попросил пассажира гр. Г. зафиксировать действия гр. П1, П2 и З. на камеру сотового телефона, а именно то, что сотрудники ДПС ГИБДД гр. П2 и З. вымогали взятку за незаконное бездействие с их стороны. Реализуя свой преступный умысел, гр. П1 подошел к сотрудникам ДПС ГИБДД гр. П2 и З., которые находились в транспортном средстве, вытащил размещенные ранее на сиденье денежные средства, разложил их на крыше транспортного средства сотрудников полиции и продолжил свои противоправные действия, направленные на провокацию взятки. Таким образом, действия гр. П1 явно указывают на искусственно созданные условия для собирания доказательства своей невиновности². В данном случае должностные лица – сотрудники ДПС ГИБДД гр. П2 и З. – не имели умысла на получение предмета взятки, на основании чего действия гр. П1. были квалифицированы как провокация взятки с целью шантажа (ст. 304 УК РФ). Следует отметить, что сотрудники ДПС ГИБДД гр. П2 и З. отказали гр. П1 в получении взятки, что повлекло правовые основания для квалификации действий последнего как покушение на дачу взятки (ч. 3 ст. 30, ст. 291 УК РФ).

3. Исследуемые составы преступления отличаются и по субъекту преступления. Так, преступления, предусмотренные ст. 290 УК РФ, совершаются специальным субъектом – должностным лицом (прим. 1 ст. 285 УК РФ). Субъектом преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Преступления, предусмотренные ст. 304 УК РФ, охватываются признаками субъектов как получения, так и дачи взятки.

4. По субъективной стороне исследуемые преступления разграничиваются исходя из цели посягательства. В провокации взятки – это искусственное создание доказательственной базы для дальнейшего незаконного использования, т.е. следует говорить о прямом умысле провокатора не на получение выгоды от должностного лица, а на

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 // Российская газета. 2013. № 154.

² Уголовное дело № 1-88/2013. URL: <https://rospravosudie.com/court-voroshilovskij-rajonnyj-sud-g-rostova-na-donu-rostovskaya-oblast-s/act-544365390/> (дата обращения: 30.10.2022).

сбор искусственных доказательств в целях привлечения должностного лица к ответственности, в том числе путем шантажа.

Разграничивая составы преступления ст. 304 и 290, ч. 5 ст. 204 УК РФ, необходимо отметить, что они являются взаимоисключающими. То есть если при попытке передать взятку есть признаки состава преступления 304 УК РФ, то по ст. 290 или ч. 5 ст. 204 УК РФ квалификация не осуществляется в связи с отсутствием состава преступления в действиях получателя взятки и наоборот. Об этом свидетельствуют разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹.

Обусловлено это тем, что не может быть обоснованным вменением законопослушному лицу, которому взятка была передана без его ведома, состава преступления получения взятки или коммерческого подкупа, о наличии которого он не знал или дал отказ на его получение. И наоборот, необоснованно говорить о том, что взятка была передана без его ведома, если получатель знал, за что ее получает, и осознавал то, какие услуги должен оказать взамен. Ключевым моментом, разграничивающим эти составы преступлений, является наличие или отсутствие согласия лица, которому адресован предмет взятки или коммерческого подкупа [17, с. 226].

Связано это, в частности, с тем, что, если было получено такое согласие, то получатель понимает, за что передаются ценности и готов совершить взамен определенные действия. После реализации попытки передачи в таком случае может иметь место квалификация по ч. 3 ст. 30 УК РФ, ст. 290 УК РФ, в случае если оно не было пресечено, то может квалифицироваться как оконченное преступление, если хотя бы часть ценностей была получена, а лицо давало согласие на их получение. А.А. Шумский пишет, что если согласие на получение взятки не состоялось, то такие действия можно расценивать как попытку инсценировать получение взятки должностным лицом. На этой почве при уголовной правовой квалификации данных деяний возникают сложности в доказывании наличия или отсутствия такого согласия, в результате при квалификации по ст. 290 или ч. 5 ст. 204 сторона защиты пытается выстроить позицию на основе того, что взятка была не получена, а подброшена, а получатель не давал согласия на ее получение и является потерпевшим [17, с. 227 – 228].

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 // Российская газета. 2013. № 154.

² Приговор Ессентукского городского суда Ставропольского края от 20.09.2019 № 1-167/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wu0jc7GcxTQw> (дата обращения: 30.10.2022).

Так, приговором Ессентукского городского суда Ставропольского края от 20 сентября 2019 г. по делу № 1-167/2019 осужден сотрудник ГИБДД гр. Х. Согласно приговору, гр. Х., будучи должностным лицом, предложил представителю организации, занимающейся срезом веток деревьев, не обращать внимание на то, что работники организации при осуществлении своей деятельности перегородили проезжую часть специальной техникой, не выставив специальных знаков обозначения, в обмен на передачу ему денежных средств в размере 30 000 руб. В случае неисполнения данной просьбы сотрудник ГИБДД угрожал административной мерой наказания в виде штрафа в размере 200 000 руб. согласно КоАП РФ. Представитель организации согласился и передал оговоренную сумму. В судебном заседании подсудимый сотрудник ГИБДД опровергал факт получения взятки, аргументируя это тем, что в момент передачи взятки его не было на рабочем месте и на передачу взятки своего согласия он не давал, указывая на то, что эти деньги ему подбросили с целью искусственного формирования доказательств, порочащих его честь и уличающих в совершении преступления. Гр. Х. указывал на то, что в отношении него следствием не была проработана версия провокации взятки и, поскольку в данном случае имели место признаки преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, просил не вменять ему состав получения взятки в связи с его отсутствием².

Обсуждение и заключение

Таким образом, провокация взятки, являясь преступлением, близким к взяточничеству, не корреспондирует ему. По этой причине к данному преступлению неприменимы составы оконченных преступлений, предусмотренных ст. 290 или 291 УК РФ.

На основании результатов проведенного исследования приходим к следующим выводам:

– различие между преступлениями, предусмотренными ст. 290 и 304 УК РФ, основано на понимании того, что провокационные действия по отношению к содержанию составных элементов не отражают качественных свойств объективной и субъективной сторон получения взятки;

– при совершении преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, попытка передачи предмета взятки является провоцирующим действием без согласия должностного лица. Из материалов правоприменительной практики следу-

ет, что лицо, имея умысел на дачу взятки (ст. 291 УК РФ), получает отказ, вследствие чего пытается спровоцировать взятку путем шантажа, что следует квалифицировать как провокацию взятки (ст. 304 УК РФ). В данной ситуации возникают трудности при разграничении составов преступлений ч. 3 ст. 30, ст. 291 и ст. 304 УК РФ, однако суды придерживаются квалификации по ч. 3 ст. 30, ст. 291 УК РФ;

– в процессе провокации лицо, передающее предмет взятки, действует без согласия должностного лица либо оставляет его в неведении о своих преступных намерениях. В данном случае следует говорить о необходимости совершения деяний со стороны должностного лица, поскольку провокатор собирает доказательства для использования их в дальнейшем, в том числе путем шантажа;

– при совершении преступлений, предусмотренных ст. 304 УК РФ, провокатор ставит перед собой цель создать искусственные условия для совершения преступления или шантажа.

Следует отметить, что должностные лица, совершившие преступления, предусмотренные ст. 290 УК РФ, в ходе предварительного следствия или в суде пытаются оправдать свои незаконные действия, указывая на то, что при передаче предмета взятки они не проявляли согласия на ее получение, на основании чего их действия следует переквалифицировать на провокацию взятки (ст. 304 УК РФ). Однако, на наш взгляд, в случае получения взятки необходимо рассматривать именно внутренние побуждения должностного лица к незаконному обогащению.

На наш взгляд, если провокационные действия совершаются физическим лицом, достигшим возраста уголовной ответственности по отношению к должностному лицу органа власти, то деяние следует квалифицировать как покушение на дачу взятки (ч. 3 ст. 30, ст. 291 УК РФ), в случае отказа должностного лица от совершения противоправ-

ных действий – получения незаконного вознаграждения. Если же должностное лицо выражает свое согласие на получение взятки, действия следует квалифицировать по ст. 290 и 291 УК РФ как оконченное преступление.

В тех ситуациях, когда действия провокатора охватываются интересом оперативных сотрудников при соблюдении положений оперативно-розыскного законодательства, действия должностного лица, получившего взятку, следует квалифицировать по ст. 290 УК РФ. Однако если деятельность оперативных сотрудников по существу проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» является незаконной, то есть с нарушением оперативно-розыскного законодательства, действия должностных лиц оперативных подразделений должны быть квалифицированы как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и провокация взятки (ст. 304 УК РФ). В данном случае лицо, участвующее в качестве провокатора, ответственности не подлежит.

На основании вышеизложенного автор предлагает изложить ст. 304 УК РФ в следующей редакции:

«... действия, направленные на передачу должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, либо лицу, указанному в части первой статьи 200⁵ настоящего Кодекса, денежных средств или иного имущества, а также оказание ему услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав для создания искусственных доказательств в интересах органов предварительного расследования по уголовным делам, выполненные с нарушением требований федеральных законов, в том числе путем шантажа».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попова Ю.П. Некоторые проблемные вопросы квалификации взяточничества: анализ позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 4 (54). С. 25 – 33.
2. Котин В.П. Провокация взятки (к проблеме совершенствования законодательства) // Государство и право. 1996. № 2. С. 82 – 87.
3. Эстрин А. Должностные преступления. Москва: Народный комиссариат юстиции РСФСР, 1928. 108 с.
4. Пинаев А.М. Ответственность за соучастие в даче взятки // Советская юстиция. 1972. № 21. 101 с.
5. Фоменко Е.В. Юридический анализ признаков субъективной стороны состава преступления, связанного с подкупом, в контексте необходимости правильной квалификации наиболее опасных преступлений коррупционной направленности // Правовая культура. 2019. № 2. С. 71 – 84.

6. Дубоносов Е.С. Провокация взятки при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 34 – 42.
7. Преступления против правосудия: толкование уголовного закона; комментарии статей УК РФ; материалы судебной практики; статистика / под ред. А.В. Галаховой. Москва: Норма, 2005. 416 с.
8. Волженкин Б.В. Служебные преступления. Москва: Юристъ, 2000. 368 с.
9. Яни П.С. Провокация взятки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1. С. 95 – 103.
10. Егорова Н. Провокация взятки либо коммерческого подкупа // Российская юстиция. 1997. № 8. С. 26 – 29.
11. Куликов А.В., Перцев Д.В. Проблемные вопросы разграничения получения взятки и провокации взятки как смежных составов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 2. С. 46 – 53. DOI: 10.24412/2071-6184-2022-2-46-53
12. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юристъ, 2004. 304 с.
13. Правовые основы проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях выявления и документирования получения взяток : учебно-методическое пособие / М.Л. Родичев, А.И. Тамбовцев, А.Е. Четин [и др.] ; Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета России, 2018. 175 с.
14. Мансуров О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с провокацией взятки либо коммерческого подкупа: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Москва, 2001. 215 с.
15. Гриненко А. Проблемы отграничения взятки или коммерческого подкупа от их провокации при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Уголовное право. 2013. № 5. С. 50 – 52.
16. Ермаков С.В. Вопросы уголовно-правовой квалификации по статье 304 УК РФ действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 2 (89). С. 53 – 61. DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00005
17. Шумский А.А., Сапсай М.В., Коннов Р.А. Проблемы уголовной квалификации преступления «провокация взятки» // Modern Science. 2021. № 2-1. С. 224 – 229.

REFERENCES

1. Popova YU.P. Nekotorye problemnye voprosy kvalifikacii vzyatochnichestva: analiz pozicii Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2020. № 4 (54). S. 25 – 33.
2. Kotin V.P. Provokaciya vzyatki (k probleme sovershenstvovaniya zakonodatel'stva) // Gosudarstvo i pravo. 1996. № 2. S. 82 – 87.
3. Estrin A. Dolzhnostnye prestupleniya. Moskva: Narodnyj komissariat yusticii RSFSR, 1928. 108 s.
4. Pinaev A.M. Otvetstvennost' za souchastie v dache vzyatki // Sovetskaya yusticiya. 1972. № 21. 101 s.
5. Fomenko E.V. YUridicheskij analiz priznakov sub"ektivnoj storony sostava prestupleniya, svyazannogo s podkupom, v kontekste neobходимosti pravil'noj kvalifikacii naibolee opasnyh prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti // Pravovaya kul'tura. 2019. № 2. S. 71 – 84.
6. Dubonosov E.S. Provokaciya vzyatki pri osushchestvlenii operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Izvestiya Tul'skogo gosuniversiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2016. № 3-2. S. 34 – 42.
7. Prestupleniya protiv pravosudiya: tolkovanie ugolovnogo zakona; kommentarii statej UK RF; materialy sudebnoj praktiki; statistika / pod red. A.V. Galahovoj. Moskva: Norma, 2005. 416 s.
8. Volzhenkin B.V. Sluzhebnye prestupleniya. Moskva: YUrist", 2000. 368 s.
9. YAni P.S. Provokaciya vzyatki // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2007. № 1. S. 95 – 103.
10. Egorova N. Provokaciya vzyatki libo kommercheskogo podkupa // Rossijskaya yusticiya. 1997. № 8. S. 26 – 29.
11. Kulikov A.V., Percev D.V. Problemnye voprosy razgranicheniya polucheniya vzyatki i provokacii vzyatki kak smezhnyh sostavov prestuplenij // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2022. № 2. S. 46 – 53. DOI: 10.24412/2071-6184-2022-2-46-53
12. Kudryavcev V.N. Obshchaya teoriya kvalifikacii prestuplenij. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: YUrist", 2004. 304 s.
13. Pravovye osnovy provedeniya operativno-rozysknyh meropriyatij v celyah vyyavleniya i dokumentirovaniya polucheniya vzyatok : uchebno-metodicheskoe posobie / M.L. Rodichev, A.I. Tambovcev,

А.Е. СHechetin [i dr.] ; Sankt-Peterburgskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossii, 2018. 175 s.

14. Mansurov O.A. Ugolovno-pravovye mery bor'by s provokaciej vzyatki libo kommercheskogo podkupa: dis. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Moskva, 2001. 215 s.

15. Grinenko A. Problemy otgranicheniya vzyatki ili kommercheskogo podkupa ot ih provokacii pri provedenii operativno-rozysknyh meropriyatij // Ugolovnoe pravo. 2013. № 5. S. 50 – 52.

16. Ermakov S.V. Voprosy ugolovno-pravovoj kvalifikacii po stat'e 304 UK RF dejstvuj sotrudnikov operativnyh podrazdelenij, dopustivshih provokaciyu // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii. 2019. № 2 (89). S. 53 – 61. DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00005

17. SHumskij A.A., Sapsaj M.V., Konnov R.A. Problemy ugolovnoj kvalifikacii prestupleniya «provokaciya vzyatki» // Modern Science. 2021. № 2-1. S. 224 – 229.



Информация об авторе:

Фарахiev Динар Минзеферович, оперуполномоченный Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по Республике Татарстан, ORCID: 0000-0001-6419-7701, dfarahiev@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Farahiev Dinar M., Detective of the Department of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Tatarstan, ORCID: 0000-0001-6419-7701, dfarahiev@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 09.11.2022

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (<http://www.udk-codes.net/>).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5-10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

введение (Introduction);

обзор литературы (Literature Review);

материалы и методы (Materials and Methods);

результаты исследования (Results);

обсуждение и заключение (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

7.1. Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

7.2. Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

7.3. Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

7.4. Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

7.5. Обсуждение и заключение. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.7–2021. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффiliation авторов (на русском и английском языках): Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта.

10. Вклад соавторов. В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала: <http://www.vestnikkui.ru>.

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Зотиной Еленой Владимировной (тел. (843) 537-62-13, электронный адрес: vestnikkui@mail.ru).



Главный редактор Ф.К. Зиннуров
Заместитель главного редактора С.Н. Миронов
Корректоры Е.В. Зотина, Е.О. Смирнова
Дизайн, верстка О.В. Добрыднева
Перевод Е.О. Смирнова
Редакционно-издательское отделение
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130

Дата выхода в свет 24.03.2023. Цена свободная.
Формат 60x84 1/8 Усл. печ. л. 20 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Тираж 100 экз.